

LP.
Rukovodstvo k izucheniiu...
РУКОВОДСТВО

КЪ ИЗУЧЕНИЮ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

содержащее

ОБЪЯСНЕНІЯ ПОНЯТІЯ ОБЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВАХЪ, ТЕОРІЮ КРАСНОРЪЧІЯ,
ПІИТИКУ И КРАТКУЮ ИСТОРІЮ ЛИТЕРАТУРЫ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ПРОФЕССОРОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО
УЧИЛИЩА И ИМПЕРАТОРСКАГО УЧИЛИЩА ПРАВОВЪДѢНІЯ

Петромъ Георгіевскимъ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА, А. СМЕРДИНА И КОМ.
1836.

65170271

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра. — Санктпетербургъ,
Іюня 17 дня, 1836 года.

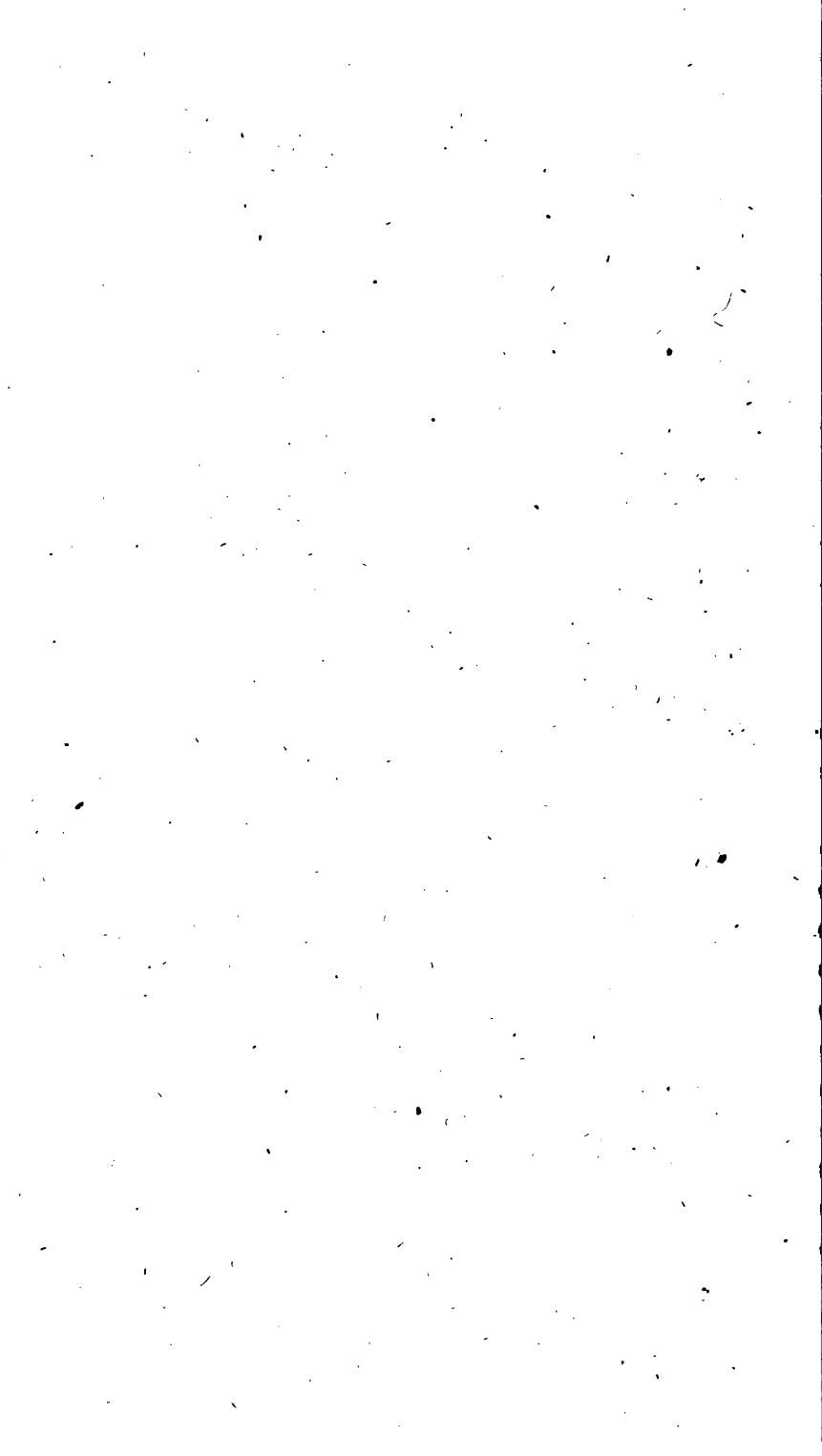
Ценсоръ *А. Никитенко.*

24

XIII
2131
MAIN

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ области Изящныхъ наукъ не много Начало и
ходъ языка.
найдется предметовъ столь важныхъ и занимательныхъ, какъ изслѣдованіе постепеннаго усовершенствованія человеческого слова. Въ изслѣдованіи семъ упражнялись не только одни извѣстные Литераторы, но и многіе Философы посвящали ему свои размышленія. — Языкъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, значитъ изображеніе нашихъ идей посредствомъ извѣстныхъ образованныхъ звуковъ (*sons articulés*). Подъ этими звуками разумѣются измѣненія, напѣвы, тоны голоса, выходящіе изъ груди и образуемые помощію рта и всѣхъ частей его. — Способъ взаимнаго сообщенія посредствомъ языка въ наши времена доведенъ до возможнаго совершенства; намъ легко нынѣ выражать не только чувствственные, но и ошлечасть IV. 1

ченныя понятія , и всѣ идеи , какія только можно пріобрѣсти помощію науки , или воображенія . — Сего мало : языкъ сдѣлался даже орудіемъ упоенной роскоши ; для насъ не довольно одной ясности , мы пребудемъ изящества и украшеній ; мы не довольствуемся узнаніемъ мыслей другихъ , но желаемъ , дабы онѣ представлены были въ привлекательномъ для воображенія нашего видѣ . — По привычкѣ къ сему необыкновенному феномену , мы смотримъ на него безъ удивленія . — Но если размыслимъ о первыхъ опытахъ и усиліяхъ людей въ образованіи языка ; если представимъ , какъ бѣдны были начальныя ихъ въ томъ открытія , какъ медленны успѣхи , и сколь великія могли воспрѣпятія они препятствія : то должны будемъ согласиться , что совершенство , котораго достигнулъ языкъ , есть дѣло многихъ вѣковъ , достойное удивленія .

Начало Словесности непосредственно сливается съ первымъ началомъ чловѣка , который , при появленіи въ міръ , долженствовалъ удивляться зрѣлищу роскошной Природы и съ чувствомъ признательности славословить Виновника бытія своего , возвѣщая хвалу ему и повѣдавъ его славу . — И такъ первое сердечное изліяніе благодарныхъ чувствій Непостижимому есть пер-

вый плод Словесности, современный, началъ Природы.

У насъ нѣтъ памятниковъ относительно постепенныхъ успѣховъ слова и ума человеческого прежде пошопы; нѣтъ никакихъ доказательствъ, какъ говорили тогда уму и сердцу: въ великомъ измѣненіи Природы все погвбло. — Сужденія любителей древности о словѣ и умѣ первородныхъ земли сунъ только однѣ догадки, выводимыя изъ общихъ, началъ и особливыхъ наблюдений. Вся основа Истории первыхъ вѣковъ міра долженствуетъ утверждаться на книгахъ Моисея. Тамъ мы встрѣчая, что допошопные жители умѣли воздѣлывать землю, строить жилища, ковать металлы и проч. со всею вѣроятностію заключить можемъ, что такія практическія познанія, слѣдствія необходимости въ общежитіи, были плодомъ опытовъ и вмѣстѣ размышленій, за успѣхами которыхъ естественно должныствовали слѣдовать успѣхи ума и Словесности. Такъ человеческое слово, подобно людямъ, имѣло тогда, какъ и во всякое время, свое младенчество и свой возрастъ. — Такъ область Словесности первыхъ людей должнаствовала распространяться по мѣрѣ распространенія области словъ и взаимныхъ отношеній. Тогда не было, можетъ

быть, только тѣхъ началъ и правилъ, которыя въ послѣдствіи приведены въ систему.

Постепенное усовершенствованіе слова.

Въ природѣ, такъ какъ и въ обществахъ, все идетъ постепенно. — Душевные наши силы и понятія подлежатъ тѣмъ же законамъ, каковыя подлежатъ всѣмъ тѣламъ органическимъ. — Между брошеннымъ рукою землянымъ сѣменемъ и происшедшимъ отъ него плодомъ примѣчается великое разстояніе. — Отъ единицы до безконечныхъ Архимедовыхъ вычисленій, отъ низкаго шалаѣна до величественнаго купола церкви Св. Петра въ Римѣ, отъ сельской свирѣли пастуховъ до симфоніи Моцарта, отъ простаго, нескладнаго выраженія сердечныхъ чувствованій до твореній Омира — сколько находится постепенностей! — Подобнымъ образомъ и рѣчь наша имѣла такія же постепенности. — Безъ сомнѣнія, весьма трудно описать намъ невѣжество и грубость; предшествовавшія той мрачной эпохѣ, послѣ которой наши предки вздумали умягчить дикій свой крикъ, дать названія вещамъ и ввести между подобными себѣ новый родъ соотношенія. — Сколько первые эти опыты были трудны! Сколько потребно было времени для собранія главныхъ правилъ *Философской Грамматики*! Сколько нужно было размышленій,

дабы достигнуть языка правильного, сильного и разительного! — Только *мужда*, сія великая наспавница людей, *и время* могли довести *даръ слова* до высшаго совершенства.

Но что была первоначальная рѣчь безъ Правила, извлеченныя изъ словесныхъ произведеній. умозрѣнія, безъ правилъ? первое изліяніе восторгеннаго сердца, пораженнаго какимъ либо предметомъ и увлеченнаго пламеннымъ воображеніемъ. — Когда же творческое воображеніе, воздвигло въ умахъ людей первые себѣ памятники; тогда пробудилась въ человѣкѣ потребность въ Изящному; тогда узнали, что рѣчь имѣетъ болѣе, или менѣе, ясности, занимательности, точности, живости, силы, пылкости и согласія. — Сочиненія, подающія поводъ къ новымъ полезнѣйшимъ наблюденіямъ, хранились какъ перлы образцы, какъ драгоценныя памятники успѣховъ человеческого познанія. — Ихъ читали, разбирали, повинуясь сравнительно съ ними, соображались съ собою, приращую, образы ваяли и съ того времени начали постановлять правила для Поэзіи и Красноречія. — А почему нѣтъ ничего занимательнѣе для философа, какъ обратный взглядъ на эти первыя предпріянія человеческого ума, подвиги юного, младша, врыла свои вышніе круги философскихъ мукъ

Изъ всего прежде изложеннаго видно, что происхожденіе рѣчи, или языка вообще, заключено въ самой природѣ человека и современно его существованію. — Но какой языкъ древнѣйшій изъ всѣхъ, и каковыми народамъ одолжена Европа корнемъ своихъ познаній? все это погружено во мракъ первобытныхъ временъ, и свѣтильникъ Исторіи не можетъ разсвѣтъ сего мрака: ибо изслѣдованія историческія простираются только до того времени, когда изобрѣнено письмо, преимущественно содѣйствовавшее къ усовершенію всѣхъ искусствъ, а особливо языка.

Опредѣленіе
Литературы
и отноше-
ніе ея къ
языку.

Показать начало языка вообще, перейдемъ къ Литературѣ и Словесности, которая въ отношеніи къ языку есть тоже, что изящное искусство къ матеріалу произведенія. — Словесность происходитъ отъ слова, которое не рѣдко означаетъ даръ краснорѣчія, выпѣства. — Св. Апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *И азъ пришелъ къ вамъ, братіе, приидохъ, не по превосходному словеси, или премудрости, обзвѣщая вамъ соудительство Божіе; ш. е. И я, братіе, пришелъ къ вамъ возвѣстити откровеніе Божіе, не по превосходству дара слова, не по краснорѣчію и проч. У него же далѣе: И слово мое, и*

проповѣдь моя не въ словесныхъ челоуѣческихъ
премудрости, но въ явленіи духа и силы;
ш. е. И ученіе мое, и проповѣдь моя заклю-
чаются не въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ
челоуѣческой мудрости, но въ познаніи ду-
ха и силы. — Глаголъ *словесествовати*, нынѣ
не употребляемый, означалъ: краснорѣчиво
говорить. — Въ наслоящемъ значеніи Сло-
весность народа есть говорящая картина
его нравовъ, обычаевъ и образа жизни. —
Въ каждомъ оригинальномъ писателѣ почти
невольно пробиваются черны народныя, и
Литература въ нѣкоторомъ смыслѣ есть
первый признакъ жизни нации. Но если раз-
сматривать Словесность (*) въ обширномъ
значеніи; то не найдемъ предмета, совершен-
но ей неизвѣстнаго. — Она распространяет-
ся на всѣ прочія науки и искусства, хотя
въ нихъ языкъ и не составляетъ суще-
ственной части. — Она входитъ въ область
Исторіи; обогащается разсужденіями Фило-
софій; словомъ она есть общее сокровище,
увеличивающееся отъ всѣхъ изысканій и

(*) У Германцевъ подъ словомъ Литература разумѣ-
ется также свѣдѣніе о книгахъ, а часно только о названі-
яхъ книгъ. — Говорятъ: эта книга содержишь въ себѣ
много Литературы, когда наполнена множественнымъ ссы-
ломъ на писателей о томъ же предметѣ.

изобрѣшеній, неловческаго дѣла. — Сипиховскіе, Краснорѣчіе, Философія, и всѣ словесныя произведенія, соотвѣтствующія образованности и дѣятельности народа, заключающіяся въ Литературу и распространяющія предѣлы ея. — А потому, до успѣхамъ Литературы, заключающъ и о степени образованія народа.

Предметъ Исторіи Литературы какаго либо народа представляетъ все, что постигнуто и для другихъ изобразить умъ цѣлой націи. — А потому изъ Исторіи Литературы узнаемъ мы характеръ націи, бывшія въ ней перемѣны, религію, правленіе, обычаи, мѣстныя красоты природы, словомъ: всѣ подробности жизни народа.

Причины успѣховъ и замедленія Литературы Успѣхамъ Литературы въ особенностяхъ способствующихъ: политическое устройство народа, его образованность, поширеніе правительствѣ, климатъ, мѣстное положеніе, торговля и прочія сношенія съ другими народами. — Противоположныя же имъ причины осаждавающія ходъ Литературы.

Степени успѣховъ Литературы. Не всѣ народы ознаменовали бытіе свое успѣхами Литературы: многіе изъ нихъ исчезли съ лица земли, не оставивъ никакихъ умственныхъ памятниковъ бытія своего. — Сколько языковъ, и съ ними мнѣхъ изреченій и любопытныхъ преданій,

погребены въ забвѣніи! — Сколько, можетъ
быть, гениовъ, благородныхъ душъ съ вы-
сокими помыслами, осталось въ неизвестно-
сти! Можно ли отвергать что въ глубокой
древности находились поэты, кѣхъ для
Омира и Пиндара были тѣмъ же, чѣмъ Омиръ
и Пиндаръ служили для потомства? — Го-
рацій устами Ломоносова говоритъ:
« Герои были до Априана »
« Но древность, скрыва ихъ отъ насъ ; »
« Что дѣл ихъ не оставилъ вида »
« Безсмертный стихотворцевъ гласъ . »
У дикихъ и полудикихъ народовъ Ли-
тература ограничивается только пѣснями,
пословицами и другими изустнословесными
произведеніями, содержащими разсказы о раз-
личныхъ приключеніяхъ младенческаго
общества. — Но и у образованныхъ на-
родовъ степени Литературы различны! —
Литературы древнихъ Грековъ и Римлянъ, до-
шедъ до извѣстной степени, остались только
въ книгахъ, и языкъ ихъ уже не имѣютъ
живаго употребленія. — У Англичанъ, Фран-
цузовъ, Нѣмцевъ находились классическіе
писатели почти во всѣхъ родахъ Словесно-
сти; въ Русской Литературѣ, еще юной,
были и нынѣ являются писатели во мно-
гихъ родахъ, но достоинство и важность

ихъ еще не опредѣлены критикою. — Литературы Сербская и Ново-Греческая начинаютъ только выходить изъ младенчества: писатели ихъ, следуя чужеземнымъ образцамъ, а иногда порываямъ пламеннаго воображенія, представляютъ несколько замѣчательныхъ произведеній народной поэзіи.

Примечаніе. Сербскія пѣсни, отличающіяся неподдѣльною простотою, вѣрнымъ изображеніемъ народныхъ нравовъ, понятій и жизни. — Пѣсни эти изданы Сербскимъ литераторомъ *Вукомъ Стефановичемъ*. — Многія изъ нихъ переведены на Русскій языкъ *Г. Востоковымъ*. — Но успѣхи умственной дѣятельности Сербовъ весьма незначительны.

Разность оригинальныхъ и подражательныхъ произведеній Литературы.

Произведенія Литературы бываютъ оригинальными и подражательными. — Въ оригинальныхъ сочиненіяхъ писатели создаютъ собиравшія изображенія предметовъ и ихъ дѣйствій; дають имъ характеръ и всѣ краски соотвѣтственно тому времени, когда они были, и тому мѣсту, гдѣ они дѣйствовали. — Въ подражательныхъ сочиненіяхъ писатели стараются сохранить все, чѣмъ отличаются образцовыя творенія, какъ-то: наружный ихъ видъ, расположеніе частей, украшенія и ихъ характеръ. — Оригинальныя сочиненія знакомятъ

читавшая съ замѣчательными чертами жизни народа въ эпоху, избранную сочинителемъ. — Подражательныя же сочиненія доставляютъ пользу только языку; потому что въ нихъ можно встрѣтить избранныя выраженія и счастливыя обороты словъ. — У одного и того же народа Литература въ разные времена иногда бываетъ подражательною, иногда болѣе оригинальною. — Песеходы еще оригинальнѣе къ подражанію; причины ихъ изображающія въ Исторіи Литературы.

Словесность раздѣляется во 1) по *странѣ*: на Восточную, Сѣверную, Европейскую, Азіатскую, Американскую; во 2) по *языку или нарѣчію*: на Еврейскую, Греческую, Римскую, Русскую и проч. и 3) по *времени*: на древнюю, среднюю и новую. — И Исторію Литературы можно раздѣлять на древнюю, среднюю и новую. — Древняя простирается до Константина Великаго, когда Христіанская Вѣра сдѣлалась господствующею въ Европѣ; средняя (до кончанія крестовыхъ походовъ; или до начала образованія по образцамъ древнихъ писателей; а новая до настоящаго времени.

Раздѣленіе
Словесности

Раздѣленіе
Исторіи Литературы.

Примѣч. Нѣкоторые, наводя характеристики на Словесности соотносываютъ ими четыремъ возрастамъ чловѣка, при-

нимають: молодечество і бовесності, піспирающеся до Омира, юності, обнимающую весь древній міръ Грековъ, зрѣли оостатъ, заключающійся въ новомъ мір со введѣніи Христіанства, а дремлющая та — возрастъ мудрости, начавшійся цениши сполнашемъ. Впрочеи такое р дѣленіе богъ: ушонтанно, називає: справ ливо. — На немъ въ наше время основані вѣтъ: въ которую разнесли въ произведенія древней і наповой: Познѣюши ази мнѣи а.

А. ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

І. ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Миргіе памашники древности, по вел сташку писемъ, не дошли до насъ. — І среди первобытныхъ народовъ і достигши: высокою эспещическою образованіи, опы чашеся священною поезією и исторією в родѣ Еврейскій, у котораго находимъ де гоцвнныя і вѣщанія, проспирающіася, п моцію преданій, до начала міра. — Свяще нны Библейскія книгъ, кромѣ спасител ныхъ наставленій і дають памашіе о вѣс гесподствовавшихъ въ івѣскоіко вѣкохъ народи, весьма опиничають і мнѣтшныи народомъ. — Однѣ изъ книгъ Вѣдиха За

на принадлежатъ къ поэзіи, другія къ про-
 зѣ. — Къ послѣднимъ можно отнести всѣ
 историческія творенія и Моисеевы книги;
 къ первымъ принадлежатъ: книги Іова, псал-
 мы Давида, пѣсни Соломона, плачь Іереміи,
 большая часть пророчествъ и даже многія
 пѣснѣи изъ Еврейской Исторіи. — У Евреевъ
 поэзія служила средствомъ къ возбужденію
 благоговѣйныхъ чувствованій Религіи, къ
 бразованію и раскрытію народнаго харак-
 пера. — Самая Христіанская Вѣра учредила
 въ богослуженіяхъ чтеніе твореній Еврей-
 скихъ пѣнописцевъ, имѣя въ виду уваже-
 ніе къ симъ священнымъ пѣснямъ, выражаю-
 щимъ пламенную и благоговѣйную любовь
 о Всеблагому Творцу. —

Время отъ Авраама до Моисея предста- Авраамъ.
 вляетъ паспущескую жизнь Еврейскаго на-
 рода и его переселеніе. — Но отъ сего вре-
 мени не дошло до насъ произведеній поэзіи,
 о незнанію письменъ. — Моисей, боговдох- Моисей.
 овенный быпописатель, философъ, поэтъ
 законодатель, проникнутый неземною
 удростию, выразилъ жизнь своего народа,
 пользовавшагося особымъ покровительст-
 вомъ Божиимъ. — Народъ Еврейскій, успро-
 ный Моисеемъ въ землѣ Обѣщанной, дол-
 женъ былъ защищать права свои на оную
 время Самуила. — Это время ознаме- Самуилъ.

новано войнами и пѣснями, о подвигахъ
роевъ. Но блестящій періодъ просвѣщен
Литературы и Изящныхъ Искусствъ пр
должается отъ времени Самуѣла до раз
ленія Государства. *Псалмы Царя Проро*
Давида и твореніе *Соломона*: *Экклезіас*
проникнушы небеснымъ восторгомъ, и в
носятся надъ всѣмъ обыкновеннымъ мн
высоко, какъ сколько человеческое вооб
женіе парить можетъ. — Съ смерцію Со
мона могущество Государства начало уме
паться, а съ плѣненіемъ Вавилонскихъ уга
и народный духъ Израильскій. Плѣненіе Ев
евъ подало поводъ къ унылымъ пѣснямъ, р
дававшимся долгое время на берегахъ Ефрата
Хотя, по возвращеніи ихъ въ Палестину
по возобновленіи Храма, *Ездра* и состави
ученое общество для собранія словесны
произведеній, а *Неемія* учредилъ при Хра
библіотеку; но, съ упадкомъ духа народа
не спало и Словесности, а наипаче, ког
Евреи сдѣлались данниками сперва Персо
потомъ Македонянъ и наконецъ Римлянъ.

Ездра.

Неемія.

Характеръ
Еврейской
Литерату
ры.

Общій характеръ Литературы Евр
ской есть свѣдѣно вдохновенный, пророчес
лиризмъ, которымъ проникнушы и Бо
словіе, и бытописанія, и законодательство.
Пѣвическій языкъ Ветхаго Завета сильн
отважнѣе, живѣе всѣхъ прочихъ извѣстныхъ

стихотворныхъ языковъ. — Тамъ говоритъ само вдохновеніе; предметы не описываются, но ясно представляются глазамъ нашимъ; переходы быстры, связь нечувствительна.

Если произведенія Еврейской поэзіи подвести подъ нынѣшнее раздѣленіе стихотвореній; то мы найдемъ въ нихъ роды: Дидактическій, Елегическій, Пастушескій и Лирическій. — Къ Дидактической поэзіи должно отнести нѣкоторыя *Псалмы Давида*, *Притчи*, книги *Екклесіаста*. — Къ Елегической: *Плачь Давида о другѣ своемъ Ионаванъ*; во превосходное произведеніе въ этомъ родѣ — *Плачь Пророка Іереми*. — Образцами Пастушеской поэзіи могутъ быть *Пѣсни Соломоновы*. — Но Лирическая поэзія, бывшая у Евреевъ въ соединеніи съ музыкою, встрѣчается повсюду въ Ветхонъ Заветѣ. Сюда должно отнести Псалтирь, гимны, пѣсни и разные отрывки изъ книгъ историческихъ.

Общее расположеніе Еврейской поэзіи есть единственное въ своемъ родѣ. Оно отличается раздѣленіемъ cadaго періода на два почти равные члена, соотвѣтствующіе одинъ другому смысломъ и тономъ. Первый членъ содержитъ мысль, разумную во вѣдомъ, или только выражен-

Тонъ и ходъ Еврейской поэзіи.

ную" другимъ образомъ; нерѣдко второй членъ противоположается первому; въ каждомъ членѣ одинакое словорасположеніе и почти одинакое число словъ; на пр: *Воспойте Господеви пѣснь нову, воспойте Господеви вся земля: воспойте Господеви, благословите имя Его: благословите день отъ дне спасеніе Его. Возвѣстите во языцехъ славу Его, во всѣхъ людехъ чудеса Его. Яко велий Господь и хваленъ злыо: страшенъ есть надъ всѣми бози. Яко вси бози языкъ бѣсове, Господь же небеса сотвори. Псаломъ ХСVI.*

Причины
особеннаго
образа сочи-
неній у Ев-
реевъ.

Такое особенное расположеніе сочиненій, введенное Евреями, произошло отъ обыкновенія ихъ пѣть при богослуженіи священные гимны и отъ желанія примѣнявъ поэзію къ музыкѣ. Они пѣвали гимны въ сопровожденіи музыкальных орудій, раздѣлясь на два хора; на прим. первый пѣлъ: *Господь воцарися, да радуется земля!* второй опѣвчалъ: *да веселятся острова мнози!* первый восклицалъ: *облака и мракъ окрестъ Его;* второй пѣлъ въ опѣвѣхъ: *правда и судьба исправленіе престола его.*

Особенныя
красоты, на-
ходимыя у
Еврейскихъ
псалмовъ.

Сверхъ сего отличительнаго свойства Еврейской поэзіи, она изобилуетъ смѣлыми метафорами, аллегоріями и другими фигуральными оборотами, въ которыхъ подобія

и изобрѣшенія взяты изъ величественнаго богослуженія, изъ природы, нравовъ, обрядовъ и другихъ обстоятельствъ домашней жизни Евреевъ. Они любили занимать-ся скопованиемъ, такъ что и сами цари ихъ не презирали этого занятія; потому и находимъ у нихъ описанія, взятые изъ простой сѣльской жизни, какъ на прим. въ псалмѣ XXII и въ другихъ мѣстахъ. Совершенный недостатокъ воды въ жаркіе мѣсяцы дѣлалъ драгоценнымъ и небольшой источникъ, или внезапный дождь; опъ того въ Еврейскихъ пѣснопѣніяхъ такъ часто говорится о источникахъ, о иссохшей землѣ. Но изъ всѣхъ пѣснопѣческихъ фигуръ олицетвореніе (прозоророеіа) особенно украшаетъ и возвышаетъ слогъ Священнаго пѣванія. Въ изображеніяхъ своихъ Еврейскіе писатели олицетворяютъ всю природу, а также когда прославляютъ дѣянія Творца; такъ на прим. у Іова: *Воды зрѣли Господа—и ужасались; горы зрѣли Его—и трепетали; наводненіе изгнано; бездна издавалась свой и простирала къ верху руки свои.*

Примѣч. Еврейскій древній языкъ, бывшій разговорнымъ до паденія Вавилонскаго, въ этого времени вышелъ изъ употребленія, содѣлался языкомъ Богослужебнымъ и священнымъ. Полагаютъ, что азбука, въ по-
часть IV. 2

время употреблявшаяся, имѣла сходство съ Самаритянскою.

2. Индійская Литература.

Санскрит-
скій языкъ.

Изъ древнихъ Литературъ Индійская есть замѣчательнѣйшая, судя по открытымъ доселѣ произведеніямъ и по описаніямъ Англійскихъ ориенталистовъ, между которыми особенно извѣстенъ необыкновеннымъ энтузіазмомъ въ Санскритскому языку Литературъ Джонсъ, основатель Азіатскаго Общества. Языкъ Санскритскій, съ давняго времени вышедшій изъ употребленія по мнѣнію многихъ филологовъ, почтимаый корнемъ всѣхъ языковъ Индо-Германскихъ, имѣетъ большое сходство съ Славянскимъ, Персидскимъ, Греческимъ и Латинскимъ не только въ коренныхъ словахъ но и въ основныхъ частяхъ Грамматики. Нынѣ онъ составляетъ языкъ богослуженій и книжный, изучаемый Браминцами просвѣщенными Индейцами; имѣетъ много гибкости, звучности и вѣжности, что всѣ книги писаны стихами. Опиошенія словъ въ Санскритскомъ языкѣ выражаются посредствомъ окончательныхъ слоговъ. Пазбуквъ этого языка, состоящей изъ 52 буквъ составились азбуки другихъ нарѣчій Индійскаго полуострова.

По ошзываютъ Англійскихъ и Французскихъ ориенталистовъ, Самоиринская Литература, послѣ Китайской, Арабской и Персидской, есть богатѣйшая: она изобилуетъ произведеніями стихотворными и сочиненіями, относящимися къ Философіи, Грамматикѣ и другимъ наукамъ. Сочиненія Индійцевъ раздѣляются на *свѣщенныя* и *свѣтскія*, чтеніе первыхъ исключительно предоставлено Брамминамъ. Веды, древнѣйшія Веда-памятники литературы Индійской, содержатъ въ себѣ религію, исторію, философію и поэзію Индійцевъ. Прабабеніе къ Ведамъ составляютъ гражданскіе законы *Ману*, почитающіеся также священными, *Ману*, какъ и всѣ писанныя ими произведенія, Индійцы съ дѣтства изучаютъ эти книги, исполняя всѣ посылы философіи и нравственности и служившія испочинкомъ, изъ котораго даже древніе философы Греческіе почерпали правила мудрости.

Свѣтская литература Индійцевъ изобилуетъ многими произведеніями, отличающимися живою въ чувствованіяхъ, разнообразіемъ въ вымыслахъ и роскошью въ слогахъ. Но изъ всѣхъ произведеній счастливо особенно замѣчательными два эпическія поэмъ: *Рамайна* и *Махабарата*. Первая есть собственно мифологическая, и изобра-

жестъ знаменитую побѣду божества *Вашу*, или *Рама* надъ злыми духами; предводимыми *Равуною*; а вторая описываетъ изъ 420,000 подданныхъ и, кромѣ баснословныхъ преданій, о вѣчной враждѣ двухъ племенъ: *Пандоровъ* и *Курюговъ*, одержавшъ въ себѣ, важнѣйшіе случаи Индійской исторіи. Впрочемъ знатоки замѣчаютъ, что, при всей зрѣлости литературы Индійской, безпрестанное употребленіе чудесностей, есть главный ея недостатокъ. Въ поэмахъ люди суть страдающіе, существа, а дѣйствуютъ одни только боги въ образѣ человѣческомъ, и въ то же время покоятся въ небесныхъ, своихъ чертогахъ. Древности упоминаетъ о знаменитомъ Индійскомъ баронисѣ *Пильпатъ*, или *Бидпатъ*, и о славнѣйшемъ эпическомъ поэтѣ *Камзады*, жившемъ за 400 лѣтъ до Р. Х.

3. Замѣчанія о произведеніяхъ Персовъ и Египтянъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе народы Востока имѣли свои литературныя произведенія; но они или все извѣстны, или, по неважности своей, забыты. Изъ памятниковъ образованія древнихъ Персовъ, славившихся своими завоеваніями, сохранилась *Зендавеста*, приписываемая *Зороастру*. Здѣсь находится точное изображеніе нравственности

сти, догматовъ, обыкновений и обрядовъ древнихъ Персовъ. Древній Персидскій языкъ употреблялся въ Парсисъ, Персидской области, соопышпопавующей нынѣшнему Фаресану. Парсискій языкъ, съ давняго времени неупотребительный, опыннвшійся пріацностію и богатствомъ, въ эпоху царей Сассанидовъ, содбнался языкомъ двора и ученыхъ людей. Онъ имѣлъ особенную азбуку, известную подъ именемъ *Сирійскихъ буквъ*. Азбука эта, кажеица, введена въ Персію при *Даріи Истаспъ* и вышиснла изъ употребленія *клинообразное письмо*.

Въ Египтѣ все было таинственно: природа и науки, боги и люди; память жрецовъ, скрывая свои знанія, казалась спраиыми и почтенными въ глазахъ народа. Египтяне, бывъ невольниками общественныхъ предразсудковъ, ложныхъ поиміи и обычаевъ; конечно опынчались изобрѣтательнымъ умомъ, но не имѣли вкуса и чувствительности ко всему великому и истинному. О Египетскихъ поэтахъ не упоминають древне писатели; изящная проза память заиредалась закономъ; другія же произведенія изящныхъ искусствъ носяиъ оппечатоки громности и часто безобразія. Впрочемъ се, что было хорошаго у Египтянъ, передано намъ Греками.

4. ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Греки воздали на необычайную степень совершенства Словесность и Изящныя искусства. Они отъ всехъ прочихъ народовъ древняго и новаго міра отличались творческаго фантазією; и, не имѣя образцовъ, сами создались образцами и шпорамъ изобретъ; изъ самой природы почерпнули наставленія жизни; создали науки и искусства, и вдохнувъ въ нихъ вѣчную жизнь, излили неиссякаемый потокъ света для грядущихъ поколѣній. Литературныя ихъ произведенія должно отнести къ превосходнымъ памятникамъ ума человѣческаго, достойнымъ подражанія всѣмъ вѣкамъ. Должно замѣтить, что источникомъ Греческой литературы была сама Греція и. е. всѣ важнѣйшія явленія общественной и частной жизни Грековъ, ихъ мѣтныя религіозныя, политическія и философскія. Греки образованіемъ своимъ мало обязаны постороннимъ литературамъ въ означенныхъ ихъ не находилось ничего заимствованнаго отъ другихъ народовъ.

Періоды Греческой литературы.

Исторія Греческой литературы обнимаетъ нѣсколько вѣковъ. Въ теченіе ея долгое время, эта литература подвергалась многимъ перемѣнамъ, происшедшимъ отъ переворотовъ, бывшихъ въ разныя эпохи

въ политическомъ и религіозномъ состояніи тѣхъ справъ, гдѣ языкъ Греческій былъ въ употребленіи. Исторію Греческой литературы раздѣляютъ на три главнѣйшіе періода: *первый*, начинающійся съ героическихъ временъ, продолжающійся до Перикла; *второй* содержитъ при соползніи съ 550 до 250 года предъ Р. Х. когда явились превосходные образцы почти во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы; наконецъ *третій*, къ которому относятся писатели Греческіе, жившіе при Птоломеяхъ въ Александріи.

Однѣ баснословныхъ Греческихъ временъ, Писатели баснословныхъ временъ оканчивающихся взлѣтиемъ Трои, остались только имена нѣкоторыхъ поэтовъ, прорицателей и героев. — Къ этимъ временамъ относятся: *Калды*, изобрѣтатель цысма; *Орфей*, воспѣвшій походы Аргонавтовъ и сочинившій 88 гимновъ, впрочемъ болѣе приписываемыхъ Ономакрипу, современнику Пизистрата, *Линъ*, извѣстный только по имени, *Музей*, *Аноіанъ*, *Еамалъ*, сынъ Музея и проч.

Собственная литература Греческая, въ Писатели 1-го періода. первомъ періодѣ, началась поэзією, которая, при самомъ появленіи у Грековъ, представила превосходные образцы эпическихъ и лирическихъ твореній. Опычнѣйшій языкъ

Омиръ.

писателей этого періода есть *Омиръ*, жившій за 1000 лѣтъ до Р. Х. и единственный гений, который первый сотворилъ себѣ славу; независимую отъ измѣненій нравовъ, правленія и религій, первый умѣлъ увѣковѣчить ими свое, какъ собственными, такъ и подражателей своихъ твореніями. — Время поглотило прахъ Пѣнопѣвца, когда узнали о существованіи его, когда семь городовъ: *Кумы*, *Смирна*, *Хіосъ*, *Колофонъ*, *Пилосъ*, *Аргосъ*, *Аѳины* спорили о его мѣсторожденіи, и когда творенія его воспѣвались во храмахъ боговъ, на площадяхъ, на празднествахъ пуржесивенныхъ; поэмы его разливали свѣтъ, скрывавшійся во мракѣ долгое время, и напослѣдокъ возсіявшій лучезарнѣйшимъ блескомъ. — Въ *Иліадѣ* и *Одиссее* онъ описалъ, такъ называемыя, героическія времена Грековъ. — Но въ первой поэмѣ онъ болѣе смотрѣлъ на картины жизни частной. Изъ *Иліады* мы узнаемъ тогдашнее состояніе Греціи вообще, ея силы, узамовенія, мифологію и главныя черты народнаго характера; а изъ *Одиссеи* узнаемъ домашнюю жизнь Грековъ, ихъ обычаи, увеселенія, обряды семейные, пиршества, и все касающееся до частныхъ лицъ въ общественномъ ихъ быту. *Иліада* была великолѣпною картиною, на которой очарован-

Иліада и
Одиссея.

ное воображеніе созерцало Грецію во время на джесты ея и героизма, со всѣми ея божествами; съ прекрасною и богатою природою, и припомъ Грецію, украшенную остроумѣйшими баснями. — Сколько образцовъ краснорѣчія находится въ Иліадѣ и въ самой Одиссеѣ! сколько важности и благо-разумія въ совѣтахъ Нестора! какая убѣдительная сладость въ устахъ Улисса! ка-кая нѣжность чувствованій въ прощаніи Гектора съ Андромахою! Какое глубокое знаніе сердца чедовѣческаго, какія важныя для жизни поученія раскрыты въ обѣихъ поэмахъ!

Сколько талантовъ пробудили поэмы ^{Опыты} Омировы! ^{древнихъ пи-} ^{сателей объ} ^{Омиръ} Если признавался съ благород-ною гордостію, что его творенія суть только малые оспашки великолѣпнаго пира Омирова. — *Соборъ*, превосходный въ живописи спраспей и характеровъ, и приз-ванный Омиромъ трагедій, этому великому поэту обязанъ лучшими произведеніями. — Кромъ спиходворцевъ, понимавшихъ Оми-ра единственныи образцемъ своимъ и пер-восвященникомъ во храмъ Музъ, самые фи-лософы воздавали ему отличное уваженіе. — *Сократъ* повторялъ стихи его въ разгово-рахъ, гдѣ краснорѣчіе являлось безъ неуспѣха и высочайшій разумъ изъяснялся са-

ны баснями, которыми добрый опецъ Истории, какъ кажешся, самъ варилъ опъ всего сердца. — Вторую эпоху изобразилъ *Фукидидъ* и *Ксенофонтъ*; со всею подробностію раскрывшіе ужасы междоусобій. — *Фукидидъ*, жившій почти въ одно время съ *Продикомъ*, описалъ періодъ двадцати претыхлѣтъ Пелопонезской войны и былъ очевиднымъ свидѣтелемъ многихъ, описанныхъ имъ происшествій. — При благородствѣ, краткости и выразительности слога, твореніе это замѣчательно по особенному безпристрастію въ любви къ истинѣ. — *Ксенофонтъ* изобразилъ послѣдніе годы Пелопонезской войны, также Историю Грековъ и Персовъ до Митиннейской битвы. — Сверхъ того мы имѣемъ его семь книгъ обшступленіи 10,000 Грековъ и о республикѣ Лаконской, твореніе, заключающее большіе подлинку, цѣли Историю. — Вся сочиненія *Ксенофонта* отличаются простотою изложенія и глубокомысліемъ. — Древніе почитали сего Историка, въ разсужденіи его *аттицизма*, первыи образцомъ, по которому учился самъ *Демосфенъ*. — О достоинствѣ его *Киропедіи* сказано въ Теоріи Красноречія, подъ снатию: Биографіи въ 8-61.

Ораніоры.

Искусство ораніорское воспитывало въ Гр

ции необходимосе условие для желавшихъ принимать участіе въ гражданскихъ дѣлахъ. — Такимъ образомъ великіе полководцы, градоправители, законодатели были вышше и превосходными ораторами. — Изъ нихъ должно замѣтить особенно *Димосеена* и *Эсхина*. — Рѣчи *Димосеена*, въ которыхъ сохранилась вся современная политика Греціи, а особенно Аѳинъ, отличающіяся силою, жаромъ и убедительностію; замечательны особенно поддерживавшіе искусными произношеніемъ, хотя часто жаръ чувствованій увлекалъ оратора даже предѣловъ. — Подъ именемъ его дошли до насъ *шестьдесятъ* одна полная рѣчь и *семьдесятъ* пренеполныхъ (*exordia*), которые, вѣроятно, не всѣмъ писавъ *Эсхинъ*, ученикъ Сократа и Платона, по мнѣнію Квинтіліана, есть изъ числа первыхъ ораторовъ Греческихъ и достойный соперникъ *Димосеена*, которому однакожъ уступалъ въ силѣ слова и выразительности. — До насъ дошли только *три* рѣчи его. — По *Димосеену* рѣчью о вѣнцѣ воспорекшествовалъ надъ *Эсхиномъ*, такъ что ей принужденъ былъ удалиться изъ Аѳинъ въ Родосъ. — О другихъ ораторахъ, съ подробнымъ разсмотрѣніемъ смѣховъ Греческаго красноречія предложе-

по въ началѣ Тесоріи Криспостіа въ §§ 10, 11, 12 и 13.

Поэты Ли-
рическіе.

Изъ Лирическихъ поэтовъ сего періода замѣчательны: *Анакреонъ* и *Пиндаръ*. — Анакреонъ (за 550 л. до Р. X.) пѣвецъ вѣчной страсти, вѣги и роскоши. — Онъ былъ образователемъ того легкаго и прелестнаго рода непринужденныхъ пѣсней, который послѣ названъ, по имени его, *Анакреонтическимъ*. — Пиндаръ (за 490 л. до Р. X.), прославлявшій торжество побѣдителей на Греческихъ играхъ, Квинтилианомъ признанъ за отличнѣйшаго лирическаго поэта у Грековъ, по его высокости, сильнымъ мыслямъ, быстрому и швердому ходу и обильной полнотѣ выраженій. — Гораций, прославляя творенія Пиндара во 2^й одѣ IV книги, сравниваетъ его съ » спремившимъ пошломъ, который, наводнившись отъ дождей, низвергается съ крутой скалы и разрушаетъ все въ своемъ стремленіи: » —

«Monte decurrens velut amnis, imbres

«Quem super notas aluere ripas,

«Fervet immensusque ruit profundo

«Pindarus ore

Другіе Лирическіе поэты намъ извѣстны только по именамъ, какъ поименно *Алкей*, *Сте-*

*зихоръ , Ивикъ , Бакхилидъ , Силонидъ ,
Алкманъ .*

Поэты Дра-
матическіе.

Драматическая поэзія у Грековъ блестящемъ своимъ помрачила даже поэзію Лирическую. — Изъ сочиненій драматическихъ сначала усовершенствовалась Трагедія. — Она соединяла въ себѣ все возвышенное, все наставительное и все увлекающее душу къ прекраснымъ подвигамъ. — Мифологія и Исторія Греческая были два источника, изъ которыхъ трагики заимствовали самыя поразительныя происшествія, дабы оживить въ зрителяхъ любовь ко всему общественному. *Эсхилъ , Софоклъ и Еврипидъ* были отличными трагиками. — О достоинствѣ ихъ твореній, съ показаніемъ хода и постепеннаго усовершенствованія Трагедіи Греческой, сказано въ Пятникъ (§§ 211, 212, 213, 214, 215). Впрочемъ *Ликофронъ*, жившій во время Птоломея Филадельфа, царя Египетскаго, упоминается также въ числѣ извѣстныхъ трагическихъ поэтовъ Греціи. — Изъ твореній его, до насъ дошла только одна трагедія: *Кассандра*, которую, по причинѣ темноты, весьма трудно понимать безъ изъясненій.

Комедіи Греческія были картинами современнаго быта и жизни. Ошибки, странности, дурныя привычки; и что

ЧАСТЬ IV. 3

замѣчено было несообразное съ хорошими нравами общества, все входило въ эти картины. — *Аристофанъ, Филемонъ и Менандръ* были извѣстные Греческіе комики. — Аристофанъ написалъ много комедій, но изъ нихъ дошли до насъ только *одиннадцать*; исполненныхъ истинной афинской соли. — Но этотъ комикъ заслужилъ справедливое негодованіе современниковъ за ту дерзость, съ какою онъ осмѣивалъ правила общественной религіи и позволялъ злобныя личности противъ доспойныхъ уваженія гражданъ. — Изъ комедій Филемона и Менандра только нѣкоторыя отрывки дошли до нашихъ временъ. — Квинтилианъ отзывался о Менандрѣ съ особенною похвалою: *Menander vel unus diligenter lectus; ita omnem vitae imaginem expressit, tanta in eo inveniendi copia et eloquendi facultas, ita est omnibus rebus, personis, affectibus accommodatus.*

Характеръ
Греческой
литературы
3 періода.

Въ прѣдѣлѣ періодъ Греческой литературы, нашедшей себѣ покровительство при дворѣ Птоломеевъ, Греческихъ государей Египта, не было уже собственной жизни Греціи. — Все измѣнилось: правленіе, обычаи, характеръ; и Аѳинская республика, бывшая прежде обителью вкуса и общественного оракторовъ, по паденіи своемъ, не могла уже доставлять гениальнымъ людямъ

случая раскрыть свои дарованія. — Александрія содѣлалась сіюлицею наукъ и Греческой литературы. — Тамъ сочинители, перечитывая прежнія произведенія словесности, увлекались одною страстію къ подражанію. — Опытъ того сочиненія ихъ были холодны и скучны. — Вдохновеніе и творчество замѣнили они ученостію и кривизною. — Но и въ это время доведенъ былъ до совершенства новый родъ стихотвореній, извѣстныхъ подъ именемъ *Пастушескихъ*. — Изобрѣтателемъ ихъ былъ *Теокритъ*, Сиракузанинъ, жившій при Птоломѣѣ Филадельфѣ. — Тридцать *Идиллій*, подъ его именемъ до насъ дошедшихъ, писаны въ духѣ Сицилійскихъ пастуховъ, на Дорическомъ нарѣчій. — Всѣ онѣ отличаются прелестью и разнообразіемъ описаній, живописію и простотою. — Последователями Теокрита были: *Мосхъ* и *Біонъ*, жившіе за 180 л. до Р. Х. — О степени совершенства ихъ сочиненій сказано въ Пиншникѣ въ § 145. — Между Историческими писателями этого періода должно замѣнить *Полибія* (за 146 л.), *Діонисія Галикарнасскаго* (за 60 л.), *Діодора Сицилійскаго* (около Р. Х.), *Плутарха* (100 л. послѣ Р. Х.). — Достоинства ихъ твореній разсмотрѣны въ Теоріи Краснорѣчія въ §§ 44 и 61.

Буколическіе
писатели.

Историки.

Періодъ
упадка Гре-
ческой лите-
ратуры.

Наконецъ политическія бури потрясли Грецію; а Римъ, распространивъ владычество свое на западъ, востокъ и югъ, шагнулъ чрезъ Средиземное море. — Въ одно время пали Карфагенъ и Коринѣ. Несмѣнныя богатства спекались въ Римъ, сдѣлавшійся огромнѣйшею галлереею въ свѣтъ, наполненною твореніями Греческаго искусства, переселившимися изъ древней Эллады и изъ всѣхъ земель, гдѣ только Греческая кисть и Греческій рѣзецъ выставили свои произведенія. — Въ сіи-то времена Греція, составлявшая только маловажную провинцію обширной Римской Имперіи, потеряла съ своею независимостію ученое свое превосходство; и вѣкъ Августа былъ свидѣтелемъ постепеннаго паденія Греческой литературы, а особливо поэзіи. — Ода, Эпосъ, Трагедія и Комедія исчезли. — Періодъ такого умственного усыпленія Греціи продолжался до Константина Великаго, когда, при постепенномъ упадкѣ Римской литературы, начали возвышать Греческую литературу *Эпиктетъ, Геродіанъ, Лукіанъ*, а въ особенности *Лонгинъ, Аристархъ и Павзаній*. Политическія же произведенія того времени представляють одну только игру ума въ эпиграммахъ, анекдотахъ и поучительныхъ поемахъ.

ВЗГЛЯДЪ НА ГРЕЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

Къ главнѣйшимъ причинамъ быспрыхъ Причины успѣховъ Гре-
ческой ли-
тературы.
успѣховъ литературы Греческой долж-
но отнести: благораспоряденный климатъ,
образъ правленія, вкусъ къ изящному, пыл-
кость воображенія Грековъ, гибкость язы-
ка, общее стремленіе къ славі, взаимное
соперничество городовъ и частныхъ людей,
употребленіе музыки, обыкновеніе читать
свои произведенія всенародно, всеобщія руко-
плесканія и вѣнки.—Замѣчательно, что Греки
познаніе изящной Словесности содѣлали не
разлучнымъ съ хорошимъ воспитаніемъ.

Хотя первыя понятія гражданственно- Оригиналь-
ность ея.
сти получены древними Греками отъ со-
сѣдственныхъ народовъ, имѣвшихъ уже по-
липпическое устройство, а основанія басно-
словія заняты ими у Египтянъ, Финикянъ
и даже Индійцевъ; при всемъ томъ лите-
ратура Греческая отличалась разительною
оригинальностію. — Самые успѣхи просвѣ-
щенія у Грековъ слѣдовали особенному на-
правленію, сообразно характеру народно-
му. — Оригинальность Греческой литера-
туры особенно замѣтна: во 1) въ разно-
образіи формъ языка и въ примѣненіи ихъ
къ различнымъ родамъ сочиненій; во 2) въ
помѣ влияніи, какое имѣли полиппическія

событія, въ разныя эпохи, на образованность и литературу Греціи. — Это послѣднее обстоятельство часто можетъ служить руководствомъ при сужденіяхъ критическихъ о достоверности твореній, появлявшихся въ разныя времена на Греческомъ языкѣ. — Сверхъ того, оригинальности и особенному направленію литературы Греческой способствовалъ и самый языкъ, обладавшій богатствомъ словъ, обиліемъ и правильностію грамматическихъ формъ, гармонією звуковъ, опредѣленностію просодіи и словосочиненія, также удобностію выражать понятийшіе ошпѣнки мыслей.

Главныя на-
рѣчія Грече-
скаго языка.

Извѣстно, что у каждаго просвѣщеннаго народа одно изъ нарѣчій служитъ основаніемъ языка письменнаго и употребляемаго въ разговоръ людьми хорошаго общества; но у Грековъ было иначе. — Просвѣщеніе за-
спало ихъ, когда они раздѣлены были на разныя политическія общества по мѣстному положенію и другимъ причинамъ. — До временъ Александра Македонскаго каждый употреблялъ въ сочиненіяхъ своихъ природное нарѣчіе; отъ того появились прозаики и стихотворцы *Іонійскіе, Дорическіе, Еолійскіе и Аттическіе*. — Изъ древнѣйшихъ поэтовъ, писавшихъ на Іоническомъ нарѣчій, были: *Омиръ, Изіодъ, Θεογ*

нись. — Языкъ ихъ есть смѣшанный, ближайшій къ первобытному и содѣлавшійся попомъ особливимъ стихотворнымъ языкомъ для многихъ родовъ сочиненій. — Собственно же Ионійское младшее нарѣчье сохранилось въ твореніяхъ *Иродота* и *Иппократа*, и, по пріятности своей, было тогда почти общимъ, особливо въ малой Азіи. — Изъ важнѣйшихъ стихотворцевъ, употреблявшихъ Дорическое нарѣчье, былъ *Пиндаръ*; а опъ прозы того времени осталось нѣсколько сочиненій математическихъ и философскихъ. — Главнѣйшіе поэты Еолійскаго нарѣчія были *Сафо* и *Алцей*. — Но когда Аѣинская республика получила первенство надъ всѣми Греческими обласями; тогда и Аѣины содѣлались средопочіемъ наукъ и образованности; тогда спекались Греки всѣхъ племенъ, дабы изучать произведенія Аѣической словесности. — Это было причиною, что Аѣическое нарѣчье, особенно во времена Македонскаго владычества, было общимъ, *книжнымъ*: на немъ писали Греки почти всѣхъ обласей; его изучали въ школахъ, а ученые опредѣляли достоинство произведеній, смотря по тому: написаны ли они чистю по *Аѣически*, или напротивъ. — Къ опшечнымъ прозаическимъ писателямъ Аѣической словесно-

сти относятся: *Платонъ*, *Евклидъ*, *Ксенофонтъ*, *Исократъ* и *Демосоевъ*. — Въ послѣдствіи изъ Аппическаго варѣчія произошелъ уже новый языкъ, впрочемъ сходный съ первымъ въ грамматическихъ формахъ и называвшійся *Еллинскимъ*. — Опъ того и писатели позднѣйшихъ временъ: *Аристотель*, *Феофрастъ*, *Поливій*, *Плутархъ*, *Лукіанъ*, *Еліанъ* и *Арріанъ* извѣстны подъ именемъ Еллиновъ, для отличія опъ древнихъ Аппиковъ.

5. ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Римляне, въ продолженіе многихъ столѣтій, помышлявшіе только о побѣдахъ и завоеваніяхъ, не имѣли ни чувствительности, ни вкуса къ изящному. — Они въ началѣ всѣ занятія, кромѣ войны, земледѣлія и законодательства, считали созданными для рабовъ. — Языкъ ихъ, ^{мелодичный} составленный изъ варѣчій иноплеменныхъ народовъ, поселившихся въ Римъ, представлялъ странное смѣшеніе звуковъ дикихъ и непріятныхъ; а грубость нравовъ несовмѣстна была съ тѣми нѣжными ощущеніями, которыя, поражая чувства, образуютъ языкъ. — Посему не удивительно, что Литература поздно возникла въ Римъ; и уже спустя семь

сопѣ лѣтъ, по основаніи его, появились Цицеронъ, Горшензій, Ливій и другіе ораторы.

Исторія Римской литературы заключаетъ въ себѣ пространство XII вѣковъ, Періоды Римской словесности. которые можно раздѣлить на четыре періода. — *Первый* съ древнѣйшихъ временъ Рима ~~(предъизвѣстенъ)~~ до Пуническихъ войнъ; *второй* до временъ Августа; *третій* содержитъ, такъ называемый, вѣкъ Августа; а *четвертый* заключаетъ пространство времени отъ Траяна до Константина Великаго.

Продолжительный періодъ отъ основанія Рима до Пуническихъ войнъ былъ безплоденъ въ отношеніи къ словесности. — Къ памятникамъ этого времени должно отнести: народныя сказанія и пѣсни о героическихъ временахъ, гимны жрецовъ *Салійскихъ* при Нумѣ, грубыя и непристойныя пѣсни *Сатурнинскія*, *Апологъ* Мененія Агриппы, записки *Понтифексовъ* и книги чиновниковъ на холстѣ (*Libri Lintei*), игры *Гистріоновъ* и *Ателланы*, составлявшія родъ неправильныхъ драмъ. — Но всѣ эти первоначальныя произведенія литературы послѣ забыты Римлянами, потому что они сочинены были на грубомъ старинномъ языкѣ, и не представляли пріятныхъ Гре-

Произведенія I-го періода.

ческих формъ въ своемъ составѣ. — При всемъ томъ, въ нихъ болѣе было оригинальности и народности Римской, нежели въ сочиненіяхъ послѣдующихъ періодовъ. — Замѣчательно, что этому вѣку варварства Римскаго сопоставляется блистательная эпоха Греческой литературы.

Успѣхи языка и просвѣщенія во 2мъ періодѣ.

Послѣ Пуническихъ войнъ, въ Римѣ начали ощущительно оказываться успѣхи въ наукахъ и въ усовершенствованіи языка. — Юные Римляне начали посѣщать училища Аполлоніи, Родоса, Мишленъ и Аѳинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и любовь къ изящнымъ наукамъ примѣнно очищала застарѣлую дикость, наслѣдіе, доставшееся отъ предковъ. — Многіе достойные Греческіе риторы и грамматики прибыли въ Римъ для обученія юношества. — Самъ Павелъ Эмилій, побѣдитель Персея, выпросилъ у Аѳинянъ ученаго и вмѣстѣ краснорѣчиваго мужа для воспитанія дѣтей своихъ. — Такимъ образомъ поработенная Греція плѣнила гордыхъ своихъ побѣдителей посредствомъ наукъ и знаній, возбудивъ въ нихъ охоту заниматься ими; а языкъ народа побѣдоноснаго, свободнаго и надменнаго мало по малу началъ восходить на степень величія и силы. — Впрочемъ литературныя произведенія, появлявшіяся въ Римѣ въ

началъ второго періода, состояли изъ однихъ не очень удачныхъ переводовъ съ Греческаго языка и подражаній Греческимъ же писателямъ. — Это время было началомъ упадка оригинальности, такъ что послѣ Римская словесность навсегда осталась только подражательною.

Во второмъ періодѣ преимущественно ^{Писатели} являлись драматическія произведенія, ко- ^{второго пе-}торы не прежде 514 года, по основаніи Рима,

приняли у нихъ видъ правильный. — Изъ драматическихъ писателей этого времени,

подражавшихъ Грекамъ, упоминаются *Пакувій* и *Атцій*. — Изъ твореній *Пакувія* до

насъ дошли только нѣкоторыя отрывки. — *Квинтилианъ* хвалилъ возвышенный образъ

мыслей и выразительность характеровъ, представленныхъ въ трагедіяхъ сего писа-

теля, — *Атцій*, современникъ *Пакувія*, такъ же славился своими трагедіями, въ ко-

торыхъ онъ особенно старался придавать бл-

городство языку Римлянъ. — Изъ Коми- ⁽¹⁸⁰⁾ческихъ писателей этого времени были ^{Арсенъ (185)}*Плавтъ* и *Теренцій*, — ко-

торые положили нѣ-

которыя начала добраго вкуса и внесли въ

латинскую рѣчь красоты, до того неиз-

вѣстныя. — Изъ комедій *Плавта* дошли до

насъ только двадцать. Этотъ писатель

(изъ Пакувія)
1881 г.

Арсенъ (185) Теренцій

Плавтъ *Теренцій*

порыхъ замѣшны шонкій и проникатель-
ный умъ и способность находить смѣшное. —
Впрочемъ, примѣняясь къ понятіямъ совре-
менниковъ, онъ часто выступалъ изъ пре-
дѣловъ приличія и пристойности. — *Терен-
ций*, родомъ изъ Карфагена, былъ подража-
телемъ Менаандра, и считается лучшимъ
комическимъ писателемъ. — Если онъ не могъ
сравниться съ Плавпомъ въ изобрѣшеніи и
рѣдкомъ даръ находить во всемъ смѣшное;
но за то имѣлъ вкусъ очищеннѣе и лучше
зналъ человѣческое сердце. — *Шестъ* его
комедій, дошедшія до нашихъ временъ, замѣ-
чательны по живости разсказа, по вѣрному
изображенію характеровъ и по связи плановъ,
расположенныхъ съ особеннымъ искусст-
вомъ. X — Къ этому же періоду должно отне-
сти *Ливія Андроника*, *Невія*, *Эннія* и льшо-
писца *Фабія Пиктора*. — Ливій Андроникъ,
родомъ Грекъ, считавшійся въ свое время
первымъ драматическимъ поэтомъ у Рим-
лянъ, написалъ также поэму, заключавшую
всю Исторію Римлянъ, и многія другія спи-
хотворенія, изъ которыхъ до насъ дошли
только отрывки. — *Невій* написалъ исто-
рическую поэму о первой *Пунической войнѣ*,
нѣсколько трагедій, комедій, сатиръ и эпи-
граммъ, но слогомъ грубымъ и тяжелымъ. —
Квинтъ Энній, жившій за 170 л. до Р. Х.

Квинтъ Энній — знаменитый поэт,
жившій за 170 л. до Р. Х.
писавшій трагедіи, комедіи, сатиры и эпиграммы.

почищается опцемъ Римской поэзіи и образовашелемъ Латинскаго языка. — Онъ написалъ *Римскія летописи*, эпическую поэму въ осмнадцать книгъ, ^{одна изъ которыхъ} много прагматикъ, комедій и шесть книгъ сатиръ. — Цицеронъ и Виргилій отзывались о Эній съ уваженіемъ. — Квинтилианъ въ XI книгъ своихъ Наставленій орапорскихъ говоритъ о немъ: *Ennium, sicut sacros vetustate lucos, adoremus, in quibus grandia et antiqua robora non tantam habent speciem, quantam religionem.*

Когда богатства свѣта, роскошь и по- 3-й Періодъ.
лишника утвердили въ Римѣ лучший вкусъ; тогда Римская литература въ чреду свою возшла на такую степень блистательности, что самые Греки, учивши вѣнчавша, должныствовали удивляться успѣхамъ въ немъ учениковъ своихъ—Римлянъ.—А попому конецъ Республики и первый вѣкъ Императоровъ, почищаются самымъ цвѣтущимъ *Золотымъ вѣкомъ* Римской словесности. — Вѣкъ Августа, обыкновенно называемый Золотымъ вѣкомъ литературы Римской, должно раздѣлить на два періода, по характеру своему весьма различныя. — Періодъ республиканскій, или *литература политическая*, умираетъ съ Цицерономъ, и періодъ первыхъ Императоровъ, или *литература чисто поэтическая*, начинается пер-

вою эколою Виpгиліа, за годъ до смерти Юліа Цесаря. — Такое различіе для филологовъ весьма важно. — Пространство времени отъ смерти Силлы до Августа должно считать собственно Золотымъ вѣкомъ литературы, когда Римляне видѣли умноженіе своихъ литературныхъ сокровищъ, и когда, при распространившихся успѣхахъ Латинскаго языка, оный заступилъ народныя мѣстные нарѣчія. — Но быстрые успѣхи языка не могли обратить словесность къ оригинальности, потому что сочинители не почерпали своихъ изображеній изъ жизни народной, а старались образовать вкусъ свой по превосходнѣйшимъ образцамъ Грековъ, копорымъ подражали даже геніальныя ихъ поэмы.

Ораторы и
Историки.

Впрочемъ Римляне сохранили нѣкоторую оригинальность въ ораторскомъ искусствѣ и въ сочиненіяхъ историческихъ. — Это зависѣло отъ того, что въ обоихъ случаяхъ должна была одушевлять ихъ собственная жизнь. — Въ Римѣ, какъ и въ Аѣинахъ, ораторское искусство необходимо было для каждаго гражданина, если онъ хотѣлъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ. — Поэтому-то Римляне и могли противопоставить Димосѣну Цицерона, Периклу Цесаря, Эсхину Гортензія. — Но вѣрно изъ Римскихъ

ораторовъ не приобрьлъ такой славы, какъ *Цицеронъ*. — Его имя напоминаетъ и знаменитѣйшаго консула въ Римѣ, и краснорѣчивѣйшаго оратора и замѣчательнаго философа. — Изъ историческихъ твореній прежде прочихъ сдѣлались извѣстными *записки Юлія Цесаря* о войнахъ его въ Галліи и о междоусобной войнѣ. — Изъ послѣдовавшихъ историковъ этого періода важнѣйшіе были: *Титъ-Ливій*, *Саллюстій* и *Тацитъ*. — Въ сочиненіяхъ ихъ живо изображена судьба Рима и сохранены всѣ краски тогдашняго времени. — *Корнелій Непотъ* прославился своими Біографіями.

Характеристика историковъ Римскихъ подробно изложена въ Теоріи Краснорѣчія въ §§ 45 и 46.

Изъ многихъ Римскихъ поэтовъ, обработывавшихъ по Греческимъ образцамъ разные роды стихотвореній, замѣчательны: *Виргилій*, *Гораций*, *Овидій*, *Катуллъ*, *Тибуллъ*, *Проперцій* и баснописецъ *Федръ*. — Отличительныя качества ихъ произведеній разсмотрѣны въ Пѣніяхъ.

Хотя Нерва, Траянъ и Адріанъ покровительствовали искусствамъ и наукамъ; но литература ихъ и послѣдующаго времени совершенно различна отъ вѣка Августа. — Въ характеръ ея замѣчается спорогая фя-

Поэты.

1) *Georgica*
2) *Ars poetica*
3) *Ars amatoria*
remedia amoris, tristitia

Характеръ произведеній 4го періода.

лософія, глубокія и гореспнныя чувствованія о поруганныхъ правахъ человѣчества. — Большая часть писателей этой ученой эпохи бѣдспвенно погибаетъ. — *Луканъ*, въ стихахъ котораго дышетъ изступленная свобода, *Сенека*, *Силій*, *Персій*⁽⁶¹⁾, *Перавшій*⁽⁶²⁾ въ спонической важности, *Флоръ*, *Марциалъ* слѣдуютъ одинъ за другимъ въ продолженіе сего періода; но *Квинтилианъ* и *Плиній младшій* еще нѣсколько поддерживаютъ вкусъ и чувство излщнаго. Наконецъ *Ювеналъ* и *Тацитъ*, рѣзко изобразившіе развращеніе нравовъ Римлянъ, бывъ рождены и воспитаны при пираннахъ, въ молчаніи писали, при добрыхъ Государяхъ, свои безсмерпныя творенія, переданныя ими попомспву, какъ послѣдніе отголоски Римскаго генія. Въ оспальное время существованія Западной имперіи; липература Римская быстро упала, такъ что, начиная съ половины вшораго вѣка по Р. Х. въ теченіе болѣе двухъ столѣтій, появлялись только посредспвенные стихотворцы: *Немезіанъ*, *Калпурній*, *Авзоній* и *Клавдіанъ*, и прозаики: *Апулей*, *Юстинъ*, *Марцеллинъ*, *Макробій* и не многіе другіе. На послѣдокъ, съ паденіемъ Рима, остановилась и умспвенная дѣятельность во всѣхъ областяхъ, которыя подверглись нашествію вепріятелей. — Долговременное движеніе на-

родовъ, устремлявшихся съ разныхъ сторонъ на Италіянскія области, преобразило весь порядокъ жизни обитателей южной Европы, которые принуждены были ограничиться только одними заботами о защищеніи собственности и личной безопасности.

ВЗГЛЯДЪ НА РИМСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

Римъ, во времена величія своего, былъ ^{Причины, со} средоточіемъ ^{дѣйствовав-} всѣхъ движеній. Тамъ без- ^{шія успѣ-} пресанно открывались позорища перемѣнъ, ^{хамъ Рим-} подобно воздушнымъ явленіямъ; тамъ соеди- ^{ской Литте-} нались всѣ великіе виды, великія спрасни ^{ратуры.} и несмѣнныя богатства всѣхъ народовъ; шуда спекались цари и посланники всѣхъ странъ; тамъ рѣдкіе годы проходили безъ чрезвычайныхъ происшествій. — Римляне скупались, кажется, долговременною пишиною; спраснь къ завоеваніямъ питалась самыми завоеваніями; тамъ изъ среды гражданъ являлись иногда лица, располагавшія судьбою извѣстнаго тогда свѣта. При такомъ всеобщемъ волненіи въ Римъ, при такомъ боровіи умовъ и чувствій, Литературъ, а въ особенности краснорѣчію ораторовъ, открыто было обширѣйшее поле. Знаменитые государственные мужи, спрасно любили занятія Литературою, покрови-

часть IV.

тельствовали отличными талантами и проводили время въ беседахъ съ людьми учеными. — Сверхъ того отличный даръ слова, пролагавшій путь къ высшимъ достоинствамъ, побуждалъ Римскихъ юношей преимущественно заниматься краснорѣчіемъ и другими искусствами Литературы. Полученное ими въ Римскихъ училищахъ воспитаніе они довершали путешествіями своими по Греціи. Вообще, въ теченіе ста шестидесяти лѣтъ, отъ разрушенія Карфагена до Августа, Римляне, казалось, желали превзойти всѣхъ народовъ, какъ политическимъ своимъ могуществомъ, такъ отличнымъ даромъ слова и образованностію.

Причины
упадка Рим-
ской Словес-
ности

Къ главнѣйшимъ причинамъ, ускорившимъ паденіе Латинской Словесности Тацитъ относитъ: небрежность родителей, праздность юношества, невѣжество наставниковъ и забвеніе древнихъ обычаевъ, пороки, сначала водворившіеся въ Римъ, а потомъ распространившіеся по всей Италіи. Къ этому должно присоединить упадокъ народнаго духа, лжеученіе Сенеки, пристрастіе къ цвѣтисному слогу, суебность блистать умомъ, непомерную роскошь, испорченность нравовъ и вкуса. Наконецъ небрежность и невыгодное мнѣніе о краснорѣчии, на которое Демосѣенъ и Цицеронъ

посвящали большую половину своей жизни, изменение порядка дѣлъ общественныхъ, новое расположеніе умовъ, впроженіе варваровъ во всѣ части Имперіи, военная анархія, презрѣніе, показанное Антонинами къ Латинскому языку и видимое прислращіе къ философіи и языку Грековъ, а въ особенноти торжество Христіанства и паденіе языческаго со временъ Константина Великаго, нанесли послѣдній ударъ Римской свѣтской Словесности.

Показавъ причины успѣховъ и упадка Римской Литературы, означимъ кратко разность ея съ Греческою. Единственною стравою изящнаго вкуса и оригинальнаго творчества была признана Греція. — Но у Римлянъ почти всѣ отрасли Литературы были заимствованныя, а языкъ образовался по правиламъ Греческихъ филологовъ и грамматиковъ. — Языкъ Грековъ отличался простотою, выразительностію, свободою и гибкостию согласоваться со всякимъ родомъ сочиненій; языкъ Римлянъ сходствовалъ съ характеромъ ихъ: онъ былъ правиленъ и важенъ, но не имѣлъ выразительности языка Греческаго. Греки имѣли воображеніе пламенное, Римляне болѣе угрюмое; въ Греческихъ писателяхъ находится болѣе природнаго дарованія, болѣе движеній

Некоторые черты разности, литературы Римской и Греческой.

и страстей; а въ Римскихъ болѣе правильности и искусства; одни болѣе прогають, другіе занимають. — При переходѣ отъ Грековъ къ Римлянамъ, говоритъ Томасъ, мы чувствуемъ, подобно шому путешественнику, который, миновавъ острова Архипелага и улыбающуюся природу древней Іоніи, вдругъ перенесся на Альпы и Аппенины, онѣкуда видишь обширный небосклонъ и величественную природу, но подъ небомъ не столь яснымъ и не производящимъ въ его чувствахъ того легкаго и живаго впечатлѣнія, которое ощущалъ онъ въ благораспороченной Греціи.

Разность
судьбы язы-
ковъ Грече-
скаго и Ла-
тинскаго.

Многіе изъ извѣстнѣйшихъ филологовъ послѣднихъ временъ, сравнивая коренныя слова и формы *Санскритскаго* языка съ началами и формами языковъ Греческаго, Латинскаго и Нѣмецкаго, доказываютъ, что Среднюю Азію должно почитать колыбелію первобытныхъ жителей Греціи, Германіи, Галліи и двухъ полуострововъ Италійскаго и Иберійскаго, и что древніе идиомы ихъ суть нарѣчія одного кореннаго языка, открытаго въ наши времена на берегахъ Ганга. И такъ, на основаніи этого мнѣнія, Греческій и Латинскій языки близки одинъ къ другому какъ по происхожденію своему, такъ и по глубокой древности; но судьба этихъ

языковъ была весьма различна. Греческій языкъ, употреблявшійся въ воспочныхъ областяхъ потомками Римлянъ, завоевателей Греціи, сохранилъ чистоту свою чрезъ десяти вѣковъ, по паденіи Рима; перемѣны же, случившіяся въ языкъ Греческомъ, по завоеваніи Константинополя Турками, произошли болѣе отъ рабства, нежели отъ смѣшенія съ Азійскими ідіомами побѣдителей. Между тѣмъ древній классическій Латинскій языкъ, отъ котораго произошли языки Италіанскій, Французскій, Испанскій и Португальскій, исчезъ послѣ паденія Рима; и только грубый языкъ поселянъ Италіи сохранился подъ владычествомъ варваровъ, а въ наше время слѣды его остались въ прощевародныхъ нарѣчіяхъ Италіанскихъ, Французскихъ и Испанскихъ, прилежащихъ Средиземному морю. Но, по возрожденіи словесности, наукъ и искусствъ въ юго-западной Европѣ, и языкъ древнихъ Римлянъ содѣлался языкомъ общимъ, ученымъ въ просвѣщенныхъ странахъ Европы. Блестящіе же успѣхи языка Французскаго и усовершенствованіе нѣкоторыхъ языковъ угрожали языку Латинскому новымъ забвеніемъ; и только употребленіе его при Каполическомъ богослуженіи могло поддержать его

существованіе, освященное Христіанскимъ ученіемъ.

В. СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ.

Со временъ Константина Великаго, со-
дѣлавшаго Христіанскую Вѣру господствующею въ имперіи, произошелъ чрезвычайный
переворотъ въ образѣ мыслей, въ нравахъ,
нормовленіяхъ; явился новый порядокъ
вещей, новая столица, новая полиция;
начинаютъ возникать просвѣщеніе и вкусъ.
Служители Святаго олшаря проповѣду-
ютъ Св. Евангеліе и объясняютъ высо-
кое значеніе Христіанства. — На Воспостъ
являются знаменитые церковные ораторы:
*Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Гри-
горій Назіанзинъ*; а на западѣ: *Амвросій, Ав-
густинъ, Іеронимъ*. Они сильно и убѣдительно
возвѣщаютъ примиреніе неба съ землею,
Ходатая Бога и человѣковъ, твердое упова-
ніе на Искупителя, будущую жизнь, право-
судіе Божіе, страшный судъ и проч. Благо-
честивыя размысленія сихъ пастырей
церкви Христовой и заслуги ихъ навсегда пре-
будутъ незабвенными. — Но по мѣрѣ того,
какъ при престаникахъ престола Констан-
тинова, Христіанство совершенно утвер-
ждалось на развалинахъ идолопоклонства, и

дѣтельность Христіанъ начала ослабѣвать; вмѣстѣ съ тѣмъ клонились къ упадку ученость и краснорѣчіе. Въ это время Византійскіе писатели, по большей части, писали объ ересяхъ, спорили и поражали другъ друга проклятіями.

Въ V вѣкѣ солнце древняго Рима закатилось. — Готы, Гунны, Герулы и другіе полудикіе народы съвера нанесли послѣдній ударъ Западной имперіи, и мракъ покрылъ памятники просвѣщенія. — Войны, мятежи, убійства и раздоры начали царствовать въ Европѣ; законы ума уступили мѣсто законамъ меча; все изящное было испреблено, все прекрасное забыто. — Въ VI вѣкѣ происходили однѣ распри и усилія народовъ присвоить себѣ владычество надъ царствами. — При такихъ общихъ переворотахъ и безпорядкахъ никто не думалъ изучать остатки умственныхъ произведеній. Правители и народы были упоены набожнымъ изступленіемъ, и спорами раздирали сердце Церкви. — Варвары утвердили знамена свои на развалинахъ престоловъ, и исчезли всѣ памятники величія и славы. Въ VII вѣкѣ, при распростиравшемся въ Европѣ невѣжество, явился лжепророкъ Магометъ, копорый воинственными дарованіями и подвигами своими покорилъ подъ власть

Упадокъ просвѣщенія въ юго-западной Европѣ отъ V до XIII вѣка.

свою всѣ Аравійскія племена. — За успѣхами оружія его повсюду стремились умозрѣть и изувѣрство, а преемники его были истинными бичами просвѣщенія и всего изящнаго. — Въ концѣ VIII вѣка, Карлъ Великій, будучи образованнѣйшимъ Государемъ своего времени, началъ водворять и распространять просвѣщеніе среди народовъ, ему подвластныхъ. — Но, по кончинѣ его, начались опять безпорядки, раздоры, сокрушившіе созданную имъ имперію и погасившіе введенныя имъ науки. — Въ IX вѣкѣ встрѣчаются нѣкоторыя слѣды философіи, но не появляется ни одного памятника изящной словесности, подавленной схоластическими бреднями и расколами. — Въ X, XI и XII столѣтіяхъ, юго-западные Европейскіе народы, исключая Славянъ, не имѣли времени помышлять о просвѣщеніи, а заботились единственно объ огражденіи своего существованія; повсюду происходили раздоры и борьба духовенства со свѣтскою властію. — Всѣ занятія ограничивались одними только механическими издѣліями, а языки сославляли странную смѣсь многихъ грубыхъ нарѣчій, зараженныхъ привязанностію къ напряженнымъ мыслямъ и къ пустой игрѣ словъ.

Гдѣ находились слѣды самостод-

Не вся однакожъ Европа находилась въ такомъ стѣснительномъ для ума положеніи,

какъ Испалія и сосѣдственныя съ нею страны. — На юго-востокъ *Греческая имперія* не была еще поработчена переселявшимися тогда народами. — Сверхъ того на *сѣверо-западѣ* оставались народы, которые не подверглись прежде, владычеству Римлянъ и оставались въ первобытной своей независимости. Такимъ образомъ на двухъ противоположныхъ концахъ Европы можно было найти жизнь въ естественномъ ея порядкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Литературу, какъ всегдашній признакъ самостоятельной жизни. — Сдѣлаемъ теперь краткое обозрѣніе Литературъ *Византійской* и *Сѣверо-Западныхъ народовъ*, а потомъ рассмотримъ возникшія въ среднія времена Литературу *Аравійскую* и поэзію *Провансальную*.

1. Византійская Литература.

Византійцы, получившіе отъ древнихъ Грековъ обработанный языкъ и превосходные образцы почти во всѣхъ родахъ словесности, не могли имѣть Литературу, сходную съ Литературою сѣверо-западныхъ племенъ, которые руководствовались только впечатлѣніями окружающей ихъ природы и общественной жизни.

тальной
литерату-
ры, по паде-
ній Рима.

Разность
Византій-
ской и Скан-
динавской
литературъ.

Характеръ
Византій-
ской литера-
туры.

Городъ Византія, основанный Гречески-
ми поселенцами, находился среди городовъ,
которыхъ жители употребляли языкъ Гре-
ческій. — А потому, по перенесеніи новой
столицы въ Византію, Латинскій языкъ
былъ оставляемъ даже при дворѣ восточ-
ныхъ Римскихъ Императоровъ, которые съ
XIII столѣтія совершенно, усвоили языкъ
Греческій, содѣлавшійся языкомъ большей
части ихъ подданныхъ. Казалось, что *Ви-
зантійская Литература*, при такомъ обо-
рошѣ дѣлъ, могла бы имѣть всѣ выгоды,
такъ называемой, ученой литературы, мо-
гла бы всѣ частныя совершенства прежнихъ
Греческихъ писателей сообщить собствен-
нымъ произведеніямъ; но всѣ усилія нѣко-
торыхъ Государей, любителей просвѣщенія,
возстановить прежнее цвѣтущее состояніе
наукъ въ Греціи, были напрасны. Между
древними Греками и Византійцами столько
было различія въ характерѣ, въ образѣ жиз-
ни, въ вѣрѣ и правленіи, что Византійцы
не могли хорошо и подражать древнимъ Гре-
камъ. — Это были не тѣ времена, когда
Греція увѣнчивала на театрѣ Софокла и
Еврипида, когда назначала пальмы на Олим-
пійскихъ играхъ въ награду мужеству, лов-
кости, силѣ и звукамъ лиры Пиндаровой.
Это были не тѣ времена, когда Римъ уди-

влялся вѣпѣйству Цицерона, въ смѣлыхъ и блистательныхъ его чертахъ, и когда амфиатры Римскіе вмѣщали въ себѣ цѣлыя тысячи зрителей. — Эти блистательныя вѣка славы и чудеса разума человѣческаго отличны отъ мрачнаго, такъ называемаго, средняго вѣка.

Одно только *Церковное Красноречіе*, при распространѣніи Христіанства, достигло необыкновеннаго совершенства. — Еще прежде Константина Великаго, *Тертуліанъ* и *Оригенъ* сдѣлались извѣстны своими сочиненіями въ защиту Христіанства; но самый блистательный былъ IV вѣкъ. Тогда въ особенності прославились *Лактанцій*, *Евсевій* историкъ, Греческіе проповѣдники: *Василій Великій*, *Іоаннъ Златоустъ*, Римскіе ораторы: *Іеронимъ*, *Амвросій*, *Августинъ*. — Къ писателямъ этого же періода Византійской Литературы относятся: *Епископъ Евсевій* Хронографъ, Императоръ *Юлианъ*, Соискатель *Либанскій*, *Романистъ Іліодоръ*, философъ *Прокль*, *Планудъ* и не многіе другіе.

2. ЛИТЕРАТУРА СѢВЕРО-ЗАПАДНЫХЪ НАРОДОВЪ.

При всеобщемъ мракѣ, покрывавшемъ горизонтъ человѣческихъ познаній въ южныхъ Нѣкоторые
характери-
стическія,

сходныя черты между Шотландцами и Скандинавцами. — Всправахъ Европы, отъ V до XIII столѣтій; кромѣ Визаншійцевъ, Сѣверо-Западные народы, обитавшіе Сѣверную часть Шотландіи, Скандинавскій полуостровъ и Исландію, имѣли также собственную Литературу. — Нѣкоторыя черты какъ ихъ жизни, такъ и самой природы придавали имъ замѣтное сходство. Оба народа отличались воинственнымъ духомъ; а въ мирное время занимались звѣриною ловлею, какъ върнымъ образомъ войны. Въспѣхъ съ тѣмъ поэзія была любимымъ ихъ занятіемъ. — Скандинавскіе Скальды и Шотландскіе Барды вдохновенными своими пѣснями одушевляли воиновъ во время походовъ, и утѣшали ихъ ожидаемыми наслажденіями по смерти. Въ характерѣ ихъ поэзіи замѣтна какая-то унылая мечтательность, вѣроятно слѣдствіе угрюмой природы, шумнаго неба, вѣчно шумящаго моря и пустынныхъ лѣсовъ, или скалъ, гдѣ, по большей части, они принуждены были проводить жизнь свою среди опасностей и надеждъ.

Отличительныя черты шотландскихъ поэтовъ, приписываемыхъ Оссиану.

Древнѣйшій изъ Шотландскихъ Бардовъ упоминается *Оссианъ*, котораго пѣсни собраны изъ преданій изустныхъ *Макферсономъ* въ половинѣ XVIII вѣка, и даютъ понятіе о духѣ и степени совершенства шотландской поэзіи этого края. — Небольшія поэ-

мы, приписываемыя Оссіану, оживлены лирическими движеніями, въ нихъ все прогашельно, все поразительно. — Чипая ихъ, невольно переносишься въ страны, описываемыя Оссіаномъ, чувствуешь себя окруженнымъ тамошнюю природою и участвуешь въ битвахъ его героевъ. — Этого не довольно: пѣсни Оссіановы знакомятъ насъ съ подробностями жизни и перевороповъ народныхъ, также со всѣми мѣстными красками той страны. — Оссіанъ могъ бы почестъся впокрымъ Омиромъ, еслибъ имѣлъ болѣе разнообразія.

Примѣчаніе. Оссіанъ обыкновенно относился къ Шотландскимъ поэтамъ III вѣка; но въ Шотландіи Христіанство въ первый разъ проповѣдано, со введеніемъ письменности, *Патрикіемъ* и *Палладіемъ* въ V столѣтіи; а потому исторически доказывається, что Оссіана, поэта въ III вѣкѣ, въ Шотландіи не было; всѣ лица, въ поэмахъ его упоминаемыя, какъ-то: *Ордаръ*, *Орранъ*, *Кушуллинъ* и проч. сушь вымышленныя. Самъ Макферсонъ, въ разсужденіи своемъ о древности поэмъ Оссіановыхъ, пишетъ, что въ Ирландіи находишься много поэмъ о славномъ Фіонѣ Макъ Комкалѣ, или Фингалѣ, дошедшихъ по преданію и ложно приписываемыхъ Оссіану. — Если вѣришь эшимъ поэ-

Предположеніе о сомнительномъ существованіи Оссіана.

мамъ; но Ирландія при Фіонѣ угрожаема была нашествіемъ отъ трехъ сильныхъ Государей: Локлинскаго, Шведскаго и Французскаго. — Фіонъ, по полученіи этого извѣстія, послалъ Каолпа, Оссіана и Оскара для наблюденія непріятеля, когда онъ вознамѣрится приблизиться къ берегу. — Оскаръ отличался мужествомъ; но былъ не надежный наблюдатель, по причинѣ дурной привычки нерѣдко засыпать на своемъ постѣ, и при томъ сподъ крѣпкимъ сномъ, что иначе нельзя было разбудить его, какъ опрѣзавъ палецъ, или ударивъ по головѣ его камнемъ въ нѣсколько пудовъ. — Когда непріятель появился; то Оскаръ, по несчастію, погруженъ былъ въ глубокой сонъ. — Оссіанъ и Каолпъ рѣшились избрать послѣдній способъ, дабы разбудить его: — «Каолпъ взялъ тяжелей камень и поразилъ имъ главу героя. — Отъ сего удара звукъ «раздался на три мили, и горы потряслись въ своемъ основаніи.» Оскаръ вспалъ въ ужасномъ гнѣвѣ и истощилъ всю свою ярость на непріятелей, разбивъ одинъ цѣлое крыло ихъ войска. — При всемъ томъ союзники подвигались впередъ, пока не пришли къ одному шѣсному проходу, бывшему подъ защитою пресловутаго Тонъ-Юсала. Этошъ вишазъ быдъ сподъ тяжель и не поворопливъ,

что когда садился, то сто человекъ съ трудомъ могли поднять его на ноги. — Къ великому благу Ирландіи, герой былъ тогда на ногахъ, и сдѣлалъ изъ нихъ столько хорошее употребленіе, при появленіи непріятелей, что Фіону, по прибытіи его, оставалось только дѣлать добычу между своими ратниками.

Поэзія *Скальдъ* не столько однообразна, какъ у Шотландскаго Барда. — Причиною эпического была самая жизнь Скандинавцевъ. — Они, въ отдаленныхъ морскихъ путешествіяхъ подвергались всѣмъ опасностямъ неравныхъ битвъ и сильными впечатлѣніями оживляли свое воображеніе. — Припомъ же они имѣли полную и хорошо изложенную Мифологію, которая, съ присоединеніемъ сказаній историческихъ, составила въ глубокой древности, на островѣ Исландіи, и извѣстна подъ именемъ *Эдды*. — Эта книга Скандинавской Мифологіи, по многимъ отношеніямъ, любопытна для всѣхъ сѣверныхъ народовъ.

Отличительныя свойства поэзіи Скальдъ.

Олай Вормій въ прибавленіи къ извѣстной своей книгѣ: о *Рунической словесности* (de litteratura Runica) доказываетъ, что Скальды или Скалдеры, стихотворцы древнихъ Скандинавовъ въ пѣсняхъ своихъ, или *Визяхъ* (vuser) употребляли до 136 различ-

ныхъ мѣръ; но это различіе состояло не въ размѣрѣ, или въ спомахъ, а въ числѣ слововъ и расположеніи буквъ, что впрочемъ едва чувствительно было для слуха.

Причина измѣненія оригинальности литературы Скандинавской.

Сколь ни оригинальна была Литература сѣверо-западныхъ народовъ въ началѣ средней Испоріи, но она не могла навсегда сохранить свою оригинальность, и должна была уступить первенство Литературѣ *уценой*, распространившейся въ позднѣйшія времена по всей Европѣ изъ Византіи чрезъ Италію. — Причиною такого измѣненія была перемѣна въ гражданскомъ устройствѣ самыхъ народовъ. — Не смотря на то, и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ сѣверныхъ народовъ, писанныхъ по формамъ Греческимъ, или Римскимъ, сохранились отпечатки мѣстныхъ красотъ Скандинавскихъ и нѣкоторая народность.

3. Л И Т Е Р А Т У Р А А Р А В И Т Я Н Ъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Индія, Персія и Аравія, какъ страны, сдѣлавшіяся извѣстными съ древѣйшихъ временъ, могли имѣть замѣчательныя произведенія Литературы въ блестящій періодъ славы Греціи. — Но отдаленность ихъ отъ Европы и трудность сообщенія съ ними были причиною,

что, до временъ средней Исторіи, Европейцы имѣли мало свѣдѣній о ихъ Литературѣ. — Изъ трехъ показанныхъ земель самая поэтическая, по образу жизни ея обитателей, есть Аравія. — Съ IX по XIV вѣкъ, Литература Арабская блистала живымъ свѣтомъ на востокѣ и западѣ; тогда какъ мракъ пягопѣль надъ юго-западными странами Европы, не имѣвшими политическаго устройства.

Къ причинамъ быспрыхъ успѣховъ Литературы Арабской должно отнести климатъ, образъ жизни Аравитянъ, богатство ихъ языка и особенно великій полииническій переворотъ, происшедшій въ Аравіи и давшій скорую извѣстность объ успѣвливной дѣятельности ея жителей. — Аравитяне, въ знойныхъ степяхъ своихъ, по большей части, ведутъ кочевую жизнь, раздѣляясь на племена, всегда между собою воюющія. — Ясное небо, безпредѣльныя равнины, нрѣдка встрѣчаемый въ необозримыхъ степяхъ кдочъ, освняемый величественною пальмою — вошъ почти все, что поражаетъ ихъ зрѣніе. — Но такой недоспашокъ въ физическихъ развлеченіяхъ, шѣснѣ соединяетъ ихъ подъ шатрами, и заставляетъ питать душу мечтами воображенія.

Причины успѣховъ Литературы Аравитянъ.

Знашюки Арабскаго языка счишуютъ его Замѣчаніе о
часть IV.

Арабскомъ
языкѣ.

однимъ изъ богатѣйшихъ и вырази-
тельныхъ языковъ. — Всѣ метафизическія сло-
ва въ языкахъ большаго числа народовъ Аф-
рики, Азии и Океаніи, исповѣдующихъ Исла-
мизмъ, заняты изъ языка Арабскаго. — Е-
ще въ находящіяся при главные роды письма
а) *Куфское*, древнѣйшее и нынѣ не употр-
бляемое; б) *Месхское*, изобрѣтенное въ пе-
рвой половинѣ X вѣка, и нынѣ употреб-
ляемое почти всѣми Арабами Азии и воспо-
ной Африки; и в) *Магребское* остающееся
въ употребленіи у сѣверо-западныхъ жи-
телей Африки. — Вообще языкъ Арабскій
очищенный и усовершенствованный пр-
Магомедомъ и его преемниками, въ послѣ-
дствіи содѣлался языкомъ *ученымъ* и *бо-
гослужбымъ* многочисленныхъ народовъ Азии
и Африки.

Содержаніе
Арабскихъ
повѣстей и
пѣсней.

Арабскія *повѣсти* и *пѣсни* представи-
ляютъ всю гибкость ума ихъ, твердоси-
льности характера, неизмѣнимость привычекъ
справедливости къ набѣгамъ и любовь къ дико-
вольности. — Въ нихъ описывается по оп-
чашная храбрость наѣздниковъ, по легкости
и быстротѣ коней, составляющихъ все ихъ
богатство; словомъ — въ этихъ повѣстяхъ
и пѣсняхъ отражается и природа и жи-
тели Аравіи. — Но одно изъ произведеній
плодовитѣйшаго воображенія Аравитянъ ес-

собрание сказокъ, извѣстныхъ подъ именемъ: *Тысяча и одна ночь*. — Сверхъ того къ замѣчательнымъ остаткамъ древней поэзіи Аравіянъ относятся *семь поэмъ*, сохраняемыхъ въ храмѣ Меккскомъ. — Пріятности пастушеской жизни, благородная гордость, нѣжность и мщенье составляютъ содержаніе этихъ поэмъ. — Наконецъ самый *Алкоранъ* починается опличнымъ произведеніемъ, поэзіи; и Магомедъ заключаетъ рядъ Аравійскихъ поэмовъ. — Языкъ Алкорана не прешерпѣлъ важныхъ перемѣнъ, кромѣ не многихъ коренныхъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія, и нѣкоторыхъ успарѣвшихъ оборотовъ и выраженій, давно оставленныхъ. — Замѣчательно, что Арабская Литература содѣйствовала не только къ образованію Литературъ Персидской и Турецкой, но служила, нѣкоторымъ образомъ, основаніемъ Латинской и народной Испанской до эпохи Фердинанда Кастилика. — Поэтому-то весьма многіе изъ христіанскихъ писателей съ успѣхомъ занимались ею. — Въ цвѣтущее время Литературы Арабовъ появились у нихъ многіе переводы лучшихъ твореній классическихъ языковъ, также изданы примѣчательныя сочиненія, относящіяся къ Философіи, Медицинѣ, Математикѣ, Исторіи, Географіи и Словесности. —

Изъ историковъ извѣстнѣйшій *Абулфедъ* изъ философовъ *Ал-Фараби*, а *Малекъ Алгаризи* сравниваются съ Цицерономъ Димосееномъ. X

Вліяніе Липерашуры Липерашуры Арабская и Скандинавская Арабской и Скандинавской на Липерашуру юго-западныхъ народовъ Европы. — Скандинавы, под именемъ Норманновъ, овладѣли сѣверо-западною частію Франціи, потомъ усилились в Англіи и даже въ Сициліи; а Аравіянскіе покоривши сѣверный берегъ Африки, перешли въ Испанію, и при *Абассидахъ*, открывъ покровительство наукамъ и искусствамъ много содѣйствовали образованію Персовъ Турокъ, и даже сдѣлались образователями Европейцевъ.

4. П р о в а н с а л ѣ н а я п о э з і я .

Причина долгаго употребленія языка Латинскаго въ Липерашуру. Когда въ юго-западныхъ странахъ Европы началъ поспешенно возникать гражданское благоустройство, послѣ великаго переселенія народовъ; тогда начала оживляться и умственная дѣятельность; въ особенности же духовные посвящали себя ученымъ занятиямъ. — Они, составляя сухія лѣтописи заботились также о собираніи и сохраненіи древнихъ рукописей. — Но какъ языки новыя, происшедшіе изъ смѣси Латинскаго съ языками завоевателей Римскихъ провинцій

шоль были не обработаны, что на нихъ еще невозможно было ничего написать; шо языкъ Латинскій долго оставался языкомъ литературнымъ до XI и даже до XII вѣка. — На этомъ языкѣ писали списки и другія сочиненія, особливо въ родѣ повѣствовательномъ, но безъ силы и благозвучія. — Въ не многихъ шолько произведеніяхъ можно было замѣтить слабыя искры генія поэзіи.

Между новыми нарѣчіями, копорыя на- Начало Про-
ванскаго на-
рѣчія.
званы *романскими*, пошому что они произошли отъ языка Римскаго, прежде всѣхъ дѣлалось замѣчательнымъ *Прованское*. — Имъ воспользовались первые тогдашніе поэты, извѣстные подъ именемъ *Трубадуровъ*, которые въ XII и XIII столѣтіяхъ приуготовили возобновленіе стихотворства въ южной Франціи, между шѣмъ какъ въ сѣверныхъ ея частяхъ произвели эцю, шакъ называемые, *Трувереры*, или *Романсеры*. — Содержаніе ихъ пѣснопѣній часпю историческое, а особливо сказанія о рыцарскихъ приключеніяхъ, часпю еротическія и безскусственныя выраженія нѣжнаго и проспаго чувствованія. — Вообще въ поэзіи Трумауровъ отразились тогдашніе нравы, характеръ и вѣрная картина жизни народной; и ерхъ шого она отличалась смѣлостію высловъ, остроуміемъ, пышностію слога и

риемами, (*) занятыми у Аравишянъ. — Впрочемъ близкое сосѣдство Мавровъ, копирыхъ поэзія блистала всѣми роскошнымъ красками востока, не имѣло почти никакого вліянія на стихотворство Трубадуровъ и не отразилось въ ихъ произведеніяхъ. — Если Литература Провансальная, начавшаяся

(*) Нѣкоторые, и не безъ основанія, почитаютъ приемъ изобразительнѣе Гомеровъ. — Хотя въ рунической поэзіи и нѣтъ ея на концѣ стиха; но буквы и слоги въ срединѣ составляютъ родъ приема. — Въ этой древней поэзіи всякая строфа состояла изъ равнаго числа строкъ, изъ которыхъ въ каждой было по шестнадцати слоговъ. — Опять стихотворца требовалось, чтобы въ каждомъ двусложномъ при слова начинались одинаково буквой. — Два изъ сихъ соотношительныхъ словъ входили въ первой строкѣ двусложныя, а третья и четвертая. — Сверхъ того въ срединѣ каждой строфы были по два слога, состоящіе изъ одинаковыхъ гласныхъ или согласныхъ. — *Олай Вормій* въ известномъ сочиненіи своемъ *Рунической словесности* (de litteratura Runica) приводитъ два Латинскіе стихи, составленные имъ по правиламъ Рунической поэзіи: „Christus caput nostrum
„Coronet te bonis.

Въ этихъ стихахъ начальныя буквы словъ Christus caput и Coronet суть при соотношительныхъ буквахъ въ двусложныя. — Въ первой строкѣ первые слоги словъ: Christus и nostrum, а во второй слогъ op въ coronet и bonis дѣлаютъ надлежащее соотношеніе въ слогахъ. — Частыя перестановки и расположенія словъ также употреблялись въ Руническихъ стихотвореніяхъ.

и, окончившаяся съ Кресповыми походами въ XIV столѣтіи, и не могла, по внутреннему своему достоинству, достигнуть блистательныхъ успѣховъ; тѣмъ не менѣе она осталась всегда примѣчательною по своему вліянію на языки и стихотворство многихъ народовъ.

С. НОВАЯ ИСТОРІА.

Подъ конецъ XIII вѣка, начала мало по малу исчезать мрачная ночь, покрывавшая Европу около тысячи лѣтъ; умы пробудились отъ глубокаго усыпленія и приняли свойственную имъ дѣятельность; кресповосцы, подвизавшіеся для освобожденія отъ Магометанъ гроба Христова, проходя Грецію, познакомились съ уцѣлѣвшими произведениями искусствъ, и почувствовали стремленіе къ образованію. Испалія была пою счастливою спраною, гдѣ, въ исходѣ XIII и въ продолженіе XIV вѣковъ, науки и Изящныя искусства начали оказывать ощутительные успѣхи. Въ эту эпоху возрожденія наукъ нравственная любовь составляла главный предметъ стихотворныхъ произведеній. Въ XV вѣкѣ съ новымъ блескомъ возсіялъ свѣтъ наукъ на небосклонѣ Испаліи. Умы съ жадностію успремились къ чтенію древ-

нихъ писателей. Исторія и мертвые языки были главнѣйшими предметами ученія. Пошомъ воображеніе, увлекаемое красотою древнихъ стихотворцевъ и орапоровъ, воспріяло свое дѣйствіе; и человѣческій разумъ, въ послѣдствіи, явилъ необыкновенные успѣхи. XVI столѣтіе было блистательнѣйшее въ Италіи: явились стихотворцы, ученые и школы живописи. *Медицисы* ознаменовали своимъ именемъ эпоху XVI вѣка и заслужили признательность просвѣщеннаго попомства. Въ особенності же сынъ *Лаврентіа Медициса*, въ послѣдствіи Папа Левъ X, изъ любви къ наукамъ и искусствамъ, не щадилъ ничего для распространенія ихъ. После Италіи, Испанія первая произвела отличныхъ художниковъ и поэтовъ, преимущественно при *Карлѣ V*. Во Франціи начали возникать изящныя искусства и Словесность со временъ *Франциска I*, а достигли счастливѣйшей эпохи своей въ исходѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, при Людовикѣ XIV. Въ Англіи водворились науки и искусства со временъ королевы *Елисаветы*, съ возрастающимъ благосостояніемъ государства. Въ Германіи начали оказываться успѣхи въ образованіи и утонченіи вкуса также съ XVI вѣка, и съ этого времени, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, возрастали дарованія, прилѣ-

жаніе и охота къ искусству и Словесности. Но въ поэзіи весьма рано явились многіе опыты въ повѣствовательныхъ стихотвореніяхъ древнихъ пѣвцовъ, современныхъ Прованскимъ стихотворцамъ и обыкновенно называемыхъ *Миннезингерами*. Въ Польшѣ царствованіе *Сигизмунда Августа* почищается блистательнымъ періодомъ успѣховъ Словесности.

Такъ какъ не всѣ Европейскіе народы являющіяся равно важными въ исторіи Литературы; то мы ограничимся краткимъ разсмотрѣніемъ Литературы самыхъ примѣчательныхъ.

1. ИТАЛІЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Хотя Италія почитается тою страной, гдѣ въ средніе вѣки воскресли науки и художества; но это справедливо только въ отношеніи къ учености, особливо Греческой и Римской. Между тѣмъ Литература, какъ проявленіе умственной жизни народа, прежде Италіанской, возникла у Провансальцевъ и Испанцевъ еще въ XI столѣтіи. У Италіанцевъ же собственная Литература явилась только въ XIV столѣтіи, когда ихъ литераторы начали употреблять въ сочиненіяхъ своихъ, вмѣсто Латинскаго языка, Италіанскій.

Начало собственной Италіанской Литературы.

Данте и Петрарка.

Данте Алигьери и *Петрарка*, изъ коихъ первый родился въ XIII, а впорой въ XIV столѣтіи, начали первые писать по Италіянски. — Чѣмъ оцѣнить кругъ дѣйствія этихъ поэтовъ, надобно только замѣнить, какое впечатлѣніе въ умахъ произвели они въ свое время; рожденные во времена грубыя, они пробудили соотечественниковъ отъ невѣжества, показавъ имъ, что есть въ мірѣ удовольствія умственные. Мрачная поэма *Данте*, не смотря на странное свое названіе: *Божественная Комедія* (la Divina comedia), многіе недоспахи и часто грубый вкусъ, необходимую дань вѣку, въ копоромъ она была писана, содержишь въ себѣ безчисленныя, неподражаемыя красоты силы и выраженій; довольно упомянушь объ эпизодахъ *Уголина* и *Франчески ди Римини*, дающихъ творцу ея мѣсто между великими поэтами всѣхъ вѣковъ и народовъ. — Италія обогрѣна кровію во дни жестокихъ пошрясеній; шіара первосвященниковъ воюешъ съ діадимою Цесарей, и посреди этихъ кровопролитій и осужденій на казни, *Данте* отворяешъ врата ада, живописуешъ страшныя зрѣлища, мучительныя скорби; и мрачный, высокій гласъ его пробуждаешъ Музъ Тибра, Минція, Еридана. Если разрѣшишь прекрасныя аллегоріи въ

поэмъ *Данте*; то откроется, что онъ первую половину жизни своей провелъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ, доколь свѣтъ ума — предвѣспникъ Божественной благодати и свѣта — не показалъ ему заблужденій души человѣческой. — А пошому | основная идея Божественной Комедіи *Данте* — показать, какъ *земное*, освященное Христіанскою Вѣрою, возвращается къ *вѣчному источнику* всего сотвореннаго. — *Данте* имѣлъ своимъ учителемъ и наставникомъ *Виргилія*; но, не смотря на пристрастіе свое къ сему великому поэту древности, онъ умѣлъ сохранить необыкновенную оригинальность. — Впрочемъ самый предметъ шакъ долженъ былъ увлечь христіанскаго поэта, что конечно ему невозможно было вездѣ встрѣчаться съ *Виргиліемъ*. — *Петрарка* воспѣвалъ чувствованія болѣе шомныя, нежели сладостныя, болѣе духовныя, нежели плотскія; лира, выпадаъ изъ рукъ его, не оспается праздною; другіе персты къ ней прикасаются и извлекаютъ изъ нея споль же гармоническіе, но болѣе проницающіе звуки, напоминающіе лиру *Горація*. — *Петрарка* сначала пренебрегалъ собственнымъ языкомъ и писалъ болѣе на *Латинскомъ*; доказательство — что собственная *Италіанская* литература тогда еще не была всѣми лю-

биа. — На Италіянскомъ языкѣ *Петрарка* писалъ только однѣ нѣжныя Оды, Сонеты и Канцоны. — Между тѣмъ онъ всею своею славою обязанъ этому, какъ самъ онъ выражался, легкому пруду. — Канцоны *Петрарки*, опшляющіяся прекраснымъ, звучнымъ языкомъ, избыткомъ роскошныхъ чувствованій и живописныхъ описаній, доведены до такого совершенства, что послѣдующіе канцонисты не много прибавили къ красотамъ этого рода сочиненій.

Замѣчаніе о
Канцонахъ.

Примѣчаніе. Канцона не есть ни Ода, ни пѣсня, но романтическое, торжественное пѣніе въ длинныхъ спротахъ. Она не столько просонародна, какъ пѣсня, и не возвышенна, какъ Ода; не имѣетъ лирической опшанности и богатства мыслей. Канцона, получивъ начало въ школѣ Трубадуровъ, принята была первыми Италіянскими поэтами и ими облагорожена. Родъ спротовъ Канцоны имѣетъ нѣчто сходное съ Пиндаровымъ, но различенъ по духу языка. Канцона имѣетъ длинныя спроты и наибольшую мелодію риемъ, на мѣсто мелодіи Греческаго рипма. Сочинитель ея дѣлаетъ въ концѣ обращеніе къ сочиненію. Лучшія Канцоны почти всегда имѣютъ предметомъ мечшательность любви; но есть также героическія, дидактическія и элегическія. Смотри

по различію эпіхъ чувствованій, и Канцона получаетъ различный тонъ. Но вообще она имѣетъ болѣе нѣжности и любезности, нежели величія.

Въ концѣ XV вѣка, по взятіи Констан-
тинополя Турками, многіе ученые и худож-
ники прибыли въ Италію, гдѣ примѣрно
начала распространяться Греко-Латинская
ученость, при покровительствѣ Медициновъ.
Древніе авторы, отысканные въ рукопи-
сахъ, предаваемы были писанію, не задол-
го предъ сими изобрѣтеніями въ Германіи.
Многіе изъ Италіянскихъ поэтовъ просла-
вились въ это время уснѣхами своими въ
поэзіи романической, воспѣвъ подвиги рыца-
рей Карла В. и войну Крестоносцевъ. Но
поэмы *Аріоста* и *Тасса*, жившихъ въ XVI
вѣкѣ, считающіеся и будущъ счищаться обра-
зами пламеннаго воображенія, неспинныхъ
красотъ поэзіи и прелестной версификаціи
на шомъ языкѣ, котораго даже обыкновен-
ная рѣчь есть музыка. *Аріостъ*, избравшій
для поэмы своей *Орlando-эпоху* Карла В. не
могъ не заимствовать красокъ изъ произве-
деній провансальныхъ, для которыхъ время
Карла Великаго было главнымъ предметомъ.
Аріостъ не безъ удачи подражалъ также древ-
нимъ саширикамъ. Но саширы его слыш-
комъ многорѣчивы, и болѣе жалобны, не-

Водвореніе
классической
учености
Италіи.

Аріостъ и
Тассъ.

паешъ. Прованскому въ эпохъ первоначальнаго своего образованія. У Испанцевъ образовалось свое рыцарство и была своя война за вѣру. Но частыя сношенія и продолжительныя войны съ Маврами, отличавшимися въ то время глубокими свѣдѣніями въ философіи, математикѣ, медицинѣ и астрономіи, имѣли полезное вліяніе на образованіе Испанцевъ. Впрочемъ Испанцы, какъ ревностные Христіане, удерживались отъ рабскаго подражанія Маврамъ, чѣмъ было весьма выгодно для возникающей ихъ Литературы, кошорая, занявъ у Мавровъ въ стихахъ риму, а въ слога иперболическую важность и восточныя украшенія, сохранила свою народность.

Характеръ древнихъ Испанскихъ романсовъ и поэмы о Сидъ.

Къ произведеніямъ Испанской словесности XII вѣка относяща *романсы*, въ которыхъ рѣзкими чертами выражены образъ мыслей и чувствованія народа, слышны съ неизгладимыми и характеръ опредѣляющими воспоминаніями. Такъ описывались въ нѣкоторыхъ Испанскихъ романахъ сцены изъ послѣдней войны противъ Мавровъ съ такою проглательною силою, чѣмъ запрешили ихъ пѣть, потому чѣмъ слушающіе впадали въ неодолимое уныніе. Въ другихъ горитъ пылая и пламенная любовь, отважная ревность, фаншаспическая вѣжливость Каспи-

ліянца, подъ Маврскимъ именемъ и въ великолѣпнѣйшій дворъ Гренадскаго. Замѣчательно, что въ эпикѣ южныхъ стихотвореніяхъ нѣтъ ни привидѣній, ни другихъ спрашилицъ фантазій, подобно какъ въ сѣверныхъ Балладахъ, особливо Англійскихъ, Шотландскихъ и Датскихъ. Слогъ въ Испанскихъ романахъ опрывисшій; иногда въ нихъ упоминающіяся дѣянія, какъ въ хроникѣ. Вообще въ описаніи предметовъ нѣтъ преувеличенія; чувствованія выражающіяся просто и безъ намѣренія произвесць эффектъ. Но въ послѣдствіи, Испанскіе романы удалились отъ первобышней своей простоты и составили искусственный родъ стихотвореній. Къ XII вѣку также относилась поэма о *Сидѣ*, отличающаяся совершенною національністю и представляющая картину нравовъ XI столѣтія. Въ послѣдовавшія за нѣмъ времена у Испанцевъ были обработаны *Пастушескія стихотворенія*, *историческія Поэмы* и самая *Исторія*.

Но цвѣтущее состояніе Испанской Литературы было въ продолженіе XVI и XVII столѣтій. Тогда явились оригинальные писатели отличнаго достоинства, рѣдкой плодовитости въ изобрѣшеніи и весьма уважаемые своею націею; къ таковымъ должно отнести *Серванта*, шворца *Донъ-Кихота*,
Цвѣтущее время Литературы Испанской.

и драматическихъ писателей *Лопеца-де-Вега*, а особенно *Кальдерона*. *Луи де Леанъ* почитается первымъ Испанскимъ пѣвцомъ Одъ; но его чувство было подавлено духомъ инквизиціи. Испанцы, кажется, были также основателями вкуса романтическаго въ поэзіи Драматической. *Лопеъ де Вега*, *Кальдеронъ дела Барка* и другіе ихъ стихотворцы не держались строгаго ни преданій, ни правилъ, заповѣданныхъ Древними; подвиги Сиды, казни рыцарей храма и другія событія среднихъ вѣковъ были ихъ предметами. Только они уже слишкомъ позволяли себѣ неограниченную свободу въ нарушеніи шрехъ единствъ, въ перемѣнѣ мѣстъ и странъ, въ запутанности плановъ, въ продолженіи происшествій и даже въ анахронизмахъ; какъ на прим. въ трагедіяхъ Кальдерона говорится о Польскомъ королѣ *Василии* и *Астольфѣ*, Великомъ Князѣ Московскомъ. Не смотря однакожъ на такіе недостатки, драматическія произведенія Испанцевъ изобилуютъ превосходными красотою Поэзіи.

Упадокъ Испанской Литературы.

Въ концѣ XVII вѣка, проникнули въ Испанію правила Французскаго вкуса, основанныя на подражаніи Древнимъ, безъ красотъ національныхъ; отъ чего Испанская Литература утратила прежній блескъ свой и оригинальность; а произведенія ея сдѣла-

лись намъ болѣе извѣстными чрезъ другихъ, особенно Французовъ.

3. ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Одно изъ Романскихъ нарѣчій, сосѣдственное Испанскому, Португальское процвѣтало болѣе въ XVI вѣкѣ, и представило по многимъ частямъ Словесности оригинальные произведенія. *Камоенсъ* воздвигъ незаблennyй памятникъ счастливому вѣку Португаліи своего эпическаго поэмою *Луизіадою*, въ которой изобразилъ отважное предпріятіе Васко де Гамы. *Луизіада* всѣми признана классическою поэмою, не смотря на нѣкоторыя важныя недоспадки въ употребленіи чудеснаго. *Баррошъ* считается отличнымъ историческимъ писателемъ; *Са де Миринда* прославился Пастушескими стихотвореніями. Но съ паденіемъ могущества государства, упала и Литература, замѣнивъ оригинальность слабыми подражаніями. Въ недавнія времена, когда Португальская нація упала нравственно и политически, явился сочинитель Одъ *Франциско Мануель донъ - Лименто*, котораго творенія отличаются поразительною силою языка, патріотизмомъ и свободою духа.

4. АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Причины
позднего об-
разованія Ан-
глійскаго
языка.

Англійскій языкъ образовался гораздо поз-
же южныхъ языковъ. Причиною сего были
полипическія происшествія , какъ-то : вой-
на за наслѣдство, война между Розами, со
всѣми ужасами свирѣпствовавшая, также
войны съ Франціею. Но Англія въ эпоху
противоборствія своего Франціи, оспаривая
у ней вѣнецъ дарованій, по ея примѣру, вос-
ходила на высокую степень образованія и
соревновала ей на поприщѣ Словесности: со-
перничество кропкое, знаменитое для обо-
ихъ народовъ и благотворное для человѣче-
ства. Впрочемъ въ каждой изъ этихъ спранъ
Литература шла различными путями и
отличалась особеннымъ характеромъ.

Успѣхи Ан-
глійской Ли-
тературы
въ XVI вѣкѣ.

Языкъ Англійскій, составившійся преим-
ущественно изъ языковъ Латинскаго, Гер-
манскаго, способенъ принимать понъ Ли-
тературы языковъ романскихъ и Литера-
туры сѣверной. Первая извѣстная эпоха
поэзіи Англійской, начиная съ *Спенсера* и
Шекспира, въ XVI вѣкѣ, ознаменовалась
вкусомъ романтическимъ. *Спенсеръ* почишае-
ся ошцемъ Англійской Литературы. Онъ
во многомъ сходенъ съ поэтами рыцарскихъ

Спенсеръ.

вѣковъ, хотя писалъ въ то время, какъ рыцарство уже кончилось. Почти во всѣхъ лирическихъ твореніяхъ Спенсера Англичане находятъ нѣжность чувствъ, напоминающихъ всѣ прелести Провансальской поэзіи. Но изящнѣйшимъ его произведеніемъ почитается *Царица Фей*; оно имѣло аллегорическое отношеніе къ королеви Елисаветѣ и исполнено блестящихъ красотъ воображенія. *Шекспиръ*, отецъ Англійскаго театра, *Шекспиръ* былъ вмѣстѣ и утвердитель романческаго вкуса въ поэзіи Британской, на которую вліяніе его было столь же велико, какъ и вліяніе Омира на Литературу Греческую. Омиръ и Шекспиръ — два радіуса, которые, сколько ни расходясь, описываютъ одну периферію и соединяются въ одномъ центрѣ. Это близнецы матери природы, которые въ разномъ направленіи, исполненными шагами измѣрили свѣтъ, и опять на той же почкѣ соединились, на которой разстались. Шекспиръ столь же величественъ, неизчерпаемъ и многообразенъ, какъ и сама природа! Этого единственнаго гения, не подвластнаго никакимъ правиламъ, писалъ по внушенію своего сердца и воображенія. Приверженцы классицизма находясь въ немъ множеству недоспатковъ; но могутъ ли они оспорить у Шекспира

воображеніе всеобъемлющее и глубокое познание человеческого сердца, которое онъ разгадалъ въ самыхъ тайныхъ его изгибахъ? Никакой философъ не въ состояніи написать такой Психологіи, какую можно бы извлечь изъ твореній Шекспира. Чистая ихъ, кажется, живетъ въ дѣйствительномъ мірѣ, въ обращеніи съ людьми всякаго званія, возраста, пола, характера, видишь ихъ страсти и слабости, пороки и добродѣтели, заблужденія и хитрости явные и скрытые. Самые недосыпки сего поэта имѣютъ свою прелесть; ибо сильнѣе даютъ чувствовать превосходство мѣстъ изящныхъ. Произведенія его можно раздѣлить на три рода: въ первыхъ онъ, какъ національный поэтъ, вѣрно и поразительно представилъ замѣчательныя происшествія изъ Англійской Исторіи; во вторыхъ, какъ поэтъ справъ полуночныхъ, онъ воспользовался древнею Мифологіею сѣвера, и неисчислимымъ воображеніемъ своимъ излекъ изъ нея сцены неподражаемыя; въ третьихъ онъ изобразилъ со всѣми отличіями характеръ, привычки, повѣрья и страсти южныхъ обитателей. Если Шекспиръ на мрачномъ сѣверѣ исчезъ въ бурныхъ страстяхъ и трагическихъ ужасахъ; то мы усматриваемъ его воскресающимъ на югѣ въ игрѣ нѣжныхъ чувствъ

сердца человеческого ; видимъ пышную и улыбающуюся природу полуденныхъ странъ ; узнаемъ Итальянцевъ съ пламеннымъ ихъ воображеніемъ и пылкими спраспиями. Впрочемъ волшебство творческой фантазіи Шекспира можно только созерцать , а не опредѣлить. Должно ли удивляться , что Шекспиръ или мало былъ извѣстенъ , или почитался безразсуднымъ нарушителемъ пиническаго кодекса въ то время , когда пышность двора Людовика XIV и блескъ Французской поэзіи ослѣпляли всѣхъ ; когда изящество произведеній основывали на мнимомъ подражаніи природѣ , забывая , или совершенно отринувъ природу ? Должно ли удивляться , что диктаторы Европейской Литературы Вольтеръ и Лагарпъ почтили Шекспира , однимъ эпитетомъ : *un sauvage enivré* , другой эпитетомъ : *un monstre, qui a de belles parties* ? Такія изрѣченія замѣчательны не по осипроствъ своей , но какъ доказательства того , что Шекспиръ , истинный волшебникъ въ романтическомъ мірѣ духовъ , находился въ разительной противоположности съ искусственнымъ міромъ Французскихъ классиковъ.

Въ началѣ XVII столѣтія , въ Англіи явился Мильтонъ. Мильтонъ , одинъ изъ величайшихъ поэтовъ , сочинитель поэмы : *Потерянный*

рай. Подобно Данту, взявъ содержаніе изъ Христіанской Релігій, онъ умѣлъ придашь краски пінтическія предметамъ священнымъ и представлялъ въ видимомъ образѣ понятія ошвлеченныя; подѣ перомъ его оживо-пворились добродѣтели и пороки. Живши въ годину междоусобій своего отечества, Мильпонъ особенно превосходенъ въ изображеніи лицъ и свойствъ; его Сапана естъ исполнитъ — заговорщикъ, возсѣлавшій про-павъ неба. Сей поэтъ первый ~~показалъ~~ ^{показалъ}, какія пружины должны дѣйствовать въ Эпопѣ, приличной нашимъ понятіямъ о Вѣрѣ. Замѣтивъ должно, что Мильпономъ превосходно изображена одна только кар-тина паденія; ибо другая его поэма: *Возра-щенный рай* никакъ не можетъ сравниваться съ первою.

Періодъ
классицизма
и писатели
XVIII вѣка.

Въ концѣ XVII и въ продолженіе XVIII столѣтій, въ Англіи не являлись замѣчатель-ные по оригинальности и соотвѣтствующіе на-родному духу писатели. — Причиною такого измѣненія въ направленіи Литерату-ры было то, что, со временъ *Попе* и *Драйдена*, многіе Англійскіе литераторы хотѣли подвесити поэзію Англійскую подѣ искусственную и однообразную форму поэзіи Французской, признавъ ее за классическую. — Такое господство правильности ученой уже

начало распространяться и грозило Английской поэзии утратою лучшаго ея достоинства—оригинальности. — Впрочем и этотъ періодъ классицизма богатъ именами извѣстныхъ писателей, къ каковымъ относятся: *Грей, Томсонъ, Блеръ, Джонсонъ, Адиссонъ, Стернъ, Свифтъ, Ричардсонъ, Фильдингъ, Юмъ, Гиббонъ, Робертсонъ, Чатамъ, Фоксъ.*

Въ XIX вѣкѣ многіе отличные поэты Писатели XIX вѣка. содѣйствовали къ возстановленію народной Лишерашуры, и составили вторую эпоху Английской романтической поэзии. — *Вальтеръ Скоттъ* твореніями своими доказалъ Европейцамъ, что, при глубокомъ полько изученіи отечественной Исторіи, національная Лишерашура можетъ получить полное господство. — Кромѣ Балладъ и Поэмъ романтическихъ, отличающихся живописію разсказа, новостію и разнообразіемъ предметовъ, *Вальтеръ Скоттъ*, въ ученomъ Европейскомъ мѣрѣ, приобрѣлъ извѣстность своими Романами, въ которыхъ онъ являлся искуснымъ живописцемъ временъ, мѣстъ и лицъ, и самымъ вымысламъ умѣетъ придавать видъ вѣроподобія. — Изъ другихъ поэтовъ сего времени замѣчательнѣйшіе: *Лордъ Байронъ, Томасъ Муръ и Соутей.* — Въ романтическихъ поэмахъ *Лорда Байрона* писатель поражается пламеннымъ вообра-

женіемъ, кипящею чувствительностію, новосіію мыслей и яркостію картинъ, въ которыхъ поэтъ съ особеннымъ искусствомъ схватываетъ черты мѣстныхъ. — Такъ въ поэмѣ его: *Гяуръ*, мы слышимъ Турка, рассказывающаго со всѣмъ суевѣріемъ, сроднымъ его понятіямъ, ночной бѣгъ Гаура, представлявшагося ему грознымъ привидѣніемъ. — На большую часть произведеній Лорда Байрона положена мрачная печать — слѣдствіе собственныхъ его горестей и спораданій. — Больше всего, узнаешь самого поэта, въ *Childe Harold*, гдѣ подъ вымышленнымъ лицомъ онъ передалъ намъ свои чувствованія и снѣдавшую его тоску. — Впрочемъ поэмы его *Донъ-Жуанъ* и *Бепно* имѣютъ тонъ шушливый; но въ самыхъ шушкахъ его заключается ѣдкая сатира на свѣтъ и людей. — Въ мелкихъ даже произведеніяхъ, и особливо въ *Еврейскихъ мелодіяхъ*, взятыхъ изъ книгъ Св. Писанія, нельзя не узнать въ Байронѣ первокласнаго поэта. — *Томасъ Муръ* названъ соотечественниками Анакреономъ, по нѣжности чувствованій и пріятности мелкихъ пѣстическихъ его произведеній. Но въ особенностяхъ, поэтъ сей прославился поэмою своею *Лалла-Рукъ*, гдѣ переноситъ онъ читателя въ очаровательныя страны Востока, съ рѣд-

кимъ искусствомъ изображаетъ природу тѣхъ
спранъ, нравы лицъ, выводимыхъ имъ на
сцену, ихъ обычаи и повѣрья. — Опрывокъ
изъ эпической поэмы подъ названіемъ: *Пери и*
Ангель превосходно переведенъ на Русскій
языкъ Г. Жуковскимъ. — *Соутей* написалъ
нѣсколько Поэмъ и Балладъ, ошличающихся,
по ошзывамъ Англійскихъ крипиковъ, бо-
гашствомъ изображеній и разнообразіемъ
предметовъ. — Любимедамъ отечественной
поэзіи извѣстна переведенная Г. Жуковскимъ
баллада Соушея: *Старушка*. — Вообще поэ-
ты Англійскіе ошличаются творческими
дарованіями и оригинальностію. Они, проло-
живъ новыя пуши въ царствѣ воображенія,
представили превосходныя произведенія въ
родѣ романшическомъ.

5. ЗАМѢЧАНІЕ О ЛИТЕРАТУРѢ СВѢ- РО-ЗАПАДНЫХЪ НАРОДОВЪ. (*)

Шведы, Датчане и Нидерландцы, при
попеченіяхъ своего Правительства, при дѣя-
тельной ревности къ изученію древнихъ и
новыхъ Литературъ, твердою спокою на

*) Обзоръ Литературъ Французской и Нѣмецкой
здѣсь не приводится потому, что онѣ ошдѣльно пре-
подаются въ каждомъ изъ нашихъ Учебныхъ Заведеній

пушяхъ излщной словесности идуть за другими народами.

Шеды имѣють весьма многихъ прозаиковъ и стихотворцевъ, хопя они и не могутъ сравниться съ первокласными писателями другихъ націй. — Языкъ Шведскій получилъ образованіе только въ исходѣ XVII вѣка. — *Георгъ Стіернхельмъ*, жившій при королевѣ Христианѣ, почитается опцемъ Шведской поэзіи. — Но правленіе королевы Луизы Ульрики и сына ея Густава III считается цвѣшущимъ временемъ по успѣхамъ въ Литературѣ.

Датчане прилагають особенное снраженіе о образованіи языка опечественнаго, кошорый принадлежитъ къ нарѣчіямъ языка Нѣмецкаго. — Къ древнѣйшимъ произведеніямъ Датчанъ относяся многія рыцарскія пѣсни, дошедшія опъ временъ Крестовыхъ походовъ. — Собственное же усовершенствованіе Датскаго языка началось въ XVII вѣкѣ. — Событіемъ многихъ писателей, науки словесныя и историческія доведены въ Даніи до значительнаго совершенства. — Первымъ Датскимъ литераторомъ считается *Гольбергъ*. — Впрочемъ въкоторыя изъ Датскихъ писателей въ сочиненіяхъ своихъ употребляютъ Нѣмецкій языкъ. — Правленіе Фридриха V и Хри-

спіана VII замѣчательно по распространенію образованія въ Даніи.

Нидерландцы, при тщательномъ изученіи изящныхъ произведеній древности и другихъ спранъ, весьма рано оказали важные успѣхи въ живописи, опшичающейя собственнымъ и самостоятельнымъ характеромъ.

6. Я з ы к ъ и Л и т е р а т у р а С л а в я н с к и х ъ н а р о д о в ъ .

Сѣверо-восточная часть Европы издревль обшпается народами, у которыхъ господствующіе языки Славянскаго происхожденія — Языки Славянскихъ племенъ, простирающіеся до сѣверныхъ предѣловъ Европы и Азіи и до сѣверо-западныхъ береговъ Америки, раздѣляются на двѣ главныя отрасли: *восточную* и *западную*. А) Языки *восточной* отрасли сущь:

1) Языкъ собственно *Славянскій*, или Языки *Восточной* отрасли *Славянскаго* языка, *Церковный*, на которомъ писаны всѣ переводы Св. Писанія и другихъ Богослужебныхъ книгъ съ Греческаго языка. Сверхъ того языкъ этотъ употреблялся и въ другихъ книгахъ, изданныхъ въ Россіи до Петра Великаго. Будучи исключень изъ свѣтской литературы, Славянскій языкъ остался въ Россіи языкомъ Религіи.

2.) *Русскій*, употребляемый во всей Россійской Имперіи главнымъ народомъ, *Россіянами*, и, со временъ Петра Великаго, содѣлавшійся языкомъ писаннымъ, книжнымъ, дѣловымъ и проч. Этошъ языкъ имѣетъ одно главное нарѣчіе *Великороссійское*, копорымъ весьма чисто говорятъ жители Московской и прилежащихъ къ ней губерній. Измѣненія эпюго нарѣчія суть: а) *Малороссійское*, происшедшее отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ юго-западной Россіи отличаеся произношеніемъ, многими выраженіями, грамматическими формами и оборотами; б) *Бѣлорусское*, употребительное въ Липовскихъ губерніяхъ и на Волыни. Изъ прочихъ обласныхъ нарѣчій, различествующихъ отъ главнаго или выговоромъ, или нѣкоторыми особенными словами, должно замѣтить: в) *Суздальское* имѣющее множество словъ, несвойственныхъ языку Славянскому; г) *Олонецкое* происшедшее отъ смѣшенія Русскихъ съ Финнами; е) *Новгородское*, отличающееся произношеніемъ нѣкоторыхъ буквъ и употребительное также въ Сибирскихъ губерніяхъ; ф) *Руснякское*, весьма древнее нарѣчіе Русняковъ, или Орозовъ, въ губерніяхъ Подольской и Волынской и часію въ Австрійской Галиціи.

3.) *Руссо-Иллирійское*, у Добровскаго *Ант-*

ское, племя, котораго главные языки суть:

а) *Славонскій*, или *Иллирійскій*, называемый также *Рутенскимъ*, у самыхъ южныхъ Славянъ, извѣстныхъ подъ родовымъ именемъ

Иллирианъ, въ нѣкопрыхъ обласяхъ им-

перій Австрійской и Турецкой, также въ

южной Россіи; смѣшанъ съ словами Турец-

кими, Нѣмецкими, Италіянскими и Венгер-

скими; б) *Сербскій*, употребляющійся въ

Сербіи, Кроаціи и въ Россійскихъ колоніяхъ

Екатеринославской и Херсонской губерній;

онъ имѣетъ нарѣчія: *Боснійское*, *Болгарское*,

Далматское, *Седмиградское*, *Черногорское*,

считающееся чистѣйшимъ Славянскимъ,

Славянское и проч. с) *Вендскій*, копо-

рымъ говорятъ жители Лузаціи; онъ есть

бѣдный изъ языковъ Славянскихъ и имѣетъ

взмѣненія: *Стирійское*, *Карніольское* и *Ка-*

ринтійское; d) *Краинскій* и е) *Кроат-*

скій, совершенно не обработанные и имѣю-

щіе множество словъ Нѣмецкихъ и Ита-

ліанскихъ.

В.) Языки западной опрасли суть:

1) *Чешскій* или *Богемскій*, коего нарѣ-

чія: а) *Богемское*, или собственный языкъ

Чеховъ, составляющихъ двѣ трети насе-

ля Богеміи; *Прагское* его нарѣчіе есть са-

мое чистое и составляетъ письменный языкъ;

Языки за-
падной оп-
расли Славян-
скаго языка.

б) *Словацкое*, раздѣляющееся на *Моравское*, *Силезское*, и *Хорватское*, весьма пріятное для слуха.

2) *Польскій*, языкъ царства Польскаго, Краковской области, Галиціи, нѣкошорыхъ областей, подвластныхъ Пруссіи, Польскихъ колонистовъ губерній: Херсонской, Саратовской, Иркутской и проч. Нарѣчія его: а) *Велико-Польское*, сославляющее языкъ писменный; б) *Мало-Польское*, въ Краковской области; в) *Польско-Силезское*, въ верхней Силезіи; д) *Кассубское* и е) *Мазурское*, испорченныя нарѣчія, въ В. Помераніи, Мазовіи, Подляхѣи и проч.

Вліяніе древне-классическихъ языковъ на главныя отрасли Славянскаго языка.

Должно замѣтить, что главныя отрасли Славянскаго языка были подвержены значительнымъ измѣненіямъ отъ языковъ древне-классическихъ. — Восточная отрасль отъ Греческаго языка, а западная отъ Латинскаго. — Это вліяніе произошло вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства Славянскими народами. — Но изъ числа языковъ восточной отрасли, *Русскій* болѣе сохранилъ свою оригинальность и менѣе прочихъ перемѣшанъ чужеземными словами. — Это могло произойти отъ того, что Русскіе, живя посреди другихъ Славянскихъ племенъ, съ прочими народами не имѣли непосредственнаго сношенія до совершеннаго образо-

ванія ихъ языка, Принятіе же Россіянами Греческаго Вѣроисповѣданія предостерегло ихъ языкъ отъ вліянія языка Латинскаго. Изъ западныхъ опраслей Славянскаго языка, *Богемскій* получиль великое измѣненіе отъ языка Нѣмецкаго, а Польскій потерялъ много оригинальности отъ частыхъ сношеній Подляковъ съ Германією и особливо съ Римомъ. При всемъ этомъ, языкъ Польскій обрабатывалъ лучше всѣхъ Славянскихъ языковъ, и имѣетъ богатую Литературу, хотя не столь разнообразную, какъ Литературы языковъ Римскихъ.

Когда классическое Латинское образованіе проникло въ Польшу отъ южныхъ католическихъ народовъ; тогда возникли въ ней науки и Поэзія; и XVI столѣтіе починается двинутиимъ временемъ Польской Литературы, къ распространенію которой, въ особенности, содѣйствовало скорое введеніе книгопечатанія. Впрочемъ первое образованіе въ Польшѣ началось еще со введенія Христіанства, и первыми памятниками учености Польской были латинскія на Латинскомъ языкѣ. Собственная же Литература Польская изобилуетъ историческими сочиненіями, повѣстями, сатирическими, элегическими и другими спихотвореніями, также опличными переводами древ-

Цвѣтущее состояніе Польской Литературы.

ЧАСТЬ IV.

нихъ и новѣйшихъ классическихъ твореній. Вообще Польша, постоянно слѣдовавшая за Европейскимъ просвѣщеніемъ, кромѣ многихъ примѣчательныхъ писателей, жившихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, имѣла извѣстнѣйшаго историка *Нарусцевска*, поэта *Нѣмцевска*, кришника *Графа Потоцкаго*, также олимпичнаго прованка и поэта Епископа Игнатія *Крѣмцкаго* и нѣкоторыхъ другихъ, твореніями своими обогатившихъ разныя отрасли познаній.

Состояніе
Богемской
Литерату-
ры.

При возрожденіи просвѣщенія на югѣ, въ XIV столѣтіи, на Богемскомъ языкѣ было мало замѣчательныхъ произведеній. Собственно же Богемская Литература начала возникать въ исходѣ XVI вѣка. Впрочемъ Богемцы показали болѣе успѣховъ въ наукахъ и особенно въ Исторіи.

Замѣчаніе о
Сербскомъ
языкѣ.

Сербскій, или *Сорабскій*, языкъ раздѣляется на древній, мертвый и имѣющій нѣсколько царвчій, и новѣй, представляющій замѣчательныя произведенія національной Поэзіи, и въ особенности пѣсни, о содержаніи которыхъ замѣчено въ началѣ Исторіи Литературы. Сербскій языкъ по увѣренію нѣкоторыхъ, самый пріятный, ожидаетъ только благопріятныхъ случаевъ для образованія и усовершенствованія своего

МНѢНІЯ О НАЗВАНІИ СЛАВЯНЪ.

Говоря о языкѣ и Литературѣ Славянъ, я не нахожу излишнимъ также привести мнѣнія нѣкоторыхъ писателей о самомъ имени Славянъ: должно ли его производить отъ слова, или отъ слава, и справедливо ли нѣкоторые пишутъ *Словене*, вмѣсто *Славяне*? Византійскіе (*) и другіе чужеземные писатели, упоминающіе о Славянахъ прежде Нестора, не могутъ намъ въ этомъ случаѣ быть руководителями. Они и писали

(*) О появленіи и дѣлѣхъ Славянъ, кромѣ *Прокопія*, Секретаря Велисаріева, писалъ также *Иорнандъ*, Епископъ Кремонскій, современный повѣствователь Готскихъ дѣлій. Многочисленный народъ Вендовъ, говоритъ онъ, начиная отъ исходяща Вислы и отъ Дакіи (нынешней Валахія) простирается далеко къ Северу, и раздѣляется на многія племена, между которыми значительнѣйшія суть *Славяне* и *Анты*. Сверхъ того Императоръ *Константинъ Порфирородный* (905—956), *Кедринъ* монахъ (1057), *Зонаръ* Спассъ-Секретарь и нѣкоторые другіе говорятъ о такихъ происшествіяхъ нашего отечества, которыя имѣли связь съ Византійскими. Изъ нихъ Константинъ порфирородный, современникъ Олега и Игоря, болѣе всѣхъ коснулся Россіи описаніемъ областей при Дунаѣ, Днѣпрѣ, Черномъ морѣ, Волгѣ и далѣе къ Востоку по Ураду. — Между прочими предметами повѣствуютъ о земледѣліи и торговлѣ Россіи.

и произносили неправильно; вмѣсто *Святославъ*—*Сфендославъ*, вмѣсто *Новгородъ*—*Немогардъ* и проч. А изъ подобныхъ наименований нельзя узнать: откуда они произошли? У Нестора вѣдѣ не находимъ производства Славянъ отъ *славы*; онъ пишетъ вездѣ *Словене*; какъ на прим. «отъ сихъ же семидесяти и дву языку бысть языкъ Словенскъ, отъ племенижъ Аветова нарицаемъ Норици, иже суть Словене.» Но имена Князей у него написаны другимъ образомъ, какъ бы въ доказательство, что словопроисхожденіе въ обоихъ случаяхъ не можетъ быть общимъ. *Святославъ*, *Изяславъ*, *Грмыслава* безъ сомнѣнія произведены отъ *славы*, и, вѣроятно, составлены въ то время, когда народъ Славянскій имѣлъ уже понятіе о *славѣ*, въ наслоящемъ его значеніи. А потому отъ наименованія *Словене*, вошедшаго въ употребленіе съ первымъ появленіемъ этого народа, до громкихъ именъ: *Святославъ*, *Ярославъ* и проч. прошло большое пространство времени. Въ народѣ, едва начинавшемъ понимать различіе между единоплеменниками и иноземцами, не могло тотчасъ родиться желаніе отличиться и прославить себя.

Мнѣніе Дубравинъ.

Извѣстный Богемскій историкъ Дубравинъ, жившій въ началѣ XVI вѣка, кажется,

первый началъ доказывать, что названіе Славянъ должно производиться отъ слова. Объ этомъ можно читать въ I томѣ Исторіи Славянск. нар. изданной въ 1764 году Сербскимъ писателемъ Ранчемъ.

Знаменистый нашъ исторіографъ въ I ^{Мнѣніе Ка-} томѣ ^{рамзина.} *Исторіи Государства Россійскаго*, на страницѣ 19 говоритъ, что имя Славянъ можно производить отъ славы. Попомъ, на стр. 276, въ примѣчаніи на это мѣсто, приводя различныя толкованія о наименованіи Славянскаго народа, не одобряетъ онъ ни одного изъ нихъ, и послѣ заключаетъ нерышимоствію, сказавъ, что «малѣйшій случай, малѣйшее обстоятельство, всеѣмъ неизвѣстное по Лѣтописямъ, рождаетъ иногда народное имя, котораго никакая историческая ученость изъяснить не можетъ.»

Г. Воспоковъ, извѣстный глубокими свѣ- ^{Мнѣніе Во-} дѣніями своими въ языкъ Славянскомъ, замѣчаетъ, что вѣрнѣе писать *Словенскій*, а не Славянскій. Въ подтвержденіе мнѣнія своего онъ приводитъ слѣдующее: «Греки, а за ними и другіе иностранцы употребляютъ а въ названіи Славянъ: *Склави, Склавики, Скалавацы* (см. Исторію Госуд. Рос. т. I примѣч. 42.); но сами Славяне называютъ себя *Словѣнами, Словинцами, Словаками*;

и я вѣрю болѣе имъ, нежели иноспранцамъ. Впрочемъ *слава* и *слово* происходятъ, по замѣчанію Добровскаго, отъ одного корня, отъ глагола *слыу*, *слыти*, (спар. *слову*, *слутти*, и, по общимъ законамъ словопроизводства, употреблено въ одномъ случаѣ *а*, въ другомъ *о*, въ третьемъ *у*, или *ы*, такъ какъ отъ глагола *плъу*, *плъти* производятся *плаваю*, *плъецъ* и проч. Окончаніе *славъ* въ именахъ собствѣнныхъ (Свято-славъ, Ярославъ и проч.) значило, по мнѣнію Добровскаго, *слыуущійся*, или *именуемый*, а не *славный*, или *славящійся*; подъ *Словѣнами* же, или *Словянами*—какъ большая часть ученыхъ согласно толкуютъ—разумѣлись люди *словесные*, коихъ рѣчь можно понимашъ, въ противоположность Нѣмцамъ.» Эпого же мнѣнія держашся Г. Сенковскій и Г. Полевой, авторъ Исторіи Русскаго народа.

Мнѣніе Каразина.

Г. Каразинъ, занимавшійся нѣкоторыми историческими изысканіями, помѣщенными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, излагая мысли свои въ подтвержденіе того мнѣнія, что названіе Славянъ должно производиться отъ *слова*, говоритъ: «Если Германцы и многіе другіе народы оплщали себя отъ прочихъ именованіемъ *человѣковъ* (*Ман-пен etc.*); то ничто не препятствуетъ думать, что праотцы наши, называвъ себя

первоначально по поколѣніямъ: Полянами, Древлѣнами и п. д. поніомъ въ противоположеніе *Нѣмцевъ*, или *Нѣмцевъ* — стали называться собирательно: *Словенами*; что имя сіе древнѣе не только Нестора, именуемыхъ имъ Князей, опъ славы получившихъ свои имена, но и самой славы, на языкъ *Словенскомъ*. Мы видимъ, что при Несторѣ уже сіе имя дѣлалось неупотребительнымъ, уступивъ мѣсто *Руси* и другимъ, которыми начали означать различныя Славянскія земли: пѣмъ не менѣе онъ еще называесть всѣхъ иноплемennыхъ *Нѣмцами*. «Югра же сущъ языкъ нѣмъ, и сосѣдѣтъ со Самодѣлю на полунощныхъ справахъ, иже рекоша отроку моему,» и проч. «Единъ же опъ Нѣмчичъ хощъ просунути рогатиною.» Выше рѣчь идетъ о Половцахъ. Повынъ даже жилиши многихъ нашихъ губерній подъ именемъ Нѣмца разумѣюшъ иносранца вообще. Мысль, якобы сіе наименованіе произошло опъ Германскихъ Немцовъ, найдена неосновательною. И оно одно, безъ противоположеннаго ему имени *Словенинъ*, не могло явиться въ первоначальномъ языкѣ; ибо, допустивъ это, должно будетъ напоследокъ согласиться, что въ языкахъ (первоначальныхъ особливо) понятія о великомъ,

били музыку, сочиняли народныя и военныя пѣсни, до насъ впрочемъ не дошедшія, и по-тому предположишь должно, что у нихъ были Барды, подобные Бардамъ древнихъ Цельшовъ. Можешь бышь, пѣсни ихъ, какъ и пѣсни Оссіановы, отличались дикою оригинальностію; можешь бышь, находилась въ нихъ вѣрная картина нравовъ тогдашняго времени; но пощадишь ли время и драгоценнѣйшіе памятники? Всѣ они погребены вмѣстѣ съ развалинами ихъ кущей, и мнѣніе о существованіи ихъ спланившись одною только догадкою.

Судьба слова тѣсно соединена съ судьбою народа, и измѣненіе перваго есть необходимое слѣдствіе, происходящее изъ приключеній послѣдняго. — Быпописанія пропекшихъ временъ свидѣтельствуютъ,

найденны надписи, состоящія въ рунахъ, или письменахъ Готскихъ, — Впрочемъ эти руны были только у Балтійскихъ Славянъ, жившихъ съ Готами; но испорки не находятъ никакихъ слѣдовъ существованія писменъ Готскихъ у Новгородскихъ Славянъ. Названіе Руны производятъ отъ Саксонскаго, или древне-Готскаго слова: Рупе — таинственный, потому что ими написана была Библия, переведенная на Готскій языкъ Улфилою, который и былъ изобрѣшашелемъ Готскихъ буквъ, около 370 года. — Кромѣ языческихъ куировъ, Руны находимы были также и на гробницахъ.

сколько различных переменъ претерпѣли Славянскіе народы со дня своего существованія! Переселенія ихъ опѣе воспока къ западу, и опѣе сѣвера къ югу, раздѣленіе на разныя племена, новыя войны и новыя связи съ народами болѣе, или менѣе, просвѣщенными—все это имѣло великое вліяніе на измѣненіе ихъ языка. — Нытъ сомнѣнія, что Славяне въ древнѣйшія времена говорили однимъ *общимъ языкомъ*, который состоялъ изъ одного только нарѣчія; потомъ уже раздѣлился на два: *восточное* и *западное* (Славянское и Аншское), которые, въ послѣдствіи, пустили опѣе себя многія отрасли. (*)

(*) *Добровскій* полагаетъ отличительными признаками діалектовъ восточнаго и западнаго различное употребленіе шрехъ словъ: 1) восточные Славяне нивють предлогъ *раз*, на прим. раздѣлишь, разный и пр. вмѣсто коего западные употребляютъ *роз*: rozdzielić, rozpu, и проч. 2) У восточныхъ Славянъ спавишся предлогъ *из*, гдѣ западные употребляютъ *въ*: изгнашь, выгнашь и пр. 3) Вмѣсто восточно-Славянскаго слова: *птица*, у западныхъ Славянъ употребительно *птака*. — Но Г. Востоковъ находитъ мнѣніе это не совсѣмъ удовлетворительнымъ потому, что и Русскіе, коихъ *Добровскій* причисляетъ къ восточному племени, нивють у себя также предлоги *роз* и *въ*, напр. розговѣнье, розно, порознь, выбрашь; также еспь у нихъ и слово *птака*. — Отличительное же свойство западныхъ языковъ, по замѣчанію Г. Востокова, состоитъ въ двухъ вспавкахъ: *ж*, на пр. rzecz— рѣчь,

Само собою разумѣется, что каждое нарѣчіе удержало при себѣ болѣе, или менѣе, словъ сего древняго языка, и что въ одномъ нарѣчій оспались такіе слова, которые въ другихъ мало по малу исчезли. Но были ли эпошъ древній языкъ Славянъ коренной, или составлялъ только нарѣчіе другаго? Въспомо удовлетворительнаго отвѣта на эпошъ вопросъ, мы слышимъ отъ нѣкоторыхъ поборниковъ Славянскаго языка одні похвалы знаменитой его древности, силѣ, богатству и усладительному благозвучію. Подобными возгласами уже не довольствуясь въ наше время, но на все пребудущъ доказательствъ основательныхъ, неоспоримыхъ. Нужно ли, на примѣръ, опровергать предположеніе Сприковскаго, который въ IV книгѣ своей Хронологіи, не шуя, увѣряетъ, будто Овидій, находясь въ заточеніи въ сѣранѣ Сарматской, жилище своей горести оглашалъ Славянскими стихами. Такое предположеніе онъ основываетъ на томъ,

dzien — день, zwierz — звѣрь; также d, на пр. Włódl — вель, sadlo — сѣло, mydlo — мыло и проч. — Русскому, подобно какъ и прочимъ восточнымъ діалектамъ, свойственна, напрошивъ того, вспавка л послѣ губныхъ буквъ б, п, в, м, на пр. земля, люблю, журавль, вмѣсто его западные говорятъ: ziemia, lubies, Zoraw и пр.

что Овидій во 2 письмѣ III книги *ex Ponto* говоритъ: *Nam didici Getice Sarmaticeque loqui*; и въ 13 письмѣ VI книги пишетъ: *Et Getico scripsi sermone libellum; structaque sunt nostris barbara verba modis*. Вѣроятно, что Сарматскій и Гетическій языки были два измѣненія, происходящія отъ одного корня; но были ли они два измѣненія языка Славянскаго — намъ совершенно неизвѣстно,

Языкѣ Славянскій, на которомъ имѣемъ переданныхъ книги Св. писанія, остался погребеннымъ въ письменныхъ памятникахъ, и, подобно древнимъ Греческому и Латинскому языкамъ, называется мертвымъ. Но гдѣ и у какаго народа былъ онъ живымъ языкомъ, о этомъ не находишь доспѣвательныхъ свѣдѣнй; ибо первобытныи народъ Славянскій, по извѣстнѣмъ писменъ, не передавъ намъ памятниковъ языка своего — древнѣе же писавши почти ничего не упоминаютъ о Славянахъ. Они смѣшиваютъ ихъ по съ Скинами, по съ Сарматами, а иногда разумеютъ подъ общимъ именемъ *Гиперборейцевъ*. Иродотъ, Спратонъ, Павзанъ, Каллимахъ, Аполлоній Родосскій, полагаютъ Гиперборейскій народъ подъ свѣтомъ, подъ сѣвернымъ вѣтромъ, за свѣтомъ, за берегомъ, отъ чего и названіе ихъ произошло. Вообще древнѣе были несогласны

въ мѣстѣхъ о мѣстѣ пребыванія Гипербореѣцевъ. Справонъ полагаетъ ихъ жилища близъ Чернаго моря, а Помпоній за Рифейскими горами, близъ Ледовитаго моря. Въ первыхъ столѣтіяхъ по Р. Х. Славяне оспаривались еще въ неизвѣстности. Только въ сочиненіяхъ Тацита, спаршаго Плинія и Птоломея мелькають нѣкоторыя извѣстія о Вендахъ, копорые обитали не далеко отъ устья Вислы, и были, повидимому, одного происхожденія съ Славянами. Въ V вѣкѣ начинающія историческія извѣстія о народахъ Славянскихъ, переданныя Византійскимъ историкомъ Прокопіемъ, копорому уже было извѣстно, что Славяне пропустили чрезъ свою землю Геруловъ, претерпѣвшихъ пораженіе отъ Лонгобардовъ. Тотъ же писатель упоминаетъ о демократическомъ правленіи Славянъ, объ ихъ религіи, о нѣкоторыхъ обрядахъ, о нравахъ и обычаяхъ, а языкъ ихъ называетъ варварскимъ. Да и какъ же Грекъ могъ назвать иначе? Другіе Византійскіе лѣтописцы этого времени сохранили также древніе памятники Славянскаго языка въ слѣдующихъ именахъ: *Мезамиръ*, *Келазастъ*, *Ардагастъ*, *Пирагастъ* и пр. Безъ сомнѣнія, имена эти переданы въ испорченномъ видѣ; но не лѣзя не примѣшивъ въ нихъ знакомыхъ намъ зву-

ковъ. (*) Въ VI и VII столѣтіяхъ Славяне являющіеся подъ настоящимъ своимъ именемъ; многочисленныя толпы ихъ разсѣялись на великомъ пространствѣ Европы, свирѣпствовали, покоряли и были покоряемы другими народами; но, по увѣренію нѣкоторыхъ писателей, долго говорили одинакимъ языкомъ. Вскорѣ, соединенные съ разными племенами Азіатскими, Славяне заселяющъ обширныя страны отъ Чернаго моря до Балтійскаго. Въ IX вѣкѣ уже образовались Государства Славянскія; имя Славянъ исчезло, и народы, происшедшіе отъ первобытнаго Славянскаго, получаютъ наименованія Сербовъ, Моравовъ, Поляковъ, Богемцевъ, Русскихъ и проч. Всѣ они находились въ различныхъ отношеніяхъ и имѣли особенныя правительства; одни изъ нихъ приняли крещеніе и догматы у Христіанъ западныхъ, другіе у восточныхъ. При такихъ сподъ важныхъ переворотахъ, естественно,

(*) Гиббонъ въ примѣчаніяхъ къ Гл. XL своей Истории говоритъ, что Императоръ Юстиніанъ, отецъ его Сабатіусъ и мать Вигиланція, родившись въ Дарданской области, или въ нынѣшней Бугаріи, не такъ назывались въ дикой своей родинѣ: имя сына было—*Управда*, отца—*Истокъ*, матери—*Бѣленица*. Сія, переданная намъ знаменимымъ историкомъ, имена должно также отнести къ останкамъ языка нашихъ предковъ.

что племена Славянскія, обитавшія на берегахъ Дуная, Днѣпра и въ Моравіи, и въ IX вѣкѣ сдѣлавшіяся осѣдлыми, не могли употреблять совершенно однообразнаго, первобытнаго языка своихъ предковъ, а говорили на разныхъ нарѣчіяхъ, несходныхъ между собою. Но всѣ Славянскія нарѣчія, о которыхъ упомянуто выше, при разсмотрѣніи Литературы Славянскихъ народовъ, произошли, по мнѣнію Г. Каченовскаго, отъ неизвѣстнаго намъ первобытнаго языка Славянскаго, которымъ говорилъ народъ прежде, нежели началъ онъ распространяться. — Вместе съ нѣмъ Г. Каченовскій, а за нимъ и Г. Полевой предполагаютъ, что и нашъ Церковный языкъ, которымъ въ IX вѣкѣ переведены Священныя книги въ Моравіи и Булгаріи, не есть коренной, общій языкъ Славянскій, но одно изъ нарѣчій нѣкаго племени, которыя произошли отъ первобытнаго народа Славянскаго, — Но какое жъ это было нарѣчіе? *Сербское*, думаетъ Добровскій, а мнѣніе его разделяетъ и Г. Каченовскій. — Авторъ *Истории Русскаго народа* замѣчаетъ, что и самое призваніе первыхъ проповѣдниковъ Христіанской Вѣры Кирилла и Меѳодія, положившихъ начало письменности Славянской, было не отъ *Славянъ*, а отъ *Моравовъ*.

При историческомъ обзорѣ хода язы- Періоды Рус-
ской Литте-
ратуры.
ка и направленія нашей Словесности мо-
жно принять три періода: 1-й опытъ изобрѣ-
щенія письменъ Славянскихъ простирается
до половины XV вѣка; 2-й періодъ до начала
XVIII вѣка; а 3-й заключаетъ въ себѣ произ-
веденія Русской Словесности до нашихъ вре-
менъ.

Къ началу перваго изъ этихъ періодовъ, Характеръ
каждаго пе-
ріода.
какъ вѣку *язычества*, принадлежатъ разска-
зы о бѣгахъ и богатыряхъ, пѣсни, нѣрѣче-
нія и пословицы, которыя изустно были
передаваемы. Со введенія же *Христіанства*
являются Проповѣди, поученія, бытописа-
нія и переводы многихъ духовныхъ книгъ съ
Греческаго языка на Славянскій. Большая
часть писателей того времени, почитая
прежній языкъ неприличнымъ для своихъ
произведеній, писали *Сербскимъ* нѣрѣчіемъ;
только не многіе изъ нихъ употребляли на-
родный Русскій языкъ. Вообще все, что съ
XI до XVI столѣтія у насъ произведено бы-
ло на тогдашнемъ Русскомъ языкѣ, состав-
ляетъ для насъ драгоценное наслѣдіе пря-
мой Русской Литературы. Сюда относятся
многія Лѣтописи, простонародныя пѣ-
сни, сказанія, основанныя на старинныхъ
событіяхъ. Самый размѣръ стиховъ есть
національный, въ которомъ не берется въ
часть IV. 8

разсужденіе ни стопы, ни количество гласных буквъ, ни созвучія, но извѣстное число, такъ называемыхъ, *риторическихъ* удареній, которыми главные слова въ рѣчи отличаются. Второй періодъ ознаменованъ *книгопечатаніемъ*; а по причинѣ вступленія Россіи въ сношенія съ западомъ Европы, является и въ произведеніяхъ Литературы влияние эпикъ важныхъ перемѣнъ. Начало третьяго періода отличается рожденіемъ собственной Литературы *гражданской*; послѣднее же время — появленіемъ народныхъ Русскихъ писателей. Должно замѣтить, что, въ продолженіе XVI, XVII и XVIII столѣтій, Литература наша шла совсѣмъ другимъ путемъ, нежели въ предшествовавшія пять столѣтій. Она увлечена была образцами чужеземныхъ Литературъ, и, стремясь къ достиженію совершенства по этимъ образцамъ, теряла всю свою прежнюю оригинальность. Это доставляло ей *ученость*, но отнимало лучшія краски мѣстности и народности. Одна только выгода произошла отъ подражанія, что, писатели наши, сравнивая отечественный языкъ съ иностранными, старались подводить его подъ основныя начала и утверждать его правила, чего прежде не было; отъ того онъ подвергался мно-

гимъ измѣненіямъ, смотря по времени и даже мѣсту.

Примѣчаніе. Раздѣленіе Исторіи Литературы на періоды принято здѣсь единственно для удобнѣйшаго обозрѣнія начала, постепеннаго усовершенствованія и причинъ, содѣйствовавшихъ успѣхамъ нашей Словесности, или замѣдлившихъ оныя. Но спро- го судя, такого раздѣленія у насъ быть не можетъ: оно имѣетъ мѣсто въ Литературѣ самостоятельной, выражающей рѣзкими чертами различныя направленія характера и образованности народа, происходящія отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, а еще болѣе отъ политическихъ переворотовъ, случившихся съ народомъ, отъ гражданскихъ его постановленій и образа жизни частной. Вообще въ Исторіи Словесности должны быть объяснены всѣ ошѣтки народнаго духа и характера: ибо онѣ напечатлѣваются и живутъ въ его твореніяхъ, дають имъ особенный видъ, изъясняютъ намъ ихъ недосѣтки и красоты. Между тѣмъ наша Литература, почти до XVII вѣка, являясь только въ трехъ формахъ языка: *церковнаго, гражданскаго и народнаго*, не представляетъ важныхъ измѣненій въ ихъ свойствахъ. Самое даже классическое образованіе, начавшееся у насъ въ XVII вѣкѣ, не дало Литер-

Можно ли
принять
строгое раз-
дѣленіе Ис-
торіи Рус-
ской Литпе-
ратуры на
періоды?

А

ратуръ нашей видимой самостоятельности.

Главныя из-
мѣненія Рус-
скаго языка.

Русскій языкъ въ разныя времена былъ подверженъ разнымъ измѣненіямъ. Съ пришествіемъ Варяговъ вошли въ него Норманскія слова; (*) съ принятіемъ Христіанской Вѣры, — слова Греческія съ извѣстнымъ числомъ Еврейскихъ, произносимыхъ по-Гречески. Первую изъ этихъ примѣсей можно назвать *Норманскою*, а вторую *Византійскою*. Третью примѣсь можно наименовать *Татарскою*; ибо, въ теченіе злощаснаго татарскаго періода, вошли въ общее употребленіе Турецкія, Монгольскія, Персидскія и Арабскія слова, произносимыя по-Татарски; *алтынъ*, *колпакъ*, *кушакъ*, *лошадь*, *кафтанъ*, *карманъ*, *сапогъ*, *башмакъ*, *шляпа* и пр. суть слова Татарскія. Четвертая примѣсь *Западная* начинается со времени гражданскаго преобразованія Россіи Петромъ Великимъ, когда языкъ нашъ напол-

(*) Въ Исторіи Русской Литературы Г. Греча, на стр. 289, приведены нѣкоторые Скандинавскія слова, оставшіяся въ Русскомъ языкѣ: Исландскія: *gōd*-радъ, *kōstr*-костеръ, *ketill*-кошелекъ, *áina*-саво, *sild*-сельдь, *gardr*-городъ, и пр. Датскія и Шведскія: *torg*-торгъ, *mied*-медъ, *mörke*-мракъ, *dal*-долина, *bösesmen*-безменъ, *dele*-дѣлишь, *tolke*-толковать, и пр. Финскія: *meri*-море, *sama*-самъ, *hamet*-хомутъ, *leipo*-хлѣбъ, *tavara*-товаръ и пр.

вился словами Голландскими, Лашинскими, Нѣмецкими, Англійскими, Французскими и Италіянскими, въ особенности по гражданской, военной и морской службѣ, по торговлѣ, наукамъ, художествамъ и ремесламъ. Наконецъ послѣдняя примѣсь состоишь изъ новыхъ значеній, сообщенныхъ старымъ Русскимъ словамъ, или изъ Русскихъ словъ, вновь образованныхъ подъ вліяніемъ Липсбургъ Лашинской, Французской, Нѣмецкой и Англійской, и эту примѣсь можно оплести именемъ *Литературной*. Къ нововведеннымъ словамъ должно отнести: *излищный, кислородъ, знаменитость, гражданственность, злорадство, шатость въ умахъ, мужествовать* и многія другія.

ПЕРІОДЪ I.

ГЛАВА I.

Памятники языческихъ временъ.

Многочисленный Славянскій народъ, населявшій великую часть Европы и оплчавшійся своими побѣдами, не могъ не имѣть,

еще во времена язычества, пѣснопѣвцевъ, прославлявшихъ его мужество. Слава опечесства воскреляетъ высокіе таланты людей, одаренныхъ отъ природы пламеннымъ воображеніемъ. Богатырь, оплывшійся храбростію и великодушіемъ, доставлялъ имъ важное лице для героическихъ пѣсней, изустно переходившихъ отъ рода въ родъ. — Правда, баснословіе Славянъ не было приведено въ систему, подобно мифологіи Греческой и Римской; но, предположишь должно, что и между ними находились люди, оживлявшіе цвѣтами поэзіи рассказы о происхожденіи и родословіи своихъ божествъ. Слѣды этой древнѣйшей поэзіи находясь въ хороводныхъ пѣсняхъ и старинныхъ рассказахъ о богахъ и богатыряхъ, также въ темныхъ испорченныхъ преданіяхъ, доселѣ въ простомъ народѣ сохранившихся, во множествѣ повѣрій, въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ и играхъ въ честь *Купалы*, *Коляды*, *Русалокъ*, и проч. Сверхъ того множество самыхъ странныхъ обыкновеній при свадьбахъ и, такъ называемыхъ, причипаній, произносимыхъ женщинами при поминовеніи усопшихъ, кажется, началомъ своимъ одолжены временамъ языческимъ.

Замѣчаніе о
Славянской
мифологіи.

Сожадѣть должно, что мы доселѣ не имѣемъ полного систематическаго изложе-

нія міеологіи Славянъ. Между шѣмъ всякая черта древности для насъ должна быть сколько любопытна, столько же и полезна. Описанія баснословныя, говорятъ Барпелемъ, лучшая пища въ Поэзіи, первый учитель въ художествѣ. Въ Исландской *Еддѣ* упоминается о сшепеніи, порядкѣ и происхожденіи сѣверныхъ божествъ. Изъ Исторіи же извѣстно, что народы, поселившіеся въ предѣлахъ Россіи, принесли съ собою различные обычаи и обряды, изъ коихъ наконецъ составилось общее богослуженіе Славяно-Руссовъ, во многомъ сходственное съ богослуженіемъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ ними жившихъ, и даже съ міеологіею Греческою. Боги Славянъ, какъ и у древнихъ Грековъ, раздѣлялись на высшихъ, земныхъ и преисподнихъ. *Красная Горка*, во время которой заклинаятъ весну, похожа на праздникъ Флоры. *Семикъ* имѣетъ сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи котораго Греки бросали въ море, или въ рѣку, вѣнки, цвѣты и древесные листья. *Коледа* происходитъ отъ *Calendae*, коихъ съ большимъ торжествомъ праздновались въ Римѣ въ послѣднихъ числахъ Декабря.

Замѣчательно, что въ Славянскомъ баснословіи одно и то же безество имѣло раз-

Бѣлбогъ и
Чернобогъ.

ныя наименованія; это могло произойти отъ того, что нѣкоторые боги принадлежали Славянамъ Померанскимъ, другіе заимствованы отъ Варяговъ, Цыпцовъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ. — Какъ Персы признавали Оромана и Аримана, такъ и у Славянъ явились *Бѣлбогъ* и *Чернобогъ*, безъ сомнѣнія, древнѣйшія ихъ божества, выражавшія понятіе о двойственности враждебныхъ началъ — добраго и злаго. Во время пиршествъ Славяне посвящали *Бѣлбогу* чашу съ напиткомъ и распивали ее одинъ за другимъ въ томъ мѣстѣ, что онъ защищать ихъ отъ *Чернобога*. — Есть преданіе, что у Вяздовъ въ нѣкоторомъ храмѣ испуканъ Чернобога былъ представленъ въ видѣ льва, сидящаго на заднихъ лапахъ, съ опвернутыми челюстями. Для укрощенія его, приносили были кровавыя жертвы. — Въ послѣдствіи Славяне, не удовольствовавшись этими двумя богами, создали другія божества, изъ которыхъ одни раздѣляли должности Бѣлбога, другія — Чернобога; но всема многія преданія о родословіи главныхъ божествъ исчезли вмѣстѣ съ Волхвами, или Жрецами.

Впрочемъ всѣ Славянскія божества были не что иное, какъ благошворныя, или грозныя естественныя дѣйствія, имѣющія влія-

ніе на челоуѣка. Херасковъ, въ своей Владиміріадѣ, такъ выражаешъ эту мысль:

«Въ чемъ Сѣверъ признавалъ священны божества;
«То были дѣйствія и свойства естества,
«Людскія слабости, сердце слѣпыя спраси.

Между высшими Славянскими богами, ко- Изчисленіе
Славянскихъ
божествъ.
торыя почитались находившимися внѣ земли, и только оказывали на нее свои дѣйствія, ошущительныя челоуѣку, упоминающіяся:
Перунъ — громъ, *Свѣтовидъ* — солнце, жиз-
ненная щеплопа, *Зничь* — эфиръ, начальный
огонь, *Дажбогъ* — благополучіе, *Ледъ* — война,
Коляда — миръ, *Мерцана* — заря, богиня
жизны, *Усладъ* — удовольствіе, *Леда* — кра-
соша и дѣши ея: *Леля* — любовь, *Полеля* —
бракъ, *Дидъ* — супружество. — Къ земнымъ
богамъ, которыхъ свойства ошвлечены ошъ
произведеній, служащихъ къ пользѣ, или
только къ удовольствію людей, ошносились:
Тригла — земля, *Волосъ* — покровитель спадъ,
Купало — земные плоды, *Родомыслъ* — богъ
мудрости и блюститель законовъ, *Съва* —
богиня плодовъ, *Чуръ* — божество межей,
границъ, *Проко* — божество прорѣканія, *Ра-
дегастъ* — богъ страннопріимства и горо-
довъ, *Позвиздъ* — богъ вѣтровъ и бурь,
Догода — эфиръ, *Зимцерла* — весна, *Зимерз-
ла* — зима, и пр. Прейсподнія божества,

изображавшія мщеніе и казнь, слѣдующія за беззаконіемъ и порокомъ, были: *Ній*, господствовавшій надъ спранами подземными, *Чернобогъ*, *Стрибогъ* — испребитель, *Яга-Баба* — волшебница, колдунья, *Кикимора* — богъ сна и пр. Къ воднымъ божествамъ принадлежали: *Царь морской*, *Чудо морское*, *Русалки*, *Водовики* и пр. Сверхъ того Славяне вѣрили существованію *Лѣшыхъ*, *Домовыхъ*, *Бѣсовъ* и разныхъ духовъ.

Преданія о
Перунѣ.

Не излишнимъ нахожу привести здѣсь замѣчательнѣйшія преданія о нѣкоторыхъ Славянскихъ главныхъ божествахъ. — Грозное божество Славянъ было *Перунъ*, которому воздавали особенныя почести въ Кіевѣ и Новѣгородѣ. — Исшуканъ *Перуна* составленъ былъ изъ разныхъ веществъ: туловище изъ дерева, голова изъ серебра, усы и уши изъ золота, а ноги изъ желѣза. — Идолъ въ рукѣ держалъ нѣчто похожее на молнію, которую представляли составленные вмѣстѣ рубины и Карбункулы. — Предъ кумиромъ пылалъ неугасаемый огонь. — Въ жертву ему закалывали животныхъ разнаго рода, и посвящали цѣлые лѣса и рощи, изъ коихъ похищеніе одной вѣтви почиталось достойнымъ смерти святошествомъ. — Великолѣпное капище Перуна было воздвигнуто, по повелѣнію Владиміра I, въ Кіевѣ,

надъ Боричевымъ попокомъ. — Другое капище, не менѣе великолѣпное, было сооружено въ Новгородѣ, Добрынею, дядею Владиміра I. — Вошъ отпрыжокъ изъ древняго, или только въ древнемъ вкусѣ сочиненнаго, гимна Перуну:

- « Боги велики; но спрашенъ Перунъ;
- « Ужасъ наводитъ пѣзела стопа;
- « Какъ онъ, въ предшесшій молній своихъ,
- « Мракомъ одѣянъ, вихрьми повишъ,
- « Грозныя пучи ведетъ за собой. —
- « Спустишъ на облакъ — огни изъ подъ пѣшъ;
- « Ризой махнешъ — побагровѣшъ швердъ;
- « Взглянешъ на землю — вспрепещешъ земля;
- « Взглянешъ на море — кошломъ заквѣшишъ;
- « Клоняшся горы былинкой предъ нимъ.
- « Спрашенъ! свой гнѣвъ ты онъ насъ отврати!

и пр.

Свѣтовидъ былъ у Славянъ въ великомъ почитаніи. Огромный испуканъ его дѣлалъ изъ дерева о чешырехъ лицахъ, обращенныхъ къ чешыремъ справамъ свѣша, и каждое лице означало чешыре времена года. — Первоначальный Свѣшовидъ изображался безъ бороды, съ распущенными кудрями по плечамъ, въ короткой Славянской одеждѣ; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ лукъ, а въ правой есталичскій рогъ. — При бедрѣ имѣлъ еще въ серебряныхъ ножнахъ; въ споронѣ

Преданіа о
Свѣшовидѣ.

висѣли сѣдло и конская сбруя. — Два извѣстныхъ капища Свѣшова были на островахъ Ругенъ, въ городѣ Ахронѣ, и въ Холмоградѣ, который полагается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь въ селѣ Бронницахъ построена на холмѣ церковь Св. Николая. — Славяне ежегодно, по окончаніи жатвы, въ мѣсяцъ *Серпень*, или Августъ, въ честь эшого идола отправляли празднества, состоявшія въ разныхъ поржесственныхъ обрадахъ и въ жертвоприношеніяхъ разнаго скоша и плодовъ. — Есть также преданіе, что Славяне Свѣшовиду, какъ богу защитнику своему на браняхъ, приносили въ жертву плѣнныхъ своихъ непріятелей. Жрецы увѣряли, что такая жертва ему особенно пріятна.

Преданія о
Коледѣ.

Празднества въ честь *Коледы*, юнаго, веселаго и благаго божества мира, отправлялись разными забавами, играми и плясками вокругъ Кумира, или около жилищъ. Праздники начинались въ концѣ мѣсяца *Студеня*, или съ 24 Декабря. Нынѣшнія гаданія деревенскихъ дѣвушекъ о Свѣшкахъ и особенно на канунъ 25 *Студеня* (Декабря), ведушъ начало отъ празднествъ *Коледы*. Въ этомъ вечерѣ дѣвушки и парни подходили къ окнамъ каждой избы и покупъ слы-

дующую пѣсню, которая, судя по слогу, кажется, можетъ почесаться древнею.

Виноградѣ красно почему спознать?

«Почему домъ Успина Малафеевича? (*)

«У его вотъ у двора всё шелкова шрава,

«У его-то у двора всё серебряной щинъ;

«Вороша у него дубовыя;

«Подворошенки рыба зубья.

«На дворъ у него да при перема:

«Въ первомъ перемѣ да свѣшелъ мѣсяцъ;

«Во второмъ перему красно солнышко;

«Въ третьемъ перему часты звѣзды

«Что свѣшелъ мѣсяцъ, то Успиновъ домъ;

«Что красно солнце, то Улиша его;

«Что часты звѣзды, малы дѣшунки и проч....

Яга-Баба, Славянская Беллона, Сивилла, Преданія о Ягѣ-Бабѣ.

волшебница, колдунья, играетъ первую роль въ Русскихъ народныхъ сказкахъ; и пошому-то всѣ наши сказочные рыцари, какъ-то: *дурачки Иванушки* и другіе безъ Яги-Бабы никакъ не обходились. Всѣ преданія о ней, иногда замысловатыя, иногда смѣшныя, а иногда совершенно глупыя, составлены воображеніемъ народа младенчествующаго. Любителямъ отечественной старины забавно читать описаніе Яги-Бабы; она была страшное и уродливое чудовище:

*) Въспомо эпикъ именъ, пригваупъ имена того хозяина и хозяйки, передъ чьими окнами колдуютъ.

« Ростомъ — древній дубъ высокій,
« Толщиной — огромна печь!
« Красота ее — грибъ спарый,
« Взоръ — всѣхъ хныкашь заставляя!
« Пѣшей сроду не ходила,
« А любила всё скакать!

Та же *Яга-Баба* жила иногда посреди густыхъ лѣсовъ въ избушкѣ на *курьихъ ножкахъ*, безпрестанно повертывающейся. Къ этой избушкѣ прихаживали всѣ спранныя рыцари, Русскіе Дон-Кихоты, и просили у *Яги* совѣта, помощи. Но только попъ изъ просителей былъ впускаемъ въ избушку, который произносилъ слѣдующія таинственныя слова :

« Избушка, избушка
« На курочьихъ ножкахъ!
« Спать къ лѣсу ты задомъ,
« Ко мнѣ передомъ!

Отъ могущественнаго эпитета словъ избушка ошанавливалась, и злая, старая колдунья съ грубостію восклицала :

« Фу, фу, фу, фу, фу, фу!
« Доселева Русскаго духу
« Не пахло нигдѣ!
« Фу, фу, фу, фу, фу, фу!
« Доселева Русскаго виду
« Не видѣла я! и пр....

По произнесении такихъ словъ, всѣ вопрошавшіе Ягу-Бабу получали опъ ней благопріятныя, или несчастныя отвѣты.

Въ другихъ картинахъ грубаго воображенія мы видимъ ту же Ягу-Бабу —

« Въ спупъ желѣзной,
« Съ тяжелымъ песномъ, (*)
« Мешущую слѣдъ
« Гуспымъ помеломъ.

Нѣкоторые изыскатели Русской старины полагаютъ, что Яга-Баба имѣла поклонниковъ не въ одной Европейской Россіи, но и въ Азій, откуда, вѣроятно, и Славяне заимали о ней свои повѣрья и разсказы; да и самое слово *Яга* не Славянское. Было время, когда разсказы о *Ягъ-Бабѣ* составляли предметъ Русской *Оперы*. Екатерина Великая написала также занимательную оперу: *Ахридгичъ*, гдѣ не маловажнымъ лицомъ является *Яга-Баба*. Весьма желательно, дабы наши сочинители волшебныхъ Оперъ воспользовались народными сказками: онѣ, бывъ оживлены музыкою Русскихъ пѣсень, могли бы представить имъ предметы, можетъ быть, занимательнѣйшіе всѣхъ

(*) Слово *песнь*, кажется, произошло опъ *пастъ* п. с. кулакъ, или тылесна, опъ этого произошло простое народное слово *тылиснутъ* — ударить кулакомъ.

Чортовыхъ замковъ, Робертовъ дьяволовъ и подобныхъ имъ пьесъ. Кто изъ насъ не восхищался прелестною сказкою А. С. Пушкина о Царь Салтанъ, о сынъ его славномъ могучемъ богатырѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной Царевнѣ Лебеди? Ошдѣленная отъ сора и нечистоты, и сохранившая полѣко свое золото, Русская сказка у него звучными стихами извивается по чудесной области народно-романтического.

Обожаніе
озеръ и рѣкъ.

Славяне, подобно Египтянамъ и древнимъ Грекамъ, приписывали нѣчто божественное рѣкамъ *Бугу* и *Дону*, также озерамъ *Ильменю* и *Студенцу*, на островъ Ругенъ. Имъ посвящались лѣса, распущіе по берегамъ; подъ смертною казнію запрещалось въ этихъ лѣсахъ ловить звѣрей а въ водѣ рыбу; однѣ только молодья дѣвушки, украшенные цвѣтами, черпали воду изъ обоготворенныхъ озеръ и рѣкъ съ большимъ благоговѣніемъ и глубокимъ молчаніемъ. Торжества на берегахъ рѣкъ обыкновенно отправлялись весною, когда воды, разрушивъ зимнія окопы свои, являлись изумленнымъ обожателямъ своимъ въ полномъ величіи. Еще и понынѣ слышимъ величанье Дону въ хороводной пѣснѣ:

«Ахъ! звали молодца,

«Позывали удалца

«На игрище поиграшь

«На Яриду посмопрешь!

«Ахъ! *Донъ* шы нашъ, *Донъ*,

«Сынъ *Ивановиъ* *Донъ*! и пр...

Къ памятникамъ баснословныхъ временъ Преданія о богатыряхъ.
должно опнеспи шѣ не многіе удѣлѣвшіе
опшрывки изъ старинныхъ рукописей и про-
спонародныхъ пѣсень, въ копорыхъ опи-
сывающся по богатырскіе подвиги слав-
выхъ Випязей временъ Великихъ Князей,
по разныя пошѣхи при *столованьи* княже-
скомъ, по любовныя похождения и другія
чашныя какія либо происшествія. — Со-
ображаясь съ сказаніями эшихъ опшрывковъ,
мы опчаспи 'узнаемъ о свойствахъ *могу-*
тихъ богатырей: «Не вихри, не въпры въ
«поляхъ подымающся, не буйныя крупащъ
«пыль черную: выѣзжаешъ по сильный, мо-
«гучій богатырь, на своемъ богатырскомъ ко-
«нѣ, съ однимъ полько своимъ слугой. Нанемъ
«на самомъ dospѣхи рашные, позлащенныя;
«на бедрѣ его висипъ мечъ кладенецъ; въ
«правой рукѣ копье булапное; на конѣ сбруа
«краснаго золоша; на рукѣ висипъ шелко-
«вая плешъ, шого ли шелка шемаханскаго...»

Замѣчашельно, что и у насъ въкъ ры-
царства замѣнялся въкомъ богатырей, ко-
порого быпность подпверждается сказанія-
часть IV.

ми Исторіи и предавіями изустными, сохранившимися въ сказкахъ. — Богатыри Русскіе сражались только копьями и мечами, а слуги вооружались стрѣлами. При поединкахъ богатырскихъ присутствовали сами Князья, Бояре и народъ. Звуки бубновъ и громъ роговъ ратныхъ возвѣщаль въездъ богатыря на ристалище; Князь окропалъ вышлязю чудотворною водою божественнаго *Буеа*, давалъ вышлязю златъ перстень съ правой руки своей, а Княгиня ширингу (ленту) шелковую, золотопшвейную. Цѣль богатырей была та же, какъ и рыцарей: защищать невинность и карать злыхъ преступителей, хотя неизвѣстно, чѣмъ богатыри Русскіе соспавляли особый Орденъ, были подчинены особымъ законамъ и носили гербы. Вообще богатыри почитались какъ существа, одаренныя высшими дарами неба.

Имена нѣкоторыхъ богатырей.

Древнѣйшій Славянскій полководецъ *Славенъ*, построившій городъ *Славенскъ*, почитался полубогомъ, подобно Греческимъ *Персею* и *Тезею*. Дѣти Славена: *Волхъ* съ братьями своими *Волховцемъ* и *Рудотокмъ* воевали съ народами, обитавшими по берегамъ рѣки Волхова, прежде именовавшейся Мупною рѣкою. *Волхъ* были у Славянъ по же, что у Грековъ *Гиганты*. Знаменитый *Буривой* воевалъ съ морскими разбойниками. Мудрый

Гостомысль, его сынъ, богатырь и законодатель. *Полканы* сходны съ Греческими *Кентаврами*. Ксю чистывалъ сказку о Бовѣ Королевичѣ; шопъ вѣрно имѣетъ понятіе о *Пол-конѣ*; или *Пол-канѣ*. Изъ другихъ Преданія о
Пол-конѣ. древнихъ сказокъ видно, что *Пол-конь* былъ умный, красивый, могучій богатырь и великій наѣздникъ, обращенный за чѣмъ-то, какимъ-то сильнымъ же колдуномъ въ лошадь съ прекрасною человѣческою головою. Опъ власни *Пол-коня* зависѣли всѣ *сивки*, *бурки* и *вешныя каурки*, являвшіяся по единому молодецкому посвиепу къ услугамъ нашихъ *Муромцевъ*, *Годеновичей* и проч. Вообще рассказы о Пол-коневыхъ *сивкахъ* и *буркахъ* забавны и въ своемъ родѣ оригинальны: удалые, добрые молодцы, собирались въ чужую дальнюю споронку, не заботились о выборѣ для себя коней ѣзжаныхъ, а прямо лепѣди въ широкое поле, свистя и приговаривая: «Сивка ты бурка» Вешня каурка» Спань предѣ мною» Какъ листъ предѣ справою!» И что жъ? на сей молодецкій позывъ, вдругъ ни ошкудова, ни ошсудова: «Ковъ бѣжишь» Земля дрожишь» «Дымъ валишь съ ушей его» Пламя пышетъ изъ ноздрей!» Вотъ какими конями начальствовалъ *Пол-конь*! Богатырь же совершенный долженъ быть такимъ удалцемъ, о

*

которомъ бы не возможно: «Ни въ сказочкѣ
разскажешь ни перушкомъ описать «ни въ
пѣсенкѣ пораспѣть;» онъ долженъ былъ
проскочить сквозь конскія уши—въ одно ухо
влезть, а въ другое вылезть; и при всемъ
томъ остаться невредимымъ. Въ слѣдую-
щемъ сказочномъ богатырскомъ повѣствованіи
находящіяся любопытное изображение
Славно-Русскаго богатыря:

«Начинается сказка

«Опъ сивка, опъ бурка,

«Опъ въща коурка,

«На чесъ и на славу

«Опецкому сыну,

«Удалому вишляю,

«Храброму рыцарю,

«Доброму молодцу,

«Чшо всякія силы

«Съчепъ, побиваетъ;

«Могучихъ и сильныхъ

«Съ коней вышибаетъ;

«А Бабу-Ягу

«На полаши бросаетъ;

«А смерда Кащея

«На привязи держишь;

«А змѣя Горынына

«Топчетъ ногами;

«А выдепъ ли молодецъ

«Въ чистое поле?

«Онъ свиснепъ, онъ гаркнепъ

«Свиспомъ богатырскимъ,

- « Крикомъ молодецкимъ :
- « Ты гой еси конь мой !
- « Ты сивка, шы бурка !
- « Ты спань предо мною ,
- « Какъ лисъ предъ правою !
- « На свистъ богатырской ,
- « На свистъ молодецкой
- « Опкуда ни возмешся
- « Конь сиво-бурой.
- « Гдѣ конь побѣжитъ ,
- « Тамъ земля задрожитъ :
- « А гдѣ конь полешитъ ,
- « Тамъ весь лѣсъ запумитъ.
- « У доброва молодца
- « Щипъ на груди ,
- « Подъ мышкою палица
- « Серебренная ,
- « А подъ лѣвою мечъ
- « Со жемчужиною.
- « Богатырская шапка ,
- « На шапкѣ соколъ.
- « За плечами колчанъ
- « Съ калеными стрѣлами.
- « Въ бою молодецъ
- « И биецъ и стрѣлецъ :
- « Не боится меча ,
- « Ни стрѣлы, ни коня.
- « Онъ ударитъ коня
- « По крупымъ по бедрамъ ,
- « Какъ по твердымъ горамъ.
- « Подымается конь
- « Выше темнова лѣсу

- « Къ густымъ облакамъ.
- « Онь и холмы и горы
- « Межъ ногъ пропускаешь!
- « Поля и дубравы
- « Хлоскомъ успылаешь;
- « Бѣжишь и лежишь
- « По землямъ по морямъ,
- « По далекимъ краямъ.
- « А каковъ добрый конь;
- « То шаковъ молодець:
- « Ни видашь, ни слышашь,
- « Ни перомъ описатьъ;
- « Только въ сказкѣ сказаешь! »

Примѣчаніе. Извѣстная простонародная сказка: *Бова Королевичъ* не есть собственно Русская, а Италіянская; въ *Гвидонѣ* чинашель узнаетъ извѣстнаго рыцаря Гвидо, въ *Бовѣ*—уроженца Бовиня, а въ *Антонѣ* Анкону и проч. Вообще должно замѣтить, что мы имѣемъ самыя недоспающныя, *темныя* понятія о старинныхъ нашихъ сказкахъ; разборъ же ихъ могъ бы принести важную пользу Русской Словесности. Будемъ надѣяться, что пламенное воображеніе нашихъ поэтовъ оживитъ *пштинескую* нашу древность. Г. Вельшманъ въ своемъ произведеніи: *Кашей* и Г. Ершовъ въ своей сказкѣ: *Конекъ Горбунокъ* уже положили весьма хорошее шому начало.

ГЛАВА II.

ИЗОБРЕТЕНІЕ ПИСЬМЕНЪ СЛАВЯНСКИХЪ И ДРЕВНѢЙШІЕ ПАМЯТНИКИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Важнѣйшая перемѣна въ Славянскомъ языкѣ произведена изобрѣшеніемъ письменъ. Исторія передаетъ намъ самыя обстоятельства этого событія. Греческій Императоръ Михаилъ III и Папріархъ Фотій, въ 863 году по Р. Х. отправили къ Моравскимъ Славянамъ благовѣстителями слова Божія двухъ братьевъ философа Кирилла (въ крещеніи Константина) и Меѳодія. Оба они весьма хорошо знали Славянскій языкъ и были уроженцы изъ *Солуня*, Фессалійскаго города; о чемъ упоминается при описаніи житія ихъ въ Чешьѣ-Минен и въ Неспоровой лѣтописи. Они изобрѣли Славянскую азбуку, составивъ ее изъ буквъ Греческихъ и присоединивъ къ нимъ изображенія звуковъ, свойственныхъ языку Славянскому. Попомъ занялись переложеніемъ съ Греческаго языка нѣхъ церковныхъ книгъ, которыя донинѣ употребляются Славянами православнаго восточнаго исповѣданія. При переводѣ Богослужбныхъ книгъ для Морав-

скихъ и Булгарскихъ Славянъ, Св. мужи Кириллъ и Меѳодій употребили *древній Сербскій* (*) языкъ. Знаменистый Богемскій писатель Добровскій, полагая различіе между древнимъ Сербскимъ неспорченнымъ (*Serbica antiqua incorrupta*) и нынѣшнимъ Сербскимъ испорченнымъ (*Serbica hodierna corrupta*), приводитъ неоспоримыя доказательства сходства первого съ Русскимъ церковнымъ языкомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ Руссизмовъ. Гдѣ же просвѣщеніи Славянъ, рожденные и воспитанные въ Солунѣ, могли изучить чуждое имъ Сербское нарѣчіе? Эпошъ вопросъ такъ изъясняетъ Шлецеръ: «Во времена Римлянъ, Солунъ былъ главнымъ городомъ Македоніи; еще и теперь онъ

(*) Г. Полевой въ одномъ разсужденіи своемъ, о древнемъ языкѣ Словенскомъ дѣлаетъ предположеніе, что Св. Кирилъ и Меѳодій, при переводѣ Библии, «держались, впрямую, древняго Сербскаго; но перекладывали собственныя на какое, а составили новый, неслыханный до того времени языкъ церковный. Это доказываетъ образъ перевода, который производили они самымъ простымъ способомъ; такіе переводы называются нынѣ *подстроичными*; для каждого слова Греческаго они приписывали Словенское, стараясь поставить его въ помянутое падѣжъ, въ родѣ, склоненіи и времени, какъ находили въ оригиналѣ; если не знали чѣмъ замѣнить; то выдумывали новое слово, или прямо становили Греческое безъ перевода.

«есть знаменитый торговый городъ, и конечно былъ такимъ же и въ 9 столѣтіи; ибо положеніе его весьма тому благопріятствуетъ. Торговля могла тамъ ввести въ употребленіе многіе языки; Булгары были не далеко, и городъ Солунъ точно имѣлъ съ ними сношеніе. И такъ легко понять, какимъ образомъ тамошній ученый могъ узнать языкъ Славянской.» Г. Каченовскій въ замѣчательномъ разсужденіи своемъ о *Славянскомъ и въ особенности церковномъ языкѣ*, указавъ на приведенное здѣсь изъясненіе Шлецера, приводитъ слѣдующее важное обстоятельство: «Еще при Императорѣ Иракліи, Сербамъ дано было мѣсто въ Θεσσαλονικησικой области для жительства, и что хотя большая часть ихъ перешла къ Дунаю и поселилась въ нынѣшней Сербіи; многіе однакожь тамъ остались; ибо опъ нихъ получилъ названіе свое городъ Сервица.» Другое обстоятельство, приводимое Г. Каченовскимъ, также даетъ поводъ ко многимъ догадкамъ.: «Греческій Императоръ Василій, называемый Македоняниномъ и родившійся въ 813 году близъ Солуня, былъ природный Славянинъ. При немъ перелагаемы были книги на Славянской языкъ; при немъ же и Сербія получи-

«ла присланныхъ изъ Константинагорода на-
«спавниковъ Греко-восточнаго исповѣданія.»

Договоры.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ языка
того времени относящяся *договоры Олега* съ
Греческими Императорами Львомъ и Алек-
сандромъ въ 912 и Великаго Князя *Игоря*
съ Императорами Романомъ и Константи-
номъ въ 945 году. — Впрочемъ эти догово-
ры собственно не могутъ принадлежать
Русской Литературѣ; ибо они писаны лѣ-
тописцемъ Несторомъ не по изустному пре-
данію, а переведены съ Греческаго языка, (*)
что доказывается сочиненіемъ словъ, обо-
родами, лѣтосчисленіемъ Греческимъ и сче-
томъ пени Греческою монетою.

Рѣчи В. К.
Свяшослава.

Передаанныя лѣтописцемъ Несторомъ рѣ-
чи Великаго Князя Свяшослава къ воинству
составляютъ драгоцѣнный памятникъ древ-
няго Русскаго краснорѣчія. Въ этихъ рѣ-
чахъ видна вся душа Владыки Героя, и
проявляется духъ давно минувшаго времени.
Свяшославъ, окруженный многочисленнымъ
воинствомъ непріятельскимъ, и желая во-
одушевить своихъ воиновъ, говоритъ: «уже
«намъ не камо ся дѣти; волею и неволею

(*) Самые слова лѣтописца свидѣтельствуютъ, что до-
говоры писаны Греками: «Романъ же опредѣли Васъ-
«можъ, велѣтъ съ Русскими Послы совѣтовати и паче-
«сами обонхъ рѣчи на Харшю» и проч.

«спаси прошиву; да не посрамямъ земли
«Русскія, но ляжемъ косъми шу; мершвые
«бо срама не имушъ. Аще ли погибнемъ,
«срамъ имамъ. Не имамъ бѣжаши, но спа-
«шемъ крѣпко; азъ же предъ вами пойду.
«Аще моя голова ляжетъ, то промышлай-
«те о себѣ.» Малочисленная дружина, вос-
пламенная возвышенными чувствованіями
Орашора-Полководца, воскликнула: «Идѣ же
«глава шволя; шу и свои главы сложимъ.»
Вообще рѣчи Святослава, свидѣтельствую о
первоначальныхъ опытахъ древняго нашего
краснорѣчія, тѣсно соединяюся съ воспо-
минаніями о славѣ нашихъ предковъ.

Между древнѣйшими, доселѣ извѣстны-
ми, рукописями, по части церковнославян-
скаго языка, есть *Евангеліе*, писанное въ
1056 году въ Новѣгородѣ діакonomъ Григорі-
емъ для Посадника Ошпромира; списокъ этой
драгоцѣнной рукописи находится въ Импе-
раторской Публичной Библіотекѣ. Вообще
мы не имѣемъ рукописей ранѣе XI вѣка. Отъ
этого времени сохранились: *надпись Тму-*
тороканскаго камня 1068 года и два *Сборни-*
ка, одинъ 1073 года, найденный въ Воскре-
сенскомъ монастырѣ, а другой 1076 года,
принадлежавшій Князю Щербашову, и нынѣ
находящійся въ Эрмитажной Библіотекѣ.

Примѣчаніе. Г. Воспоковъ, сличавшій пра-

Рукописи
XI вѣка.

вописаніе Остромирова Евангелія съ другими ошпашками древней Русской письменности, заключаешь, что «Правописаніе означеннаго Евангелія принадлежишь не *XI* вѣку и не *Русскимъ* Славянамъ, а что оно есть правописаніе того еще самаго языка, на который переложены были лѣтъ за 200 передъ тѣмъ въ Моравіи, или, по мнѣнію другихъ, въ Болгаріи, церковныя книги. Языкъ сей могъ и чрезъ 200 лѣтъ не потерпѣть еще большихъ перемѣнъ ошъ самовольства переписчиковъ, въ спискѣ Евангелія; особливо ежели Григорію діакону досталось списывать съ шретьяго только, или съ четвертаго списка, по слѣ подлинной рукописи Кирилла. И сіе могло бытъ, предположивъ, что подлинная рукопись хранилась у Болгаръ, и что съ нея снятъ списокъ для В. Кн. Владиміра I, и привезенъ въ Кіевъ, а съ сего списка сдѣланъ другой для Новгородской Софійской церкви, съ котораго уже писалъ Григорій діаконъ для Остромира.»

Рукописи
XII вѣка.

Къ памятникамъ письменности XII вѣка относящся два Евангелія: первое, писанное на пергаментѣ *Алексою* для Новгородскаго Князя Мстислава Владиміровича 1125 года, а второе Харашейное Евангеліе, писанное въ 1144 году, хранящееся въ Московской Сино-

дальной Библиотекѣ. Какъ въ эпихъ, такъ и другихъ спискахъ Священныхъ книгъ разныхъ вѣковъ примѣчающіяся нѣкоторыя перемѣны, сдѣланныя учеными переписчиками.

Нѣкоторые къ древнимъ нашимъ законамъ относящъ *Уставъ В. Князя Владимира о церковныхъ судахъ*, по коему дѣла, касающіяся церквей, богадѣльни и другія чело-<sup>Уставъ В. К. Влади-
ра.</sup>вѣколюбивыя заведенія поручены разбирательству Епископовъ, независимо отъ мірскаго вѣдомства; но эпихъ уставъ почивающійся подложнымъ по многимъ анахронизмамъ въ званіяхъ и слогахъ, и, вѣроятно, есть произведеніе позднѣйшаго времени.

Законы подъ названіемъ *Русской Правды*<sup>Русская
Правда.</sup> хотя и не принадлежащъ къ собственнѣйшей Липерапурѣ, но драгоценны, какъ древнѣйшій памятникъ Русскаго законодательства и господствовавшаго въ то время дѣловаго слога. Изъ какихъ источниковъ почерпнута *Русская Правда*, о томъ существующъ различныя мнѣнія. Эверсъ называетъ ее спискомъ съ какого либо Германскаго Уложенія, а Шлецеръ—съ Скандинавскаго. Но нынѣ уже доказано, что въ *Русской Правдѣ* ничего нѣтъ Скандинавскаго; а основаніемъ ея могли служить законы, писанные для Славянъ Германскихъ и Балтійскихъ; ими пользовались и Гошы, обитавшіе съ Сла-

вянами. Изъ Исторіи извѣстно, что Готы присоединены къ Швеціи не ранѣе 1160 года; какимъ же образомъ законы, полученные Скандинавами отъ Готовъ въ XII вѣкѣ, могли бытъ сообщены Новгородцамъ въ XI столѣтіи? А попому, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ крѣпиковъ, должно предположить, что сославъ Русской Правды принадлежатъ разнымъ временамъ и разнымъ Посадникамъ Новгородскимъ; и, вѣроятно, при торговыхъ сношеніяхъ съ Ганзейскими городами, она заимствована была изъ законовъ Салическихъ, Рипуарскихъ и Англоваряжскихъ, служившихъ основаніемъ законодательству среднихъ временъ. Поэтому-то *Русская Правда* имѣетъ столько сходства не только съ сѣверными и Германскими, но даже и съ учрежденіями южныхъ народовъ.

Грамота В.
К. Мстислава Вла-
диміровича.

Къ древнѣйшимъ Грамотамъ или дипломамъ относится писанная на пергаментѣ въ 1262 году *Грамота Великаго Князя Мстислава Владиміровича* и сына его Новгородскаго Удѣльнаго Князя Всеволода Мстиславича.

Примѣчаніе. Разсматривая съ надлежащею критикою древніе памятники нашей письменности, не должно терять изъ виду:
1) вещество, на которомъ сочиненіе писа-

но; 2) мѣсто, гдѣ писано сочиненіе; 3) варѣчіе, употребленное авторомъ; и 4) почеркъ буквъ. Книги и Грамоты XI, XII и XIII столѣтій писаны на пергаментѣ и на хлопчатой бумагѣ, а съ XIV вѣка на тонкой холстинной. Почеркъ буквъ въ церковныхъ и гражданскихъ памяшникахъ дѣлился на *уставный*, *полууставный* и *скоростный*; всѣ старинныя наши пергаментныя книги XI, XII и XIII столѣтій писаны почеркомъ уставнымъ, состоящимъ изъ главныхъ буквъ; въ XIV вѣкѣ начали употреблять полууставный, состоящій болѣе изъ округлыхъ буквъ; а скоростный почеркъ вошелъ въ употребленіе изъ Польши въ XV столѣтіи.

ГЛАВА III.

О ПЕРЕВОДАХЪ КНИГЪ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

Между древнѣйшими памяшниками нашей Словесности важнѣйшее мѣсто занимаютъ переложенія Священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Заветѣа и другихъ церковно - служебныхъ книгъ, которыя начали переводить съ Грече-

скаго языка въ IX вѣкѣ (*) и копорыя донынѣ употребляющіеся Славянами православнаго восточнаго исповѣданія, обитавшими въ Босніи, Сербіи, Венгріи, Булгаріи, Польшѣ и Россіи. Съ переводами Богослужебныхъ книгъ произошли у насъ два языка: церковный, или книжный языкъ и *Русскій*. Главными образователями книжнаго языка и переводчиками Богослужебныхъ книгъ были духовныя особы, выходцы изъ Моравіи и Греціи, происхожденія же болышею частію Славянскаго. Они же поучали народъ истинамъ Религіи и нравственности. Эти ученые, стараясь сохранить въ переводахъ возможную точность, удержали словосочиненіе подлинника, составили, по свойству Греческихъ, многія слова, копорыхъ прежде не могло бытъ въ языкѣ необработанномъ и копорыя были необходимы для выраженія новыхъ понятій. Но переводы съ Греческаго языка, послуживъ къ обогащенію и образованію Славянскаго языка, въ то же время причинили въ немъ важный переворотъ,

(*) Карамзинъ говоритъ согласно съ Несторомъ, что Библия переведена еще трудами Кирилла и Мефодія. Вотъ слова Нестора: «симъ бо первая предложены книги (т. е. Библия) въ Моравѣ, аже прозвася грамота Словенская, еже грамота естъ въ Руси.

запимивъ коренныя его основанія. Карамзинъ такъ описываетъ о первыхъ переводчикахъ духовныхъ нашихъ книгъ: «Они образовали «Славянскій языкъ совершенно по Греческому, наставили вездѣ предлоговъ, распластали, соединили многія слова, и сею, такъ сказать, химическою операціею измѣнили первобытную чистоту древняго Славянскаго.»

Вѣроятно, что многіе изъ оборотовъ и выраженій церковнаго языка были дики Россіянамъ того времени; но, слыша безпрестанно Эпосъ языкъ при Богослуженіи, они мало по малу привыкли къ особеннымъ его свойствамъ. Книжный языкъ имѣлъ большее вліяніе и на тогдашній народный языкъ; но до какой степени коренной языкъ Славянскій измѣнился Греческимъ, по неизмѣнно древнѣйшихъ памятниковъ, опредѣлить не можно.

ГЛАВА IV.

О Несторѣ и прочихъ лѣтописцахъ.

Несторъ, монахъ Кіево-Печерской Лавры, написалъ первую Русскую лѣтопись, подъ
часть IV.

названіемъ: *Повѣсть временныхъ лѣтъ* (около 1100 года), дошедшую до насъ во многихъ спискахъ, и продолжавшуюся отъ древнѣйшихъ временъ до его кончины до 1111 года. Несторъ многое описываетъ какъ современникъ и очевидецъ; другія же извѣстія частію бралъ изъ Византійскихъ писателей, частію изъ современныхъ преданій. Краткость, ясность и правдоподобіе суть опличительные признаки его повѣствованій; и историки почерпаютъ нынѣ всѣ свои познанія о политическомъ состояніи древнихъ Россіянъ изъ лѣтописи Несторовой. Слогъ повѣствованій Нестора похожъ на Библейскій: дѣйствующія лица говорятъ у него сами, какъ и въ книгахъ Ветхаго Завета. Характеръ героя Великаго Князя Святослава, между прочимъ, сильно изображенъ въ сихъ словахъ: « Не посраимъ земли Русскія, ляжемъ кошмъ ту; мертвыи бо срама не вмуштъ. Станемъ крѣпко азъ же предъ вами.»

Тапищевъ и Болшинъ полагаютъ, что, почти за сто лѣтъ, до Нестора писалъ будто бы *Іоакимъ*, Епископъ Новгородскій, Русскую лѣтопись, съ которою Несторова во многомъ совершенно не согласна. — Шлёцеръ, издатель Нестора, отвергаетъ эту Іоакимову лѣтопись. — Еслибъ она дѣй-

спвишительно существовала до времени Несторовыхъ, но удивительно, что сей послѣдній ничега объ ней не упоминаетъ, и повѣствуетъ извѣстные дѣянія прошивно Іоакиму. — Припомъ же, учась по-Гречески у Ефрема, ученика Іоакимова, (Тапищ. Ч. 2. стр. 105) вѣрно слышалъ бы отъ него объ этой лѣтописи. — А пошому, если и были лѣтописцы древнѣе Нестора, то конечно не *Іоакимъ*, первый епископъ Новгородскій, для котораго легче было бы писать по-Гречески, нежели по-Славянски, пошому что онъ былъ родомъ Корсунянинъ. — Опрывокъ, изданный Тапищевымъ подъ его именемъ, кромѣ басенъ, содержишь въ себѣ мало историческихъ подробностей, заслуживающихъ вѣроуіе. — Но къ сожалѣнію, Іоакимовская лѣтопись много повредила Російской Исторіи; и самъ Карамзинъ назвалъ ее запѣйливою, но неудачною шулкою Тапищева.

Ипакъ нельзя ушвердительно сказать: Преимущество Славянъ предъ сѣверными народами въ успѣхахъ Словесности. были ли какія нибудь историческія записки до Нестора, писанныя на опечесшвенномъ языкѣ. — Но Славяне, предъ всѣми сѣверными народами Европы тогдашнихъ временъ, имѣли и то уже преимущество, что у нихъ книги Священнаго писанія были переведены на собешвенный ихъ языкъ. — Какой Евро-

пейскій народъ (*) можетъ похвалиться, чѣмъ лѣтописи его и законы были писаны на томъ языкѣ, которымъ онъ тогда говорилъ. — Одинъ Русскіе имѣютъ Ярослава и Нестора, котораго лѣтопись, составляя сокровище для нашей Исторіи, есть также драгоценный памятникъ [†]натию древней Словесности. — И если представишь себѣ мракъ невѣжества и варварства, покрывавшій Европу въ XI вѣкѣ; то и эти слабыя усилія и успѣхи въ Словесности должны казаться важными.

Изчисленіе
продолжате-
лей Нестора.

Подъ именемъ Несторовой лѣтописи заключаются и продолжавшіе ее: — *Василій*, монахъ, или священникъ, жившій въ концѣ XI столѣтія; *Силвестръ*, епископъ Переяславскій, 1156; *Іоаннъ*, священникъ Новгородскій и Суздальскій епископъ *Симонъ*, сконч. въ 1226 г. Сей послѣдній извѣстенъ также своимъ къ монаху Поликарпу Посланіемъ, въ которомъ содержатся краткія сказанія о восьми Печерянахъ Кіевскихъ. — *Поликарпъ*, ученикъ эшого Симона, около 1228 г. написалъ подобныя же сказанія о

(*) Шлегель утверждаетъ, что до XIII вѣка, почти на всемъ пространствѣ Европы, кромѣ Византіи, не было ни одного акша, ни одной лѣтописи на языкѣ природномъ, исключая Несторовой и его продолжателей.

тринадцати иныхъ Печерянахъ. — Эти писанія вошли въ составъ Паширика Кіевопечерскаго. — Сверхъ того есть еще многія частныя лѣтописи, имѣющія названіе свое отъ монастырей, въ которыхъ онѣ были писаны. — Эти лѣтописи продолжаются до половины XVII вѣка. Но справедливоспъ требуетъ сказать, что ни одинъ изъ сихъ продолжателей Нестора не сравняется съ нимъ въ достоинствѣ. — Въ Несторѣ хотѣя что нибудь найдемъ о нравахъ и духѣ тѣхъ опдаленныхъ вѣковъ, въ которыхъ случились произшествія, имъ повѣсываемыя. Особливо любопытно для насъ краткое описаніе полудикихъ народовъ, жившихъ въ Россіи, служащее введеніемъ въ его лѣтопись. Хотя оно и не такъ краснорѣчиво написано, какъ Тацитово изображеніе нравовъ древнихъ Германцевъ; но, въ отношеніи историческомъ, имѣетъ свое достоинство. Продолжатели же Нестора только говорятъ о междоусобныхъ войнахъ, не имѣвшихъ ни какихъ послѣдствій, и о маловажныхъ произшествіяхъ, не принадлежащихъ къ Исторіи; а ни слова не упоминаютъ о нравахъ и мѣнѣяхъ своего вѣка.

Превосходство Нестора предъ продолжавшими его лѣтописи.

ГЛАВА V.

О Пѣсни Игоревой и старинныхъ повѣстяхъ.

Догадки о
существова-
ннхъ древнѣй-
шаго Славян-
скаго пѣвца
Бояна.

Славяне, славившіеся воинскими подви-
гами, издревль, по свидѣтельству Византій-
скихъ историковъ, отличались склонностію
къ пѣнію и особеннымъ пристрастіемъ къ
игрѣ на гусляхъ. У нихъ были вѣкогда
свои гусляры, или пѣснопѣвцы, пользовав-
шіеся отличнымъ уваженіемъ народа: ибо,
воспѣвая опечаленныя дѣянія, они возбу-
ждали духъ мужества, и управляли общимъ
мнѣніемъ соплеменниковъ. — Въ самомъ Сло-
вѣ о полку Игоревомъ на Половцовъ упоми-
нается о древнемъ *Славянскомъ пѣвцѣ Бо-
янѣ* и о *Коганѣ, пѣснотворцѣ стараго вре-
мени Ярославля Ольгова*.

Нѣкоторые знатоки нашихъ древностей
полагаютъ, что *Боянъ* (*) жилъ до приня-
тія въ Россіи Христіанской вѣры, утвер-
ждался на томъ, что онъ названъ внукомъ
Велеса, языческаго бога Славянъ. Но симъ
именемъ *Боянъ* могъ быть названъ спихо-
творно, также какъ вѣпры названы внука-

(*) По мнѣнію Г. Полеваго, *Боянъ* жилъ во времена сла-
ваго Олега Черниговскаго, а *Коганъ* при Ярославѣ.

ми Сприбожа. И въ самой Пѣсни о по-
ходѣ Игоревомъ ясно, кажется, сказано, что
Боянъ жилъ при Князѣ Всеславѣ, когда уже
язычество было истреблено въ Россіи; о-
собливо изъ сего нравоучительнаго Боянова
изреченія, «какъ бы кто житъ, какъ бы кто
чужденъ ни былъ, хотя бы птицей леталъ;
«ко суда Божія не минетъ» - видно, что
онъ былъ не только извѣстникъ, но Христіа-
нинъ, и еще исполненнымъ страха Божія. —
До насъ дошло одно имя Бояна, — вопо-
ро-го извѣсть Игоря превозносимъ сими слова-
ми: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хочите
«пѣнь творити, то растекаешься мыслию
«по древу, стъришь волны по земли, ши-
«зышь орломъ подъ облаки;» — и въ другомъ
еще мѣстѣ: — «Боянъ же, братіе, не де-
«сятъ соколовъ на стадо лебедей пугае, но
«свои вѣщія переть на живыхъ струнахъ скла-
«даютъ, они же сами Княземъ славу роко-
«таху.» — Можеть быть, онъ и дослѣдствъ
былъ эпическѣ похвалъ; но не надобно заклю-
чать, чтобъ Боянъ былъ творецъ какой
нибудь Эпической поэмы. — Въ Пѣсни Иго-
ревой приведены два его изреченія, но ко-
торымъ справедливѣе мѣждо судить, что
онъ писалъ прозою, и сдѣлался столь сла-
венъ, можеть быть, подобными изреченіями,
или притчами, которыми говаривалъ. Худо

головѣ безъ плечъ, худо плечамъ безъ головы.» —

Слово о полку Игоревѣ.

Но одинъ изъ драгоценнѣйшихъ оспашковъ нашей поэзіи есть: «Слово о полку Игоревѣ, Игоря сына Святъ-славля, внука Ольгова.» — Происшествіе, повѣствуемое въ немъ, случилось въ 1185 году; и самое Слово, думать надобно, написано въ то же время, или по крайней мѣрѣ вскорѣ. — Сочинитель его не извѣстенъ; но, кажется, долженъ быть не монахъ, хотя въ среднихъ вѣкахъ Словесность заключена была въ однихъ Греческихъ монастыряхъ. — Монахъ не дозволялъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя.

Какимъ языкомъ оно писано.

Слово о полку Игоревѣ найдено и издано въ 1800 году стараніями одного изъ опличныхъ любителей древности Графа А. И. Мусинъ-Пушкина; а въ 1805 году въ 4-й частіи сочиненій и переводовъ Россійской Академіи вновь оппечато и дополнено вновь объясненіями и примѣчаніями. — Слогъ сего творенія заслуживаетъ особенное вниманіе, и, можетъ быть, онъ заставилъ думать многихъ, что Слово о полку Игоревѣ есть подложное. — Дѣйствительно, если сравнивать его съ Библейскими писаніями, то увидимъ великую разность. — Въ немъ пѣшь

ни одного реченія, составленнаго по образцу Греческаго (напр. *человѣколюбіе, милосердіе*); очень мало выраженій и оборотовъ, приличныхъ слогу Библейскому, кромѣ *двойственнаго числа*, встрѣчающагося только въ двухъ мѣстахъ, и, вѣроятно, вкраившагося такимъ же образомъ, какъ и въ Русскія новѣйшія книги Галлицизмы и Германизмы; наконецъ находишся множество словъ, которыхъ нѣтъ въ Библии. — А поному заключить должно, что *Слово о полку Игоревѣ* писано самымъ *древнимъ престолярнымъ* языкомъ, который гораздо труднѣе понимать находящагося въ нашей Библии, такъ что, со всѣмъ знаніемъ и трудолюбіемъ издатель, оспалась въ немъ еще мѣста шемвыя, а нѣкоторыя слова и совсѣмъ не извѣстны. Не смотря на то, языкъ этотъ, кажется, гораздо ближе къ нынѣшнему, нежели тотъ, которыми переведены наши Церковныя книги; отъ сего послѣдняго онъ весьма отличенъ. Не забавляешь ли это догадываться, что такимъ языкомъ, какой находится въ Библии, и въ самой глубокой древности никогда не говорили въ Россіи, а онъ былъ особый книжный, или ученый языкъ? —

Въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, имѣющемъ предметомъ войну съ Половцами, нѣтъ и слѣдовъ подражанія какой нибудь поэзіи. —

Отличительныя черты Слова о полку Игоревѣ.

Картины, украшенія языка, описаніе битвъ, духъ полководцевъ и вѣнцовъ, народный характеръ, — все чисто Русское. — А по тому, какъ небольшая эпическая поэма, такъ и другія произведенія, появившіяся съ XI до XVI вѣка на русскомъ, по тогдашнему времени, Русскомъ языкѣ, составляютъ для насъ драгоценное наследство прямой Русской Литературы. — Слово о полку Игоревѣ хотя и писано прозою, но отличается силою выраженій, красотами языка живописнаго и сильными уподобленіями, свойственными стихотворству юныхъ народовъ. — Не надобно разбирать его по правиламъ Аристотеля, Горациа, или Бомарте. — Это не есть правдивая Эпическая поэма, а не заключаетъ въ себѣ ни какихъ чудесныхъ вымысловъ. — Также должно имѣть происхожденіе къ духу того вѣка, въ которомъ оно написано. — Сочинитель его конечно былъ человекъ не ученый; но ученикъ природы, съ которой картины свои онъ описывалъ вѣрно и удачно. — Но дабы нѣкоторое имѣть понятіе о вкусѣ и поэтическомъ языкѣ нашихъ предковъ, выпишемъ нѣсколько выраженій изъ разсматриваемаго нами Слова. — Всеволодъ, братъ Игоря, героя поэмы, такъ изображаетъ своихъ мужественныхъ воякъ: «Они подъ звукомъ трубъ повиты, подъ

«*шелома възлѣляны, концемъ копья вскор-*
«*млены; луки у нихъ натянуты; колчаны*
«*отворены; посятся въ полъ жакъ волки съ-*
«*рые и проч.*

Вотъ истинный языкъ поэзіи! — Нашъ стихотворецъ любитъ сравненія и аллегоріи; но онъ вездѣ крашки, правильны, и матеріалы для нихъ всѣ опіечастивенныя. — Бояна называетъ *солодѣмъ* опараго времени; Русскіе Квиззя сравниваются съ молодымъ *мѣсяцемъ*, появленіемъ своимъ разливающимъ радость, или съ *соколомъ* — какъ пивцей, уважаемой по своей рѣдкости и силѣ во всемъ сѣверѣ; а подъ именемъ *ворюговъ* означаются Половцы. — Только въ одномъ мѣстѣ сравниваетъ онъ Половцовъ со спадомъ леопардовъ. — Вообще слогъ фигурный и истинно стихотворный. — Часпо вспрынаются и одушевленія, но предметовъ существенныхъ, а не опіелеченныхъ. Нельзя не замѣтить слѣдующей фигуры по ея смѣлости и красотѣ; «*Вѣтры Стрибога*» «*въ вѣуки, вѣютъ съ моря, стнѣлами на*» «*храбрыя полки Игоревы.*» — Въ описаніи страшнѣйшей битвы употреблены выраженія: «*Земля облита кровію, устѣяна костями; въ*» «*третій день пали наши знамена; кроваваго*» «*вина не достало; кончили тиръ свой хра-*» «*брыя Россіяне, напоили гостей, и легли за*

«отечество.» — Вообще дарованіе стихотворца нашего особенно является въ описаніяхъ. Сраженіе Русскихъ съ Половцами достойно сравненія съ пѣмъ, кои встрѣчаются у Омира и Оссіана. Сочинившій молилъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: «Ты можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ вытерпать шлемами.» Между страшными описаніями есть также описанія нѣжныя. — Супруга Игоря, услышавъ о взятіи въ плѣнъ его, оплакиваетъ свое злополучіе, сравнивая себя съ оставленной горлицей, кошорая по упрямъ воркуетъ. Потомъ въ жалобахъ своихъ обращается она къ вѣтру, солнцу и къ Днѣпру, и обращенія сіи довольно прегательны.

О древнихъ
простопа-
родныхъ
Сказкахъ.

Слѣды древняго Стихотворства сохранились также въ простыхъ народныхъ Пѣсняхъ и Сказкахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей о могучихъ богатыряхъ изданы въ 1804 году въ Москвѣ подъ именемъ древнихъ Русскихъ стихотвореній. Многія изъ старинныхъ нашихъ Пѣсенъ имѣютъ содѣржаніемъ прославленіе пировъ Князя Владимира и начинаются симъ припѣвомъ: —

«Во сщодномъ городѣ во Кіевѣ,

«У ласкова сударь Князя Владимира и проч.

По Исторіи извѣстно, что въ Кіевѣ былъ не одинъ Великій Князь, называвшійся симъ именемъ, но упоминаемый здѣсь долженъ быть Великій Князь Владиміръ. Извѣстно также, что царствованіе его есть самая блестящая эпоха въ древней Русской Исторіи. Преданіе говоритъ, что Велико-Княжескій его Дворъ былъ блистательный въ свое время, и почти тоже для могучихъ Русскихъ богатырей, что Дворъ Карла Великаго во Франціи, или Артура въ Англіи для рыцарей круглаго стола. Всѣ грубые народы смѣшивающъ эпохи въ стихотворныхъ своихъ преданіяхъ: у нихъ герои, опредѣленные другъ отъ друга цѣлыми вѣками, живутъ въ одно время и при какомънибудь славномъ государѣ, чтобы придашь шѣмъ болѣе блеска его царствованію. Къ числу романтическихъ лицъ въ Исторіи, каковы суть Артуръ и Карлъ Великій, принадлежатъ и нашъ древній Владиміръ. При немъ то жили эти чудо-богатыри: *Дунай Ивановичъ*, славный *Илья Муромецъ*, герой многихъ нашихъ простонародныхъ сказокъ, *Добрыня Никитичъ*, *Алеша Поповичъ*, *Рохдай удалой*, *Пересвѣтъ*, *Соловей разбойникъ* и другіе выпязи на древнюю статью, которые выпивали однимъ разомъ вина въ полшара ведра и меда по два съ половиной; носили

мѣдныя палицы въ шри спа пудъ, или пу-
скали стрѣлы въ семь чешвершей, и ко-
щорыхъ иногда колопили по буйной головѣ
палицами въ двѣнадцать пудъ, а они и съ
мѣста не шевелились. Вопрь изъ какихъ чу-
даковъ соспомятъ Дворъ ласковаго Князя Вла-
диміра; но изъ нихъ *Добрыня Никитичъ*,
дядя его, и *Илья Муромецъ*, суть два ли-
ца, упоминаемыя въ Исторіи; всѣ же про-
чія лица вымышленныя, какъ и имена бо-
гатырей *Полкана*, *Королевича Бовы* и
пр. (*).

Предполо-
женіе совреме-
ни, въ кото-
рое писаны
древнія на-
родныя пѣс-
ни.

Нѣкошорыя древнія народныя пѣсни,
вѣроятно, сочинены еще во время владыче-
ства Татпаръ, и имѣютъ содержаніемъ воспо-
минаніе о благословенныхъ временахъ Влади-
міра Великаго. Карамзинъ говоритъ: «Во-
«*ображеніе, унывая подъ игомъ невѣрныхъ,*
«*любило ободряться воспоминаніемъ прошед-*
«*шей славы отечества.*» Но время, около

(*) Впрочемъ *Бова Королевичъ* сказка не-Русская; она пе-
решла къ намъ изъ Италіи. Вообще должно замѣ-
тить, что всѣ присвоенныя Русскими старинныя
сказки съ именами *Королевичей* не-Русскія, а, боль-
шею частію, или Польскія, или другія какія либо ино-
странныя; напротивъ того сказки съ именами *Ца-
ревичей* гораздо ближе могутъ почестъся нашими ко-
ренными, ежели только имена дѣйствующихъ не Та-
тарскія, или не Монгольскія, каковы на прим. *Идани*,
или *Идіани*, *Архидій*, или *Ахрим-бей* и проч.

котораго писаны другія древнія стихотворенія, можно опредѣлить съ довольною точностію. Судя по языку, въ коемъ встрѣчаются уже иностранныя слова, взятые изъ новыхъ Европейскихъ языковъ, по способу сложенію, образу выраженій и духу сочинителя, между ними нѣтъ промежутка, такъ что едва ли всѣ не однимъ перомъ писаны. Самое же позднее историческое лице, въ нихъ упоминаемое, есть Гришка Отрепьевъ, котораго смерть, повѣствуемая въ одной изъ эпическихъ пѣсенъ, послѣдовала въ 1606 году. Слѣдственно, онѣ должны быть писаны нѣсколько спустя послѣ сего происшествія. Впрочемъ онѣ имѣютъ свое достоинство, какъ по народности своей, такъ и по чувствамъ нѣжности и простодушію. Содержаніе многихъ пѣсенъ печальное; эпитетъ духъ унынія, можетъ быть, былъ плодомъ порабощенія Россіи Татарами.

Кто бы ни былъ сочинитель эпическихъ сказокъ; но онъ долженъ быть безъ всякихъ познаній, особливо въ древней Исторіи своего отечества. Сочиненія его служатъ примѣромъ, сколь далеко можешь заблудиться воображеніе, не управляемое очищеннымъ вкусомъ и здравымъ разсудкомъ. Въ одной изъ сказокъ, *Каликъ, царь золотой орды* посылаетъ

Замѣчаніе о недостаткахъ и достоинствахъ Сказокъ.

Татарина къ Князю Владиміру съ требованіемъ о сдачѣ Кіева :

« А мѣрою Татаринъ прехъ сажень ,
« Голова на Татаринъ пивной кошель ,
« Который кошель сорока ведеръ ,
« Промежъ плечами коса сажень . »

Къ счастію Владиміра, на полѣ разѣ пріѣхалъ въ Кіевъ Илья Муромецъ. Ухвативъ за ноги посла Калинова, онъ началъ, вмѣсто дубины, бить имъ Татаре; отъ чего голова оторвалась, и съ размаху перебила до смерти всѣхъ, которые не успѣли разбѣжаться. Подобными вымыслами наполнена большая часть этихъ сказокъ. Впрочемъ эпосъ Готическій вкусъ въ Словесности господствовалъ не въ одной Россіи; но у насъ онъ испребился всѣхъ позже. Но при всѣхъ недостаткахъ, древнія наши стихотворенія заслуживаютъ вниманіе по сложенію своему, опличающемуся большимъ разнообразіемъ. Вѣрно сочинитель ихъ никогда не слыхивалъ о Хоряхъ, Дактіяхъ, Ямбахъ, и при всемъ томъ, у него многіе стихи выходятъ самые правильные, и даже музыкальные. Размѣръ древнихъ нашихъ стихотвореній есть *національный*, въ которомъ не берется въ разсужденіе ни число гласныхъ буквъ, ни число слоговъ, но

только счесть главных ударений надъ нѣ-
копорыми словами.

ГЛАВА VI.

РЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ, ПИСАННЫХЪ ДО
ІЯ ТАТАРЪ И ВО ВРЕМЕНА ВЛАДЫЧЕ-
СТВА ИХЪ ВЪ РОССІИ.

кій Князь *Владиміръ Всеволодовичъ* Поученіе
Мономаха.
ихъ, скончавшійся въ 1125 году и,
анію лѣтописцевъ, славный побѣда-
Русскую землю и благими нравами,
дежишь къ числу писателей, оста-
къ намъ памятники своего образа мы-
слю чувствованій — въ *Поученіи къ своимъ*
мъ. Этошь остатокъ древности со-
лся въ одной харащейной лѣтописи.
сего завѣщанія столь умно писанна-
говоришь Карамзинъ «мы не знали бы
і прекрасной души — Владимира, кото-
і не сокрушилъ чуждыхъ государствъ,
былъ защиткою, славою и утѣшеніемъ
істиннаго, и никшо изъ древнихъ Кня-
і Россійскихъ, не имѣешь болѣе права на
обовъ попомсхва.»

Сочиненія
Кирилла.

Кириллъ, епископъ Туровскій, принадлежишь къ опшичнымъ духовнымъ писателямъ XII вѣка. Онъ особенно извѣстенъ краснорѣчивыми своими духовными поученіями, копорыми приобрьлъ имя *второго Златоуста*, и копорыя даже были изданы въ свѣтъ подъ именемъ сего знаменитаго Греческаго проповѣдника. Изъ прочихъ сочиненій Кирилла дошли до насъ житія Св. Опець, припчи и правоучительныя Посланія.

Творенія
Кириана.

Кирианъ митрополишь Кіевскій, скончавшійся въ 1406 году, мужъ знаменитый въ исторіи Церкви, былъ возстановителемъ упадшаго въ Россіи просвѣщенія. Онъ занимался сочиненіемъ *Посланий* поучительныхъ и Житія Св. митрополища Петра, также собираніемъ узаконеній и судныхъ дѣлъ Русскихъ. Онъ перевелъ съ Греческаго *Служебникъ*, *Разныя книги* и *Молитвы*. Но мнѣніе, будто имъ (или при немъ) составлены, такъ называемыя, *Степенныя книги*, въ наши времена признано несправедливымъ.

Переводныя
повѣсти.

Кромѣ многихъ церковныхъ книгъ, въ это же время мы имѣли отъ Грековъ лѣтописи и разныя историческія, нравственныя, баснословныя повѣсти, на примѣръ: *о храбрости Александра Македонскаго*, переводъ Арріана, — *о витязяхъ древности*, — о бо-

гастствахъ *Индіи*, — о *Синагрипъ*, *Царь Адо-
ровъ* и проч. Последняя изъ эпихъ повѣстей
есть Арабская, вѣроятно въ XIII, или въ
XIV вѣкѣ переведенная на Русской съ Гре-
ческаго.

Между погдашними произведеніями соб-
спивенной нашей Словесности, достопамят-
ны дошедшія до насъ ошъ исхода XV вѣка
два описанія знаменитой *Куликовой битвы*;
одно дѣйствительное историческое, находя-
щееся въ Росповской лѣтописи, а другое
напечатанное съ разными ошмѣнами въ Кіев-
скомъ Синописѣ и Никоновой лѣтописи. —
Сіе послѣднее, по большей части, басно-
словное, сочинено Рязанскимъ іереемъ *Со-
фроніемъ* подъ пшпуломъ: *Повѣсть о наше-
ствіи безбожнаго Царя Мамая съ безчислен-
ными Агаряны*, и многими чертами напо-
минаетъ Слово о полку Игоревѣ, хотя и
менѣе стихотворно. Сему же Софронію при-
писываютъ *Похвальное слово Великому Кня-
зю Дмитрію Іоанновичу*, отличающееся си-
лою и вѣжностью. Въ немъ встрѣчаются
слѣдующія замѣчательныя выраженія: *Зем-
ля Руская воскипѣла славою, Князь увѣт-
ливъ съ боярами, и могъ назваться окомъ
слѣпымъ, ногою хромыхъ, трубою спящихъ
въ опасности* и проч. Карамзинъ въ V томѣ
своей Исторіи приводитъ изъ сего Слѣва

Описанія
Куликовой
битвы.

Похвальное
слово Дми-
трию.

нѣкоторыя мѣста, называя ихъ лучшими памятниками краснорѣчія XV вѣка.

Пословицы. Сверхъ церковнаго наставленія и мудрыхъ изрѣченій Св. Писанія, которыя оспавались въ памяти людей, Россія имѣла особенную систему нравоученія въ своихъ *народныхъ пословицахъ*. Многія изъ нихъ, безъ сомнѣнія, относятся къ этому времени; на примѣръ: *едѣ Царь, тамъ и Орда, или такали, такали Новгородцы, да и протакали*. Собственно Русскія пословицы, кромѣ своей формы, отличающіяся особенною игрою ума и фантазій, рѣзкимъ выраженіемъ климата, духа вѣры, правленія, нравовъ и обычаевъ, принадлежащихъ одному только Русскому, или Славянскому народу.

Успія о образованіи языка.

Въ послѣдней половинѣ XIV столѣтія, Русскій языкъ начинаетъ приобрѣтати болѣе чистоты и правильности, и примѣтнѣе отдѣляться отъ Церковно-Славянскаго; и какъ сей послѣдній около этого времени переходитъ изъ древняго своего періода въ средній, такъ точно и Русскій языкъ принимаетъ отличный отъ прежняго видъ: изъ *древняго Русскаго*, на которомъ писаны Правда Ярославова, Поученіе Мономахово и Слово о полку Игоревѣ, образуется *средній Русскій языкъ* Судебника и Уложенія, уступившій въ послѣдствіи мѣсто новѣйшему Русскому

языку XVIII столѣтія. Хотя писатели того времени держались Грамматики церковныхъ книгъ, или древняго Сербскаго, котораго памятникъ есть наша Библія, и коему слѣдовали они не только въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ, но и въ выговорѣ, или въ изображеніи словъ; однако, подобно лѣтописцу Нестору, спихались иногда и на употребленіе: опъ чего въ словѣ нашемъ закоренѣла петропа, освященная древностію, такъ, что и нынѣ въ одной книгѣ, на одной страницѣ пишутъ *злато* и *золото*, *гладъ* и *голодъ*, *младость* и *молодость*, *пю* и *пью*. Еще не время было для Россіянъ дать языку ту силу, гибкость и пріятность, которыя соединяющіяся съ усиліями разума въ мирномъ благоденствіи обществъ, съ богатствомъ мыслей и знаній, съ образованіемъ вкуса; по крайней мѣрѣ, видимъ, что предки наши трудились надъ яснѣйшимъ выраженіемъ мыслей своихъ, смягчали грубые звуки словъ, наблюдали въ ихъ печеніи какую то плавность.

исходникъ
неблизко

ПЕРІОДЪ II.

(ОТЪ 1462 ГОДА ДО XVII ВѢКА.)

ГЛАВА VII.

О началѣ книгопечатанія въ Россіи.

Ученость какъ во всей Европѣ, такъ и въ Россіи, по введеніи Христіанской вѣры, была удѣломъ духовнаго сана. — Въ шиши-нѣ только монастырей благочестивыя иноки, славословя Бога, неусыпно передавали дѣянія предковъ, хранили и изучали оспашки умственныхъ произведеній, уцѣлѣвшихъ отъ всеобщаго испребленія. Тогда не помышляли еще объ открытыхъ училищахъ. Впрочемъ естъ преданіе, что въ исходѣ XI вѣка, Анна Всеволодовна, внука Ярославова и сестра Владиміра Мономаха, основала въ Кіевѣ училище для воспитанія дѣвицъ. Опложивъ всѣ почести сана своего, уклонясь изъ Княжескихъ шеремовъ, она сама учила и воспитывала молодыхъ Россіянокъ для счастья семейственнаго и для добродѣтелей. — Сии воспитанницы внуки Ярославовой занимались также словеснымъ учені-

емъ и свободными искусстваами. — Еще видно изъ лѣтописей, что въ концѣ XII вѣка учреждена была въ Смоленскѣ школа, въ которой хранилась *тысяча Греческихъ книгъ*. Между тѣмъ *книгопечатаніе* введено было въ Россіи не прежде 1553 года, ш. е. чрезъ спольшъ по изобрѣшеніи его. — Первая же Славянская печать за долго до того появилась въ Краковѣ, Сербіи, въ Вильнѣ, Прагѣ и Венеціи. — Царь Іоаннъ Васильевичъ IV, на спогдавномъ Московскомъ Соборѣ (1551 г.) жаловался на неисправность, съ каковою пишущіе разныя книги духовнаго содержанія, и въ 1553 году, а по мнѣнію Сопикова, въ 1564 году, повелѣлъ учредить въ Москвѣ Типографію. — Заведеніе это шло весьма медленно. — Первая напечатанная книга была *Апостолъ* въ 1556 году. Она напечатана спараніемъ *Іоанна Ѳедорова*, діакона Московскаго Голспунскаго Собора и *Петра Мстиславцева*, подъ смотрѣніемъ *Ганса*, Копенгагенскаго уроженца; но имѣла многія ошибки, прошивъ правописанія. Изъ знаковь препиванія только употреблены почка и запяная, часто не у мѣста. Но Московскіе типографщики, бывъ оклеветаны въ волшебствѣ и ереси, удалились къ Гешману Ходкевичу, гдѣ впорымъ изданіемъ въ 1573 году напечатанъ *Апостолъ*. — Послѣ, по

предложенію Оспрожскаго князя Константина Константиновича, они напечапали въ 1580 году *Новый Заветъ*, а въ 1581 году всю *Библію* въ Типографіи, заведенной въ Оспрогѣ. Для изданія этой Библіи употребленъ переводъ Славянской Библіи при Владимірѣ, и присланный къ князю Оспрожскому Іоанномъ Василіевичемъ Грознымъ. Пошомъ въ Московской уже типографіи напечатаны съ 1577 года *Октоихъ*, *Патерикъ*, *Псалтирь*, *Минея общая* и другія церковныя книги. — Хотя въ смутныя времена при Лже-Димитріи претерпѣлъ разореніе и типографскій домъ въ Москвѣ, но печатаніе продолжалось непрерывно. — По повелѣнію Царя Михаила Федоровича, ошвсюду собираемы были исправнѣйшіе списки церковныхъ книгъ и были напечатаны. — При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ книгопечатаніе доведено было до возможной степени совершенства, и всѣ рукописныя книги по церквамъ замѣнены были печатными. —

ГЛАВА VIII.

О вліянні Польскаго языка на Русскій, и о
первыхъ изданныхъ Славянскихъ Граммати-
кахъ.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ Поляки и Бо-
гемцы, при цвѣтущемъ у нихъ состояніи на-
укъ и Словесности, имѣли уже хорошія Грам-
матики и Словари. Но наше опечаленное
варваріе опсало ошъ другихъ Славянскихъ въ
образованіи. — Раздѣленіе Россіи на удѣлы, иго
Монголовъ, самое вліяніе ученыхъ, родившихся
и получившихъ образованіе въ Кіевѣ и Бѣло-
руссіи, все это полагало преграду къ развитію
и усовершенствованію языка Русскаго. — Вла-
дычество же Поляковъ въ югозападной Рос-
сіи и безпрестанныя сношенія съ Польшею
особенно содѣйствовали вліянію Польскаго
языка на языкъ Русскій; что продолжалось
почти до XVIII столѣтія, и время это мо-
жно по справедливости назвать *Польскимъ*.
Хотя печатаніемъ священныхъ книгъ успа-
новился нашъ церковный, или Славянскій
языкъ; но сохраненію чистоты и оригиналь-
ности языка Русскаго было много препят-
ствій. — Духовные писатели исключительно
употребляли въ твореніяхъ своихъ

языкъ Славянскій, починая народное нарѣчіе слишкомъ грубымъ для выраженія истины высокихъ. — Народное же нарѣчіе было употребляемо въ перепискѣ, въ государственныхъ сношеніяхъ, законахъ, судебныхъ дѣлахъ и п. п. Такимъ образомъ въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка были у насъ три языка: 1) *Богослужебный*, или собственно Славянскій, въ священныхъ книгахъ и сочиненіяхъ духовенства; 2) *Русскій*, въ употребленіи народа, въ книгахъ, гражданскихъ дѣлахъ; и наконецъ 3) *Русьскій*, или *Бѣлорусскій* (коимъ доселѣ говоришь народъ въ Липовѣ и на Волыни), въ швореніяхъ духовныхъ особъ, образовавшихся въ Кіевѣ, Прагѣ, Вильнѣ, и вообще въ подвластныхъ Польшѣ провинціяхъ. Вообще языкъ нашъ почти до конца XVII вѣка не имѣлъ установленныхъ правилъ; сочинители руководствовались употребленіемъ и обычаемъ, переписчики имѣняли рукописи иногда по прихоти, иногда старались примѣнять ихъ къ нарѣчію мѣспорожденія. Съ исхода же XVIII столѣтія Русское нарѣчіе начало очищаться и освобождалось отъ вліянія Польскаго, занимая изъ языка богослужебнаго сильныя выраженія и краснорѣчивые обороты словъ.

О первыхъ
Славянскихъ
Грамматикахъ.

Въ исходѣ XVI вѣка появляются *Славянскія Грамматики*, составленныя по образ-

цамъ Греческимъ и Лашинскимъ, и напечатанныя въ земляхъ, соспоавшихъ въ зависимости отъ Польши. Первая Грамматики *Елліно-Славянская* издана въ 1591 г. студентами *Львовскаго училища* на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ. Хотя Грамматики эта писана для изученія языка Греческаго; но замѣчательна потому, что творцы ея, буквально переводившіе Греческія слова, были изобрѣшателями большей части Грамматической терминологіи (*), которая донынѣ безобразитъ нашу Русскую Грамматику. Въ 1596 году напечатана въ Вильнѣ Грамматики, сочиненная *Лаврентіемъ Зизаніемъ*, который совершенно слѣдовалъ Греческимъ образцамъ, и принялъ частію рѣчи мнимый членъ: *иже, яже, еже*. Онъ принимаетъ 6 падежей, 10 склоненій,

(*) Впрочемъ, древнѣйшій опытъ терминологіи Грамматической на Славянскомъ языкѣ, или лучше сказать, переводъ Грамматическихъ терминовъ съ Греческаго на Славянскій, можно отнести къ началу XVI вѣка, ко времени *Максима Грека*, умершаго въ 1556 году. — Этотъ опытъ сохранился въ предисловіи къ Грамматику 1648 г. выбранномъ изъ словъ *Максима Грека* и въ приложенныхъ при той же Грамматику *отвѣтахъ* Максимовыхъ къ вопросившему его о Грамматику, Риторикѣ и Философіи. (Это мнѣніе извѣстнаго нашего знашюка Славянскаго языка Г. Воспокова.) —

8 часшей рѣчи, но нашего междометія со-
всѣмъ нѣтъ; 5 залоговъ, 4 наклоненія, ны-
нѣшнія наши спряженія названы *супруже-*
ствами, копорыхъ авторъ принимаетъ толь-
ко два. — *Мелетій Смотрицкій*, уніятскій
епископъ въ Полоцкѣ, издалъ въ 1619 году,
въ Вильнѣ, Славянскую Грамматику. Какъ
въ правописаніи, такъ и въ синтаксисѣ, ав-
торъ заимствуетъ всѣ правила изъ Грам-
матики Греческой; въ Просодіи предлагаетъ
правила слоупосложенія Греческаго, изъявляя
желаніе, чѣобъ имъ начали писать Славян-
скіе списхи. — Не смотря на многіе недо-
статки Грамматики Смотрицкаго, она замѣ-
чательна тѣмъ, что Ломоносовъ принялъ изъ
нее въ свою Грамматику все, что только могъ
примѣнить къ Русскому языку. Въ 1696 го-
ду *Англичанинъ Лудолфъ* первый составилъ
Русскую Грамматику отдѣльно отъ Славян-
ской. Но, по причинѣ слабыхъ познаній сво-
ихъ въ языкѣ Русскомъ, онъ многое выпи-
сывалъ изъ Грамматики Смотрицкаго, и на-
печаталъ маленькую книжку свою, кажепся,
единственно для пробы новыхъ Славянскихъ
буквъ, опланныхъ въ Оксфордѣ.

Первые Сла-
вянскіе Слю-
вари.

Первый *Славяно - Русскій Словарь* из-
данъ въ 1596 году, и то въ обласпяхъ, къ
Россіи тогда не принадлежавшихъ.

Около того же почти времени изданъ былъ *Славянскій Словарь Памелы Беринды*, іеромонаха, родомъ изъ Молдаванъ. Въ Словарѣ семъ, напечатанномъ въ Кіевопечерской Лаврѣ въ 1627 году, изъясняющся Славянскія слова посредствомъ Русскаго языка.

ГЛАВА IX.

О успѣхахъ Словесности въ XVII вѣкѣ и о началѣ ТЕАТРА въ Россіи.

Съ возшествіемъ на престолъ благословеннаго Дома Романовыхъ и съ приобрьщеніемъ полишической самостоятельности Россіи, Словесность наша примѣтно начала оживляться. Кромѣ переведенныхъ въ то время швореній *Августина*, *Іеронима*, *Св. Амвросія* и *Светоніевой* Исторіи Римскихъ Императоровъ, появились сочиненія богословскія, испорическія и стихопшворныя, сочинители коихъ были почти всѣ изъ духовенства. Нѣкоторые изъ нихъ предлагали ввести стопосложеніе Греческое; но всѣ опыты сочиняшь стихи по примѣру древнихъ остались безуспѣшными. Гораздо успѣшнѣе

было введеніе спопосложенія Силлабическаго, хотя также несвойственнаго нашему языку, но бывшаго у насъ долго въ употребленіи. Можесть быть, къэтому же времени относяща и *Пѣсни Русскія*, опличающіяся свойственнымъ имъ размѣромъ и оригинальными своими голосами. Въ нихъ упоминается о завоеваніи Казани и Сибири, о грозахъ Іоанновыхъ, о добродѣтельномъ Никитѣ Романовичѣ, о злодѣѣ Малютѣ Скуратовѣ. Всѣмъ извѣстна пѣсня о Царѣ Іоаннѣ: —

«Зачиналась, каменна Москва,
«Зачинался въ ней и грозный Царь:
«Онъ Казань городъ на славу взялъ,
«Мимоходомъ городъ Аспраханъ —

О сынѣ Іоанновомъ осужденномъ на казнѣ:

«Упадаетъ звѣзда поднебесная,
«Угасаетъ свѣча воску яраго!
«Не спановишься у насъ Царевича. —

Какъ эти пѣсни, такъ и другія стихотворенія народныя, ознаменованныя неприхотливымъ чувствомъ и смѣлостію языка, если не слогомъ, по духомъ своимъ ближе къ XVI и XVII, нежели къ XVIII вѣку. Вообще народныя пѣсни, сочиненныя на важныя эпохи нашего отечества, хотя и не могутъ представить новыхъ происшествій, не могутъ объяснить ни причинъ, имъ предше-

спивавшихъ, ни событій, за ними послѣдовавшихъ; но истинно Русскому всегда пріятно знать, какими глазами смотрѣли наши предки на политическіе перевороты страны своей. Если собраніе древнихъ монетъ, представляющее обезображенные времена оппечашки дурнаго чекана, такъ дорого цѣнятся любителями рѣдкостей; то не уже ли народныя пѣсни, менѣе любопытны для Русскаго, привязаннаго ко всему оппечественному и родному; для поэта, воскрешающаго въ своемъ воображеніи пѣни минувшихъ сподѣтій; для наблюдателя историка, почерпающаго истины въ вѣкахъ прошедшихъ, для наставленія потомства.

Нѣкоторые наши литераторы занимались собираніемъ народныхъ древнихъ пѣсень, распредѣляли ихъ по періодамъ нашей Исторіи, и въ оппголоскахъ ихъ думали слышать выраженіе обычаевъ, духа, нравственности народа Русскаго. Но нельзя не замѣтить, что всѣ старинныя наши пѣсни дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ. И шѣмъ болѣе объ этомъ жалѣть должно, что пѣсни, излившіяся прямо изъ сердца народа, еще въ колыбели самой пріроды не утонченнаго образованіемъ гражданскимъ и не поврежденнаго пороками общества, составляютъ чистые оппечатки

его характера, первые, безыскусственные звуки его поэзи, въ которыхъ выражается вся душа его. Въ нихъ наблюдатель могъ бы видѣть естественное направленіе умственныхъ способностей и источникъ врожденныхъ склонностей нашихъ предковъ. Изъ которыхъ изъ старинныхъ пѣсней могли бы изобразить также вліяніе политическихъ преворошевъ на измѣненіе нравовъ и характера народнаго. Сравнимъ пѣсни Русскаго и Малороссіянина. Первый въ изображеніи своихъ печалей и радостей быспрь, порывистъ; второй тихъ и унывень: во всѣхъ предметахъ онъ видѣтъ свидѣтелей минувшихъ своихъ радостей; а пошому въ пѣсняхъ его все одѣшо какимъ-то шуманнымъ покровомъ сладкой задумчивости.

Учрежденіе
Училищъ.

Въ первыя времена изложенія ига Татарскаго, въ Россіи еще не было училищъ. Хотя при Іоаннѣ III появилось въ нашемъ отечествѣ довольно ученыхъ иностранцевъ, при Годуновѣ число ихъ увеличилось; но никто изъ нихъ не предспавилъ Государямъ, не убѣдилъ ихъ завести Училища народныя-Русскія. Не прежде какъ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ заведена была *Греко-Латинско-Славянская школа* на Патриаршемъ дворѣ; Олеарій осматривалъ ее въ 1629 году. По словамъ его, Патриархъ Филаретъ, съ

согласія Царя, хотѣлъ устроить подобныя училища во многихъ мѣстахъ. Это служило доказательствомъ, что стремленіе къ просвѣщенію въ Россіи началось гораздо прежде Петра Великаго. Первый Царь изъ Дома Романовыхъ, по увѣренію даже иностран- ныхъ писателей, покровительствовалъ наукамъ. Есть также преданіе, что монахъ *Тимоей*, находясь нѣсколько лѣтъ въ Палестинѣ, выучившись тамъ Греческому языку и нѣкоторымъ наукамъ, возвратился въ отечество и представилъ Царю Θεодору Алексѣевичу заветны въ Москвѣ Греческое училище. Царь весьма охотно принялъ представленіе и, призвавъ Патриарха, открылъ ему свою волю объ открытіи въ Москвѣ училища подъ распоряженіемъ Тимоея. Во исполненіе Царской воли, Патриархъ устроилъ для 30 дѣтей училище, поручивъ главный надъ нимъ надзоръ Тимоею. Царь и Патриархъ весьма часто посѣщали это училище и особенное оказывали покровительство учащимъ и учащимся. Въ послѣдствіи, число учениковъ въ этомъ училищѣ увеличилось до 70, а должности наставниковъ занимали ученые Греки. Можетъ быть, это же училище дало начало другимъ школамъ и самой Академіи Московской, основанной, какъ ниже замѣчено, Бояриномъ Рѣищевымъ.

Часть IV.

Начало теат-
ральныхъ
зрелищъ.

Въ XVII столѣтіи появляются первые слѣды театральныхъ зрелищъ въ Россіи. Студенты Кіевской Академіи, при мишрополишѣ Петръ Могилъ, играли на Польскомъ языкѣ священныя Драмы, или, такъ называемыя, *Мистеріи*. (*) Онѣ были не иное что, какъ разговоры на языкѣ Польскомъ. Духовенство, опытившееся въ Россіи образованіемъ предъ прочими классами народа, желало изъ подобныхъ увеселеній извлечь пользу для нравовъ и Словесности. Пошому многіе знаменитые пастыри Церкви, по примѣру Польскихъ, начали сами упражняться въ произведеніяхъ этого рода и при томъ на языкѣ Славянскомъ. Драмы сіи, при всемъ своемъ несовершенствѣ, заслуживаютъ вниманіе въ томъ отношеніи, что онѣ были единственными сочиненіями того времени по театральному искусству. Между писателями должно замѣшить Св. *Димитрія*, который въ молодости своей писалъ много Драмъ, стихами Силлабическаго размѣра, вве-

(*) До половины XVI вѣка были представляемы подобныя же таинства (*mystères*) и у Французовъ, приисе-сенныя къ нимъ во Францію спраниями, ходившими на Востокъ для поклоненія Святымъ мѣстамъ.—Театръ Испанскій также долгое время представлялъ подобныя зрелища подъ названіемъ Дѣяній Священныхъ (*Autos Sacramentales*).

деннаго въ нашъ языкъ митрополистомъ Петромъ Могилою. Но съ болышамъ еще успѣхомъ подвизался на эпомъ поприщѣ *Геофанъ Прокоповичъ*, котораго творенія уже замысловапше и написаны болѣе очищеннымъ слогомъ. Когда Св. Димитрій переселился изъ Кіева въ Ростовъ, то и тамъ завелъ подобныя же представленія. Въ послѣдствіи, Кіевскіе Студенты, не довольствуясь представленіемъ Драмъ въ сѣнахъ своей Академіи, ходили по праздникамъ въ частныя дома и увеселяли хозяевъ разными сценами, которыя уже не были исключительно духовнаго содержанія, но иногда касались предметовъ свѣтскихъ и имѣли много комическаго. Опъ студентовъ переняли и крестыане, и на праздникахъ своихъ забавлялись шуповскими сценами. Обыкновеніе ушвердило ихъ въ высшемъ классѣ, такъ что, и по введеніи драматическаго правильнаго искусства, онъ долгое время оспавался между простымъ народомъ. Содержаніе эпихъ сценъ было весьма однообразно: обыкновенныя лица въ нихъ—жидъ, управитель, цыганы, всѣ дѣйствуютъ къ одной цѣли—и хотяпшъ обмануть поселяннина. Когда эпомъ послѣдній гошовъ вдаплся въ обманъ; то является солдатъ и защищаетъ его. Не рѣдко при томъ употреблялись са-

мыя опшрапшительныя маски, ужасавшія присущивовавшихъ, и актеры брали въ ротъ зажженный уголь. Подобныя зрѣлища, дѣлаясь общими, перешли и въ Москву, гдѣ Бояре не только не гнушались ими, но и находили въ нихъ удовольствіе. Поэтому часто, во время праздниковъ, дворовые люди, по приказу господъ своихъ, представляли разныя сцены, кошорыя были уже не духовнаго содержанія, но собственно комическія. Само собою разумѣется, что всѣ такія представленія были весьма неудачны: ибо актерами были люди безъ всякаго образованія, исправлявшіе различныя работы въ домѣ.

При Дворѣ Алексія Михайловича часто представляемы были Комедіи съ *музикей и танцѣмъ* въ интермедіяхъ. Самъ Царь и Бояре его полюбили театральныя позорища. Бояринъ Милославскій сначала завѣдывалъ придворною труппою. Помогъ увеселенія происходили въ селѣ Преображенскомъ, и, при содѣйствіи Боярина Мамъѣева, труппа Нѣмецкихъ актеровъ, музыкантовъ и танцовщиковъ прибыла въ Россію. Первыя представленія эпой труппы заставили сознаться Русскихъ, что они не понимали существа театральныя зрѣлища. Но перемчивый Русскій народъ скоро успѣлъ многому научиться у иностранцевъ. Съ эшого

времени начинался у нас что-то похожее на драматическое искусство; не доставало только дельных пьесъ. Въ разрядныхъ запискахъ 1676 года упоминается о увеселеніяхъ Царскихъ въ селѣ Преображенскомъ: «Была комедія въ Преображенскомъ; пѣвицы Великаго Государя иноземны, какъ Алаферна Царя Царю, голорукомъ съкла, и на органахъ играли Нѣмцы, да люди дворовые Болрина Артемона: Сергѣя сына Маннѣева. Тогожъ года другая комедія шамъ же, какъ Арнаксерксъ велѣлъ повѣснить Амана, и въ органы играли и на фюлахъ и въ спруменцы и танцовали и проч.» Въобщее увеселеніе Русскихъ въ XVII вѣкѣ! но не должно удивляться, что Россія такъ отстала отъ прочей Европы, гдѣ ужъ Шекспиръ и Корнель удивляли соотечественниковъ гениальными своими произведеніями; внутреннія распри и Татарское иго подавили умственные силы нашихъ предковъ.

При Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, іеромонахъ *Симонъ Полоцкий* началъ сочинять Славянорусскія Драмы, которыя сперва были играемы студентами Московской Академіи, а потомъ и при Дворѣ. Но предметы этихъ драмъ, какъ напр. о *царѣ Навуходаносортѣ* и о *Блудномъ сынѣ*, соспавляли смѣхъ

духовныхъ мистерій съ комическимъ, какъ и вездѣ. Комедія о Блудномъ сынѣ начиналась стихами: «Благословенъ Богъ ошнынъ и до вѣка «Иже ошъ земли создалъ человекъ.»— Попомъ представляемъ былъ ошъездъ Блуднаго сына, пированье его, при чемъ пѣли *многая лѣта* и обирали шалуна на сценѣ. Наконецъ онъ бѣдѣлъ, занимался пасши свиней, и на сцену выходило спядо поросятъ. Будучи голоденъ, Блудный сынъ ошнималъ у свиней кормъ, и за то предъ зрителями ведутъ *Блуднаго сына за завѣсу и бѣютъ плетьюми, а онъ кричитъ: ой! Государь! пощади!* Комедія оканчивалась возвращеніемъ Блуднаго сына къ ошцу; актеръ говорилъ Эпилотъ, который заключался слѣдующею просьбою къ зрителямъ:

- «Мы въ сей припчѣ аще согрѣшихомъ,
- «Ей! огорчили никого не мыслихомъ;
- «Обаче молимъ: извольте простите,
- «А насъ въ милосіи Господней хранише.»

шу всѣ испедеше поклоняшся, а мусикія запоешъ, и шако разыдутся гости!

Не будемъ смѣяться надъ вкусомъ нашихъ предковъ и вспомнимъ, что была начальная Комедія и въ другихъ странахъ.

При Царевнѣ Совѣѣ Алексѣевнѣ, была переведена на Славянскій языкъ Комедія Мольера: *Врагъ противъ воли*, которая была

играва при Дворѣ самою Царевною съ знашными особами. Эта первая у насъ Комедія не *духовнаго* содержанія, хотя и переводная, но была радостнымъ явленіемъ въ нашей Литературѣ. Послѣ начали появляться и другія сочиненія въ томъ же родѣ, но они были болѣею частію подражанія Нѣмецкимъ Драмамъ, и въ Литературномъ отношеніи не заслуживающъ вниманія.—Вопрь въ какомъ сословіи находился театръ Русскій до восшествія на престолъ Петра I.

ГЛАВА X.

Писатели XVI вѣка.

Макарій, митрополитъ Московскій, пастырь разумный и ревнитель благоустройства церковнаго: *Стоглавъ* (опредѣленія Собора 1551 г.), *Окружныя грамоты* и *Посланія* апо свидѣтельствуютъ. Кромѣ перевода многихъ книгъ на Славянскій языкъ, онъ 12 лѣтъ шрудился надъ сочиненіемъ *Четихъ Миней*, или житій Святыхъ, празднуемыхъ Россійскою Церковію. Также, подѣ

вѣнчаніемъ сего іерарха, часенію сроченны, часенію дополнены *Степенныя книги* (*).

Лаврентій Зизаній, протоіерей Корецкій, жившій въ исходѣ XVI вѣка, кромѣ Славянской Грамматики и большаго на Лашинскомъ языкѣ Кашихизиса, издалъ *Славянскую азбуку* съ приложеніемъ молитвъ и крапкаго словаря языковъ Славянскаго и Бѣлорусскаго.

Максимъ, инокъ Аѳонскій, извѣстный подъ именемъ *Грека*, былъ ученѣйшимъ мужемъ своего времени, и въ 1512 году Великимъ Княземъ Василиемъ Іоанновичемъ былъ призванъ для описанія разныхъ рукописей, находившихся во дворцѣ Великокняжескомъ. Онъ перевелъ также *Псалтирь толковую* и исправлялъ ошибки въ переводахъ и спискахъ церковныхъ книгъ. Его *Слова* и *Главизны*

(*) *Степенныя книги* содержатъ родословіе Великихъ Князей, которое имѣетъ значительную важность для Исторіи; въ Литературномъ же отношеніи замѣчательны пошому, что въ нихъ сохранились многіе народные вымыслы и похвальные слова нѣкоторымъ Великимъ Князьямъ и разнымъ лицамъ. Названіе *Степенныхъ книгъ* онѣ того, что онѣ сочинены по степенямъ престопреемства и родства Великихъ Князей въ исходящей линіи. Книги эти, по замѣчанію Плещера, несправны въ лѣтосчисленіи, а въ повѣствованіи о древнихъ временахъ баснословны.

(числомъ до 140) полемическія, поучительныя, филологическія и проч. имѣли достояніе почти каноническое. Но послѣ оклеветанный въ ложномъ полкованіи Священнаго писанія, онъ сосланъ въ заточеніе и тамъ написалъ *Разсужденіе о пользѣ Грамматики, Риторикѣ и Философіи*.

Князь Курбскій, ближній Бояринъ и Воевода при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ IV, ушедшій въ Польшу (въ 1563 г.) написалъ книгу подъ заглавіемъ: *Исторія Князя Великаго Московскаго дѣлъ*. Въ этой книгѣ заключаются многія Историческія преданія, которыя не находятсѣ у другихъ летописцевъ. Въ наше время Т. Успенцовъ оказалъ важную услугу издавіемъ Исторіи Курбскаго съ объясненіями и примѣчаніями. Въ рукописяхъ также сохранены его посланія къ Царю Іоанну Васильевичу и нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ. Изъ этихъ сочиненій Князя Курбскаго можно замѣтить, что онъ наипаче былъ чтецемъ священныхъ книгъ и былъ знакомъ съ Преческими и Машинскими писателями.

Константинъ Константиновичъ Князь Острожскій, примѣчательнѣе, не какъ писатель, но какъ ревностный поборникъ просвѣщенія въ юго-западныхъ странахъ Россіи. Не взирая на гоненія папистовъ

и увѣствовъ, онъ первый между ними лично печаталъ для Россіянъ Церковно-Славянскія книги. Изъ сочиненій его извѣстно: Окружное увѣщаніе ко всѣмъ Волинскимъ и Литовскимъ Князьямъ о пребываніи въ православіи Греческія Церкви. Оно напечатано въ Острогѣ въ 1595 г.

Примечательная рѣчь Гермогена, недавно открытая Г. Строевымъ.

Гермогенъ, патріархъ, сподобившись за свободу ошечесства, произнесъ рѣчь по случаю совершеннаго имъ же коронованія Василія Іоанновича Шуйскаго. Рѣчь сія служить памятникомъ языка, Исторіи Литературы и Исторіи Гражданской, и какъ живое Слово, произнесенное представителемъ Церкви и народа при священномъ обрядѣ вѣщанія Царя, въ важную минуту ошечства. Языкъ этой ораторской рѣчи сильный и цвѣтущій, отличается необыкновенною чистотою, выраженіемъ и сближеніемъ Славянскаго нарѣчія съ народнымъ. Сія чистота и ровность въ языкѣ, также плавность словосочетаній ставятъ ее выше предшествовавшихъ и современныхъ ей произведеній, а, по искусному соединенію Славянизма съ народностью, съ нею не могутъ сравниться творенія и послѣдующихъ писателей — Никона, Авраамія Палицына и Св. Димитрія Ростовскаго.

ГЛАВА XI.

ПИСАТЕЛИ XVII вѣка.

Никонъ, шестый патріархъ Всероссійскій, извѣстенъ исправленіемъ Славянскихъ церковныхъ книгъ и соглашеніемъ ихъ съ Греческими. Онъ составилъ сводъ Русскихъ лѣтописей, Степенныхъ книгъ и Греческихъ Хронографовъ, доведенный до 1630 года подъ именемъ *Никонова списка*. Сверхъ того, старался онъ о переводѣ съ иностранныхъ языковъ на Русскій книгъ историческихъ и географическихъ. Вообще патріархъ сей славился великимъ умомъ, необыкновенными талантами и строгою добродѣтельною жизнью.

Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій, сконч. 1646 г. одинъ изъ замѣчательныхъ мужей XVII вѣка, сверхъ Богословскихъ сочиненій, писалъ много стиховъ *Силлабическимъ* размѣромъ, былъ преобразователемъ Кіевской Академіи, завелъ въ ней классы до Философіи и Богословія, также подарилъ ей свою Библіотеку и учредилъ Типографію. Онъ сочинилъ на Греческомъ языкѣ книгу

Православнаго исповѣданія Вѣры (Капихизисъ), для поднесенія Вселенскимъ патріархамъ. Книга эта, переведенная въ Москвѣ и напечатанная въ 1696 году, содержитъ полное собраніе догматовъ и правилъ Восточной Церкви. — *Требникъ* Петра Могилы напечатанъ въ 1646 году.

Иннокентій Гизель, ректоръ Кіевскихъ школъ, учрежденныхъ Петромъ Могилою, сочинилъ *СинOPSIS*, или краткое описаніе о началъ Славянскаго народа и о первыхъ Кіевскихъ Князьяхъ до Царя Федора Алексѣевича. Не взирая на многія несправности, эта книга, за неимѣніемъ лучшей Русской Исторіи, употреблялась въ школахъ до временъ Ломоносова.

Симеонъ Полоцкій, наставникъ Царевича Федора Алексѣевича, писалъ много Богословскихъ и драматическихъ сочиненій. *Драмы* его иногда были представляемы въ комнатахъ Царевны Софіи Алексѣевны. Онъ первый, по примѣру Польскихъ священниковъ, началъ сочинять *Проповѣди*, и говорить ихъ народу въ Московскихъ церквахъ наизустъ; а до много времени употреблялись народу поученія, выбранныя изъ Святыхъ Отцевъ. Переложенная имъ въ стихахъ *Псалтирь* замѣчательна особенно пошпо-

му, что чтение ея возбудило въ Ломоносовѣ
спрасть къ стихотворству.

Матвѣевъ, близкій Болринъ Царя Алексія
Михайловича, родился въ 1625 году. Удивлять-
ся должно, что, среди невѣжества, предрасуд-
ковъ и закоренѣлаго заблужденія своихъ совре-
менниковъ, Машвѣевъ могъ имѣть обширное
просвѣщеніе и быть обязанъ имъ самому се-
бѣ. Онъ зналъ Словесность, Исторію, Филосо-
фію и другія науки, чему служилъ доказатель-
ствомъ письма его изъ Пуснозерска къ па-
триарху и вельможамъ. Въ изящномъ вкусѣ
Машвѣева убѣждаетъ домовая его церковь,
писанная лучшею Испаніанскою живописью.
Его охоту къ зрѣлищамъ доказываютъ вы-
званные Нѣмецкіе актеры, находившіеся въ
его распоряженіи. Собственные его сочине-
нія, къ Исторіи отечества относящіеся и
дружба его съ учеными иностранцами не
ясно ли открываютъ въ немъ любовь къ на-
укамъ и просвѣщенію. О провидательности
ума Машвѣева свидѣтельствуютъ веденные
имъ съ иностранными послами переговоры,
которыя всѣ зачаша ны благомъ отече-
ства, и въ которыхъ онъ побѣдилъ славнаго
Оксенштерна. Изъ рукописныхъ сочине-
ній Машвѣева извѣстны : 1) *Описаніе вѣтъхъ*
Великихъ Князей и Царей Россійскихъ, слав-
ныхъ въ побѣдахъ, въ лицахъ съ исторіями;
2) *Вѣтъхъ Великихъ Князей Московскихъ и*

всѣя Россіи Самодержцевъ, персоны; и титула и печати и проч.

Царевна Софія Алексѣевна любила заниматься Литературою, хотя воображеніе ея и не всегда было управляемо просвѣщеннымъ вкусомъ. Она писала Драмы и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ.

Примѣчаніе 1-е. Къ писателямъ эпохи же времени относятся: 1) *Андрей Лызловъ* сочинившій *Скиескую Исторію* въ 1698 году; 2) *Авраамій Палицынъ*, знаменитый сподвижникъ Минина и Пожарскаго, написалъ Исторію своего несчастнаго, но и славнаго для Россіи времени, въ книгѣ: *Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева Монастыря отъ Поляковъ и Литвы, и о бывшихъ потопѣхъ въ Россіи мятежахъ*; 3) *Сергей Кубасовъ*, сочинитель *Хронографа* и Силлабическихъ списковъ.

Примѣчаніе 2-е. Къ распространенію просвѣщенія и умноженію писателей эпохи времени особенно способствовала *Славяно-Греко-Латинская Академія*, основанная въ 1665 году стараніями Окольничаго Рпещева. Подъ Державою Царя Алексѣя Михайловича, Федоръ Рпещевъ, избранный наставникомъ Царевича Алексѣя Алексѣевича не по степенямъ Боярства, но по душевнымъ качествамъ, въ удаленіи отъ шума городска-

го, въ Андреевскомъ монастырѣ, основаль обитель немаятежнаго успокоенія, какъ выражается описашель его жизни. Въ эщо мирное жилище пригласилъ онъ добродѣтельныхъ и ученыхъ мужей. Въ сладостныхъ ихъ бесѣдахъ забывалъ сонъ, проводилъ иногда цѣлыя ночи, и съ новою душевною крѣпостию возвращался въ Царскіе черпоги, къ важному своему служенію. Но при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1679 г. Академія переведена въ Занконо-Спасскій монастырь.

ПЕРІОДЪ III.

ГЛАВА XII.

О состояніи языка и Словесности отъ еди-
нодержавія Петра I до царствованія Елиса-
веты.

Для успѣховъ церковнаго краснорѣчія много было приготоовлено къ началу XVIII вѣка: переведены шворенія лучшихъ воспочныхъ проповѣдниковъ, а книжный языкъ ушверждался на правилахъ Граммашки. Но

всѣ науки и искусства, при своемъ рожденіи, имѣющъ нужду въ нѣкоторомъ родѣ воспитанія; когда же выдупъ изъ младенчества, то пребукутъ покровительсва. Пётръ Великій, одаренный необыкновеннымъ умомъ и силою воли, зналъ эту истину. Его-то пламенная любовь къ своему народу, Его-то покровительство упрочили намъ искусства и науки. Дарованія плѣвшія, такъ сказать, въ неизвѣстности, при одномъ прикосновеніи руки Его, возникли. Любовь къ наукамъ и искусствамъ, копорою пламенѣла возвышенная душа Русскаго Владыки, внушила ему мысль посѣтити спраны Европы, славившія своимъ просвѣщеніемъ. Слѣдствіемъ Его путешествія было то, что, образовавъ Самого Себя, Онъ посылалъ въ чужіе края и многихъ подданныхъ для образованія. Народъ Русскій, какъ бы пробудившись отъ глубокаго сна, быспро потекъ по пути усовершенствованія, указаннаго ему гениемъ Петра Великаго: новая, лучшая жизнь заструилась въ его духъ; новое, совершеннѣйшее направленіе приняла его дѣятельность. Въ столь незабвенныя для народа Русскаго времена явились знаменитые духовные ораторы, заслужившіе вниманіе соотечественниковъ. Достойные іерархи Россійской Церкви

Яворскій, Прокоповихъ и Бузинскій, паланшами своими имѣвшіе счастье обратить на себя вниманіе прозорливаго Петра, спарались знакомить Русскихъ съ новымъ благодѣтельнымъ порядкомъ вещей и выгодами гражданственности, и прославляли безсмертные подвиги Монарха-Благотворителя.

Препятствія къ достиженію цѣли пре-
образованія Россіи не ослабляли, но еще уси-
ливали ревность Царя—Героя. Чуждый пред-
разсудковъ, Онъ вызывалъ достойныхъ ино-
странцевъ въ Русскую службу, и всѣми спо-
собами спарался возвысить народъ свой на
степень народа просвѣщеннаго. Онъ пове-
лялъ переводить съ иностранныхъ языковъ
на Русскій разныя сочиненія. Но какъ эти
переводы относились къ наукамъ, художе-
ствамъ и разнымъ ремесламъ; то, справед-
ливости требуетъ сказать, самый языкъ
отъ того пріобрѣлъ мало выгодъ. Перевод-
чики, не находя въ Русскомъ языкѣ словъ
для наименованія новыхъ предметовъ, по не-
обходимости, употребляли иностранныя
слова и выраженія, особенно въ названіяхъ
военныхъ и мореходныхъ; такъ что и до-
елъ вещи, относящіяся къ построенію ко-
абля, называющіяся словами Голландскими,
принадлежащія къ его вооруженію—Англий-
скими. Вообще духъ времени, частая сво-
часть IV.

Состояніе
языка.

шенія съ племенами разныхъ партій, науки, которыя познаваемы были чрезъ посредство иностранныхъ языковъ, и другія общепользительныя тогда оказывали вліяніе на словоопіечественное. Въ дѣловомъ, учебномъ и разговорномъ слогѣ были смѣшиваемы слова простонародныя Русскія съ словами Славянскими и испорченными иностранными. Такое же смѣшеніе словъ находилось и въ сочиненіяхъ историческихъ и ораторскихъ. Хотя церковныя витіи, благоговѣя къ важности и древности языка Славянскаго, содѣлавшагося для народа Русскаго Богослужебнымъ, занимались внимательнымъ его изученіемъ, и старались соблюдать чистоту и плавность ему свойственныя; при всемъ томъ, допускали также въ составъ рѣчей своихъ выраженія Малороссійскія, Польскія и даже Лашинскія. Такая пестрота въ слогѣ Красворѣчія духовнаго тѣмъ болѣе не могла нравиться, что употребленныя проповѣдниками Малороссійскія и Польскія выраженія были, по большей части, простонародныя, не соответствовавшія достоинству и важности языка церковнаго. Главнымъ же препятствіемъ къ улучшенію и очищенію Русскаго языка было уже и то, что тогдашніе писатели, воспитываясь въ Польскихъ училищахъ и въ Кіевской Академіи, гдѣ

предметы преподавались на языкъ Латинскомъ, большую часть жизни провели между Поляками; а потому для нихъ весьма трудно, а, можешь быть, и невозможно было предпринять великое дѣло преобразованія языка отечественнаго. Невозможность эта еще болѣе увеличивалась отъ того, что сами Русскіе не чувствовали тогда важности своего языка, богатство и силу котораго суждено было открыть генію Ломоносова.

Впрочемъ, къ чести духовныхъ ораторовъ временъ Петра Великаго должно сказать, что въ ихъ твореніяхъ примѣтна борьба различныхъ Славено-Русскихъ нарѣчій, предвѣщавшая будущее счастливое преобразование Русскаго языка. Такъ въ поученіяхъ *Яворскаго* видимо борется языкъ Славянскій съ Русскимъ, въ проповѣдяхъ *Бужинскаго* примѣтно рѣшительное преобладаніе Русскаго языка надъ другими современными нарѣчіями. А потому, хотя въ началѣ XVIII вѣка Русская Литература еще и заимствовала свои краски отъ Литературы Польской; но въ это время были и такіе писатели, которые, не увлекаясь духомъ своего вѣка, старались сохранять въ своихъ сочиненіяхъ народныя краски, и были по своимъ понятіямъ выше современниковъ.

Къ нимъ должно отнести, сверхъ упомянутыхъ паспырей Церкви, Св. *Димитрія*, Митрополита Ростовскаго.

Грамматика. Писатели этого времени руководствовались Грамматикою языка Славянскаго, употребленіемъ и обычаемъ, но явно не думалъ о составленіи Русской Грамматики. Въ 1721 году некто *Федоръ Поликарповъ* напечаталъ въ Москвѣ *Славянскую Грамматику*; имъ же составленъ еще въ 1704 году первый *Славяно-Греко-Латинскій Лексиконъ*. Въ 1723 году Иподіакономъ *Федоромъ Максимовымъ* также издана *Славянская Грамматика*. Но эти книги были хорошими руководящими къ изученію языка церковнаго, и не имѣли почти никакого вліянія на языкъ общенародный. *Тредьяковский* первый началъ предлагать объ освобожденіи Русской поэзіи отъ Польскаго размѣра, вмѣсто котораго онъ указалъ на Греческій. Чтобы оправдать примѣромъ свои мысли, переложилъ онъ *Телемака* въ древніе акзаметры. Но какъ переходъ отъ сллабическихъ стиховъ къ метрическимъ былъ слишкомъ пруденъ для непривычнаго къ метрическимъ стихамъ уха, при томъ же, представленные *Тредьяковскимъ* примѣры стиховъ въ *Телемакѣ* не заключали въ себя ни смысла, ни чувства; то предпрія-

ніе его осталось безуспѣшнымъ. Треть же Тредьяковскій въ сочиненіи своемъ: *Разговоръ между двухъ стороннихъ челоуѣкомъ и Россійскимъ объ Орфографіи старой и новой*, предлагалъ исключить изъ Русскаго алфавита нѣкоторыя излишнія буквы, а въ замѣчаніяхъ своихъ о Русскомъ правописаніи находимъ соображеніе оканчивающъ прилагательныя имена множественнаго числа въ мужескомъ родѣ на *ѣи*, въ женскомъ на *ыи*, а въ среднемъ на *ѣи*; но всѣ предположенія Тредьяковскаго остались напрасны: онъ не былъ гениальнымъ писателемъ, который бы, подобно Ломоносову, могъ увлечь за собою современниковъ.

Къ важнѣйшимъ событіямъ въ Словесности нашей должно отнести изобрѣтеніе и введеніе *гражданской печати*, посредствомъ которой языкъ Русскій видимо опдѣлился отъ церковнаго. Въ 1704 году Петръ Великій самъ изобрѣлъ новый почеркъ Русской гражданской печати, примѣняя его, сколько можно, ближе къ Латинскому, исключилъ излишнія буквы и уничтожилъ ударенія. Первые изобрѣшенныя буквы оплѣсны въ Голландіи; ими сначала печатались въ Москвѣ вѣдомости. Первая книга гражданской печати вышла изъ Московской типографіи 1705 года. Въ 1708 году разосланъ былъ указъ «о буквахъ новоизобрѣшенныхъ»;

Введеніе гражданской печати.

а въ 1711 году заведена въ Петербургъ гражданская типографія на одинъ ставъ для печатанія указовъ, также математическихъ, историческихъ и другихъ книгъ, относящихся къ мореплаванію, кораблестроенію и землеописанію. Сожалѣть должно, что, при совершенномъ утвержденіи Русскаго алфавита въ 1733 году, не нашелся такой писатель, который бы основалъ Русскую азбуку на истинныхъ свойствахъ языка; ибо нельзя не согласишься, что въкоторыя Русскія буквы безобразны и письмо и печать нашу.

Состояніе
Литературы.

Петръ Великій, руководствуясь мудрымъ правиломъ, что благоденствіе народа основывается только на его просвѣщеніи, употреблялъ, какъ выше замѣчено, всевозможныя средства къ образованію народа своего, и предуготовилъ успѣхи Русской Словесности, хотя, при жизни своей, и не могъ ихъ видѣть. Творенія писателей его времени носили на себѣ печать XVII вѣка, а изданіе печатныхъ книгъ въ свѣтъ и образцы духовнаго краснорѣчія, хотя и облегчали способы къ установленію языка Русскаго, но еще не могли имѣть на него рѣшительнаго вліянія. Духовные вѣтви временъ Екатерины I прославляли подвиги Петра Великаго. Въ царствованіе Анны Іоанновны

появились многія Проповѣди и поздравительныя Слѣва. Но въ это время нѣкоторые изъ писателей, начали чувствовать необходимость очищенія Россійскаго Слѣва : что доказывалось учрежденіемъ *Россійскаго собранія*, при Академіи Наукъ, подъ начальствомъ Барона Корфа. Впрочемъ о успѣхахъ этого собранія ничего не упоминается. Намъ извѣстно только, что шрудолубивый Тредьяковскій въ Рѣчи своей, которою открыто въ 1735 году первое засѣданіе, предлагалъ, между прочими мѣрами къ усовершенствованію опечественнаго Слѣва, составленіе Словаря, изданіе Грамматики, Риторики и стихопворной науки, также переводы древнихъ и новыхъ авторовъ.

Въ числѣ предметовъ, предначертанныхъ Исторіи Петромъ I для Академіи наукъ, Исторія занимала почетное мѣсто. Во время проѣзда Своего чрезъ Кенигсбергъ, въ 1716 году, Государь Россійскій не оставилъ осмолрѣть тамошнюю библіотеку. Когда, между другими рѣдкостями, показали Ему Радзивиловскаго Нестора; по Онъ пожелалъ имѣть съ него копію. Въ 1722 году повелѣлъ разослать Указы къ Архіереямъ по монастырямъ съ шѣмъ, дабы всѣ находящіеся гдѣ либо Лѣтописцы и Хронографы присланы были въ подлинникъ въ Св. Синодъ, и, по списаніи съ

нихъ вѣрныхъ копій, опосланы были вновь въ свои мѣста. Сверхъ того, приглашаемы были въ разныя времена изъ чужихъ краевъ профессоры, извѣстные трудами своими по части Исторіи. *Байеръ*, одинъ изъ знаменитыхъ историковъ своего времени, былъ вызванъ, въ 1726 году, занявъ должность профессора Исторіи и древностей при С. Петербургской Академіи наукъ. Онъ писалъ о Варягахъ и старался Россійскую Исторію объяснить Византійскими писателями. Прочія сочиненія его напечатаны въ запискахъ Академіи наукъ и въ разныя времена переведены на Русскій языкъ.

Состояніе
Театра.

Въ Главѣ X сказано было о началѣ и состояніи театральныхъ зрѣлищъ въ Россіи до временъ Петра Великаго. Хотя Россія въ царствованіе сего Монарха быстрыми шагами спремилась къ просвѣщенію; но собственно *Русскаго театра* тогда не было. Пётръ I охотнѣе заводилъ *Ассамблеи*; Онъ преимущественно смотрѣлъ на главныя потребности народа; а театръ составляетъ роскошь просвѣщенія. При томъ же, sprawy, которыя болѣе посѣщалъ Пётръ I, и которыя болѣе доставляли ему средствъ для преобразованія своего Государства, не славятся успѣхами въ Драматическомъ искусствѣ. Справы эти были Голландія и Германія. Въ нихъ

театръ состоялъ только изъ грубыхъ и даже непристойныхъ фарсовъ. Посему Петръ I не могъ получить страсти къ театральнымъ зрелищамъ; а что Онъ могъ чувствовать важность ихъ въ народномъ просвѣщеніи, сѣбѣ только припоминать путешествіе Его въ Парижъ, гдѣ Онъ былъ приведенъ въ восхищеніе игрою знаменитаго тогда актера Барона, и, въ знакъ благоволенія своего, подарилъ ему драгоценную золотую шпагу. Это служило доказательствомъ, что онъ умѣлъ цѣнить театральныя достоинства; но зналъ, что время этого совершенства для Россіи еще не настало. (*) Только сочиненіе и представленіе духовныхъ Драмъ продолжалось по Семинаріямъ. Нѣкошорыя изъ этихъ Драмъ имѣли содержаніемъ замѣчательныя событія того времени и были сочиняемы Законоспасскими учителями. И въ духовномъ регламентѣ 1722 года предписано было Семинаріямъ, по нѣскольку разъ въ годъ, для увеселенія учениковъ заставляли ихъ представлять Комедіи. Впрочемъ и переводныя и оригинальныя произведенія того времени не заслуживаютъ въ литературномъ отношеніи ника-

(*) Упоминается однакожъ, что въ 1701 году было вызвано общество Нѣмецкихъ актеровъ изъ Данцига.

кого вниманія : ибо Русскій языкъ въ нихъ такъ искаженъ неправильнымъ употребленіемъ, что трудно узнать его. Пришомъ встрѣчаются безпрестанно перемѣшанныя слова Польскія, Нѣмецкія и Русскія. Замѣчательно, что нѣкоторыя тогдашнія Драмы состояли иногда изъ 12 дѣйствій, и, по продолжительности, не могли быть представляемы въ одинъ вечеръ; а поному раздѣлялись и играны были въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ. Между дѣйствіями являлись шуты, копорые своими кривляньями и площадными оспроамаи увеселяли нашихъ предковъ. Это было не только при комическихъ представленіяхъ, но и при трагическихъ. Актеры смѣшили между дѣйствіями, и, къ особенному удовольствію зрителей, оканчивали свои фарсы дракою. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ пьесъ, игранныхъ на театрѣ до 1709 года: *« О франтолпѣ , Король Эпирскомъ и о Мирандонѣ , сынѣ его, опротихъ. — О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона Ариухъ Фридерихъ фонъ Поппей. — О крѣпости Грубетопи, въ ней же первая персона Александръ , Царь Македонскій, постоянный Патиньлнусъ и другія.*

Когда присутственныя мѣста были переведены изъ Москвы въ С. Петербургъ; по, по желанію Наталіи Алексѣевны, Сестры

Петра Великаго, былъ перенесенъ въ новую столицу и театръ; для него выстроили особенный домъ. Есть преданіе, что Драма-тическія представленія иногда бывали даваемы въ школахъ военныхъ и медицинскихъ, основанныхъ Петромъ Великимъ въ С. Петербургѣ. Жадная къ увеселеніямъ публика собиралась въ праздничные дни въ нѣе заведенія, и съ удовольствіемъ смотрѣла на представленія юныхъ воспитанниковъ. При Ека-теринѣ I театръ не подвигался впередъ; чему нельзя удивляться, принявъ въ соображеніе кратковременность царствованія Монархини, Ея занятія, отсутствіе роскоши при Дворѣ и простому нравовъ. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, при Дворѣ чрезвычайно увеличились пышность и великолѣніе; и эстетическое образованіе могло бы въ это время сдѣлать большіе успѣхи, еслибъ не препятствовали тому внутреннія безпокойства. Императрица любила музыку и театральныя зрѣлища, служившія ей отдохновеніемъ отъ многотрудныхъ Государственныхъ занятій. Она посѣщала театръ, въ которомъ представлялись забавныя фарсы, приносившіе большое удовольствіе Монархинѣ. Въ 1730 году прибыла изъ Дрездена труппа Италіянскихъ актеровъ для представленія интермедій. Въ

первый разъ сценическія искусства Италіи загладили къ намъ на Сѣверѣ. Это пріятное явленіе доставило много удовольствій образованнымъ царедворцамъ, которые спарались даже завести и большую Италіянскую Оперу; для чего въ 1735 году вызваны были изъ Италіи многіе артисты. Въ 1746 г. Французская труппа посѣтила С. Петербургъ; актеры получали большое жалованье и пробыли у насъ долгое время, ежедневно занимаясь представленіями Комедій и Трагедій Французскихъ, которыя въ это время уже достигли высокой степени совершенства. Представленія проходили въ манежахъ. Но Италіянская труппа, болѣею частію, играла во Дворцѣ.

И такъ мы видимъ, что еще въ первой половинѣ XVIII вѣка у насъ начали чувствоваться необходимость театровъ; но оригинальныхъ піесъ и собственно Русскаго театра не было. Честь основанія драматическаго искусства въ Россіи принадлежитъ царствованію Императрицы Елисаветы; съ этого только времени можно положить начало Русскаго народнаго театра.

ГЛАВА XIII.

Духовные писатели времени Петра I.

Св. *Димитрій*, митрополитъ Ростовскій, знаменитый поборникъ Вѣры и добродѣтели, украшенъ былъ необыкновенными познаніями, и былъ употребляемъ въ дѣлахъ духовныхъ Пепромъ Великимъ. Онъ написалъ *Житія Святыхъ* Грекороссійскія Церкви, подъ именемъ *Четы-Минеи*. Достопамятная книга сія, какъ важный памятникъ погдашней Импературы нашей, изложена пакимъ слогомъ, въ кошоромъ щщательно соблюдены ужѣ правила Грамматическія, и кошорый долженъ служить образцовымъ для всѣхъ упражняющихся въ Церковномъ красворчїи. Сверхъ того, онъ написалъ *Алфавитъ Духовный*, или правоучительныя увѣщанія, и, такъ называемый, *Розыскъ* прошивъ раскольниковъ. Соспавлялъ Библейскія *Апѣтописи* и сочинялъ силлабическими спѣхами Драмы духовнаго содержанія. *Почитательныя же Слова* сего архипастыря исполнены Христїанскаго правоученія.

Стефанъ Яворскій былъ знаменитый духовный орашоръ, взысканный гениемъ Пе-

ишра Великаго и возведенный имъ на степень президента Св. Синода. Обогащивши себя свѣдѣніями въ Кіевской Академіи и въ Польскихъ училищахъ, Яворскій оставилъ въ своихъ твореніяхъ памятникъ ума обширнаго и плодотворнаго; былъ ученѣйшій защитникъ Православія. Не смотря на то, что главное его занятіе состояло въ управленіи Церковію, онъ не былъ безмолвнымъ зрителемъ подвиговъ Пешра Великаго, и написалъ нѣсколько торжественныхъ и похвальныхъ Словъ, въ которыхъ наблюдалъ чистый Славянскій слогъ. Проповѣди его, чисто догматическія и нравственныя, исполнены мѣстъ проглагольных, оживленныхъ и согрѣвшихъ теплою чувствованій. Мысли, составляющія основу его Проповѣдей, онъ развивалъ посредствомъ текстовъ, не рѣдко приносивъ ихъ къ извѣстнымъ случаямъ; объяснялъ мнѣніями Св. Отцовъ, а не рѣдко заимствовалъ доказательства изъ писателей языческихъ. Къ отличнымъ сочиненіямъ Яворскаго относятся: *Камень въры православно-каѳолическія Восточныя Церкви* и проч. гдѣ онъ старался опровергнуть разные несправедливыя ученія, вкравшіяся въ Восточную Церковь. Книга эта возродила многіе споры между богословами Греко-Россійскими и Реформатскими. Онъ писалъ такъ

же оповѣсти въ Сорбонскую Академію и сплести на разные случаи.

Ееофанъ Прокоповичъ, первенствующій членъ Св. Синода, прозванный Россійскимъ Златоустомъ, обширными свѣдѣніями въ Богословіи, Философіи, Словесности, Истории, Политикѣ и законовѣденіи Церковномъ и гражданскомъ удивлялъ современниковъ. Всѣхъ сочиненій его, относящихся къ разнымъ предметамъ, считается до 70. Ееофанъ преимущественно занимался краснорѣчіемъ Церковно-Политическимъ. Всѣ важнѣйшія событія царствованія Петра Великаго были предметами, воодушевлявшими воображеніе, умъ и сердце Ееофана. Возвышенная душа сего пастыря Церкви, понимавшая высокія намѣренія Царя-героя и его сподвижниковъ, была органомъ, торжественно вѣщавшимъ о пользѣ всѣхъ тогдашнихъ новоучрежденій, имѣвшихъ вліяніе на судьбу Россіи. Въ похвальныхъ Словахъ и Рѣчахъ его на разные случаи живо изображено, глубоко почувствовано все, что въ его время относилось къ славѣ и пользѣ народа Русскаго. Только умъ и дарованія этого проповѣдника доспашочны были къ прославленію мудрости и силы Преобразователя Россіи. Ееофанъ говорилъ много пріятственныхъ Рѣчей своему Монарху, по случаю возвращенія

Его изъ чужихъ краевъ , посѣщенія Кіева и проч. и, при погребеніи Его, произнесъ краткую Рѣчь , начало копорой особенно составляетъ одно изъ поразительныхъ и проникнутыхъ живымъ чувствомъ мѣстъ:» Чію се еси?» вопрошаетъ ораторъ въ порывѣ горести «до чего мы дожили Россіане? чію «видимъ , чію дѣлаемъ? Пешра Великаго по- «гребаемъ! Не мечпаніе ли сіе? не сонное ли «привидѣніе? Ахъ! какъ истинная печаль! «какъ извѣстное наше злокаюченіе! Вино- «вникъ безчисленныхъ благодѣяній и нашихъ «радостей , воскресившій аки опъ мерп- «выхъ Россію и воздвигшій въ такую силу «и славу , или паче родившій и воспишав- «шій , прямой сый опечесива нашего Отецъ , «копорому по его достоинству , добрин рос- «сійскіи сынове безсмертну быти желали , «по лѣпамъ же и составу крѣпости , мно- «голѣпно еще живи имущаго вси надѣли- «ся, прошивно и желанію и чаянію скон- «чалъ жизнь! Довольно видимъ , колъ про- «гнѣвали Тебѣ , о Боже нашъ ! и какъ раз- «дражили долготерпѣніе Твое ! о недостой- «ныхъ и бѣдныхъ насъ ! о грѣховъ нашихъ «безмѣрія ! » .. Можно ли прогнѣдѣнѣ изъ- яснить чувство горести , поразившей сердца Россіанъ преждевременною кончиною Мо- нарха—благодѣтеля? Сердце истинно Русское,

любящее благочестіе и благоговѣющее къ памяти незабвеннаго Преобразователя Россіи, всегда будетъ уважать Θεофана, опличавшагося истиннымъ паланшомъ, который заспавляетъ забыть негладкость и неспропу слога, свойственнаго тому времени.

Гавріиль Бужинскій, епископъ Рязанскій, прославился своими Проповѣдями, для содержанія которыхъ предметы избиралъ изъ круга происшествій и дѣлъ гражданскихъ, и преимущественно военныхъ, по самому роду своей обязанности. Онъ, по званію Оберъ-Іеромонаха на флотѣ, сопутствовалъ Петру Великому въ Его походахъ, и въ присущствіи Монарха произносилъ предъ воинами много одобрительныхъ и похвальныхъ Рѣчей. Планъ своихъ Проповѣдей онъ основывалъ на текстахъ Св. Писанія, удачно выбранныхъ и приноровленныхъ къ извѣстнымъ случаямъ. Почти всѣ Рѣчи сего пастыря, при силѣ, основательности и обиліи мыслей, при искусномъ выборѣ и связи речей, украшены цѣпами воображенія, не столь яркими и свѣжими, какіе встрѣчаются у Θεофана, но почти всегда естественными и вѣрными. Если Бужинскій и не возвышается до торжественности, господствующей въ политическихъ Рѣчахъ Θεофана, за то въ планъ его вѣсть неровностей, замѣтныхъ въ красно-

рѣчи сего послѣдняго ; самый языкъ въ словахъ его стройнѣе и ровнѣе , нежели въ твореніяхъ Яворскаго и Теофана. Въ отношеніи къ выбору мыслей и примѣровъ , служившихъ для раскрытія истинъ , избираемыхъ для поученій , Бужинскій былъ разборчивѣе прочихъ современныхъ ему проповѣдниковъ. Пётръ I не рѣдко поручалъ ему переводы книгъ , изъ коихъ изданы : а) *Пуффендорфово введеніе въ Исторію Европейскихъ державъ* ; б) *о должности человека и гражданина* и нѣкоторыя другія.

Примѣчаніе 1-е. Нужно ли говорить о недостаткахъ , встрѣчающихся въ твореніяхъ упомянутыхъ здѣсь проповѣдниковъ. Всѣ ихъ недостатки и спранныя могутъ быть извиняемы тогдашнимъ состояніемъ языка нашего и обстоятельствомъ самихъ писателей. При спрогѣ разборъ ихъ не должно терять изъ виду и того , что они жили въ такія времена , когда и одно стремленіе къ просвѣщенію почиталось въ нашемъ отечествѣ признакомъ великаго ума , и когда никто не заботился объ улучшеніи языка отечественнаго. Вкусъ же—въ Христіанскихъ представленіяхъ ссылались на мнѣнія языческихъ писателей , приводили примѣры изъ Всеобщей Исторіи и даже Мифологіи Грековъ и

Римляны, они переняли у Подольских проповедников своих учителей.

Примѣчаніе 2-е. Прочіе духовные писатели, явившіеся въ концѣ XVII вѣка, получили также образованіе въ Кіевской Академіи и въ училищахъ, по образцу ея успроенныхъ. Такъ какъ въ то время всѣ науки чинались на Латынскомъ и Польскомъ языкахъ, отъ того книжный языкъ нашъ наполнялся Латынскими и Польскими выраженіями, вытѣснившими изъ употребленія многіе Русскіе обороты. Сверхъ того слѣпое подражаніе Римскимъ писателямъ, особенно ораторамъ, ввело въ нашу Литературу какое то неясственное словотеченіе и искусственную высокопарность. А потому писатели этого времени, принявшіе у насъ самое странное направленіе, мало соответствовали характеру и духу народному; и даже лучшіе изъ нихъ много говорили для ума, а мало для сердца.

ГЛАВА XIV.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕТРУ I и АННѢ ІОАННОВНѢ
ПИСАТЕЛИ СВѢТСКІЕ.

Князь Антиохъ Кантемиръ, скончавшійся въ 1744 году, при государственныхъ дол-

*

жностяхъ, занимался Русскою Словесностію, и былъ первымъ стихотворцемъ своего времени. Къ важнѣйшимъ сочиненіямъ и переводамъ его относятся: 1) *Восемь Сатиръ*, писанныхъ 13-ми сложными Силлабическими стихами; 2) *Десять писемъ Гораціевыхъ*, — бѣлыми стихами съ приложеніемъ письма о Русскомъ стихосложеніи; 3) *Разговоры о множествахъ міровъ*, — Фоншенеля. Сверхъ сего, многія, переведенныя имъ сочиненія, по большей части, древнихъ писателей, находящіяся въ рукописяхъ. — Не смотря на избранный Кантемиромъ для своихъ стихотвореній Польскій размѣръ, они всегда будутъ имѣть цѣну по внутреннимъ своимъ достоинствамъ: — остроумію, веселости, вѣрности въ описаніяхъ народа Русскаго, его слабостей, привычекъ и другихъ свойствъ.

Татищевъ, Тайный Совѣтникъ, скончавшійся въ 1750 году, славился обширными познаніями въ наукахъ. Изъ сочиненій его извѣстны: 1) *Исторія Россійская отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ чрезъ 30 лѣтъ собранная и описанная*; 2) *Полная Россійская Географія*, изданная въ 1745 году; 3) *Лексиконъ Россійскій, историческій, политическій и гражданскій*, доведенный только до буквы *Л*, напечатанъ въ 1793 году. Сверхъ того онъ изъяснилъ примѣчаніями *Русскую Правду*

и *Судебникъ* Царя Іоанна Васильевича. — Исторія Тапищева, долго хранившаяся въ спискахъ и почиавшаяся государственною тайною, не подлежащею печати, уже напечатана исторіографомъ Миллеромъ по повелѣнію Екашеріны II.

Князь Хилковъ, Ближній Бояринъ и Спольшникъ Петра Великаго, находился въ званіи Резиденца въ Швеціи при Карлѣ XII, и, по открытіи войны между Россіею и Швеціею, онъ подвергся заключенію и тамъ сочинилъ: *Ядро Россійской Исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго*. Эта книга, изданная Миллеромъ, упошреблялась въ нашихъ училищахъ, по ведомству лучшей Исторіи.

Тредьяковскій род. въ 1703 году, былъ первый изъ Россіянъ профессоромъ Красноръчія, обучался въ Парижскомъ университетѣ, и слушалъ уроки Красноръчія и Исторіи у знаменитаго Роллена. Если бы даръ природы соотвѣтствовалъ неупомимому трудолюбію, учености и любви къ наукамъ въ Тредьяковскомъ; то Словесность наша получила бы необыкновенное приращеніе множествомъ его произведеній. Творенія его суть: 1) *Способъ Россійскаго стихосложенія*; 2) *Дейдамія* — Трагедія въ пяти актахъ; 3) *Разговоръ между мужественнымъ человекомъ*

и *Россійскимъ* объ ортографіи старинной и новой; 4) *Три разсужденія о древностяхъ Россійскихъ* и проч. — Онъ писалъ также Оды, Идилліи, Басни; переложилъ Телемака экзаметрами, перевелъ *Науку стихотворства* Боало, также древнюю и *Римскую Исторію Роллена*, въ 26 томахъ, съ примѣчаніями, доказывающими глубокую его ученость. Слогъ его прозы довольно правиленъ, но весьма тяжель. Но Тредьяковскій особенно замѣчающаго пѣмъ, что онъ первый началъ предлагать объ освобожденіи Русской поэзіи отъ Польскаго размѣра, вмѣсто котораго онъ указалъ на Греческій.

Изъ другихъ писателей того времени извѣстны: 1) *Петръ Буслаевъ*, написавшій поэму *Силлабическими стихами* подъ названіемъ: *Умозрительство духовное о переселеніи въ вѣчную жизнь Баронессы Маріи Строгоновой*; 2) *Леонтій Магницкій*, первый учитель Математики изъ Русскихъ, издалъ въ 1703 г. первую *Арифметику* Арабскими цифрами, напечатанную Славянскими буквами; до его же времени у насъ употреблялись азбучныя цифры; 3) *Климовскій*, козакъ, жившій около 1724 года, сочинилъ Силлабическими стихами поэму: *О правдѣ, и великодушій благодѣтелей* и нѣсколько прелестныхъ пѣсень, наприм. «Не хочу я никого,

иполько шебя одного...» 4) *Крашенинниковъ* издалъ *Описаніе Камчатки* и перевелъ *Квинта Курція*; — слогъ его въ свое время почитался образцовымъ; 5) *Кириа Даниловъ* былъ сочинителемъ и собираиелемъ многихъ просопоародныхъ спихотвореній Русскихъ, которыя изданы въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1804 году; 6) *Илья Копіевичъ*, ученый Бѣлоруссъ, по волѣ Петра I, сочинялъ, переводилъ и печаталъ въ Амстердамѣ книги для употребленія народа Русскаго: ихъ извѣстно болѣе двадцати.

ГЛАВА XV.

Успѣхи языка и Словесности въ царствованіе
Елисаветы.

Прежде было упомянуто, что, въ продолженіе XVI и XVII столѣтій, Русская Литература шла къ нынѣшнему своему совершенству другимъ совсѣмъ путемъ, нежели въ предшествовавшія пять столѣтій. Она увлечена была правилами чужеземныхъ Литературъ, и, стараясь достигнуть совершенства по этимъ правиламъ, теряла всю свою прежнюю оригинальность. Это доставило ей ученость, но отняло лучшія краски

спемы и безъ правилъ. Въ сочиненіяхъ своихъ, держась преимущественно Лапшевскаго словопеченія, онъ не могъ освободиться отъ слишкомъ правильныхъ, но естественныхъ періодовъ. Впрочемъ послѣдователи Ломоносова не поняли его, и вмѣсто того, чтобы докончить начатое имъ, одни слѣпо подражали ему, а другіе придерживались слога Тредьяковского. Духовные же писатели того времени болѣе подражали Теофану и Гаврилу, нежели новому образцовому писателю.

Введеніе Лирическаго и Драмагическаго развѣра стиховъ.

Ломоносовъ почитается также творцемъ *Русской классической поэзіи*. Онъ, давъ юной поэзіи нашей новыя формы и мѣру стиховъ, испытывалъ свои силы въ родѣ Лирическомъ, Дидактическомъ, въ Эпосѣ и Драмѣ; — и образцами своими надолго утвердилъ въ нашей Словесности формы разныхъ стихотвореній. Лирическая поэзія до него заключалась въ однихъ народныхъ пѣсняхъ и нѣкоторыхъ духовныхъ Псалмахъ Симеона Полоцкаго и Св. Дмитрія Ростовскаго. — Ломоносовъ первый показалъ образцы высокихъ торжественныхъ Одъ, написалъ нѣсколько Псалмовъ, которые доселѣ поются гражданами и поселянами. Онъ восхищался экзаметрами, но самъ не употреблялъ ихъ; писалъ только *ямбами* и *хорейми*; и эти стопы въ нашемъ стихотворствѣ остава-

лись единственными почти до нынешняго столѣтія. Современникъ Ломоносова *А. Сумароковъ* написалъ *Александрійскими стихами* нѣсколько Трагедій, которыя онъ составлялъ строго по Французскимъ формамъ. Его примѣръ такъ сильно подвѣшивалъ на послѣдующихъ писателей драматическихъ, что они никогда не думали о существованіи другихъ въ Европѣ театровъ, кромѣ Французскаго, и произведеніями своими не пробуждали національнаго духа.

По возшествіи на Престолъ Императрицы Елисаветы, началась собственно *Литература* Русская. Сочиненія *Ломоносова* возбуждали въ Россіи любовь къ изящной Словесности. *Сумароковъ*, не имѣя ни гонія, ни похвалы Ломоносова, упражнялся въ различныхъ родахъ Поэзіи, приближаясь къ понятіямъ современниковъ. Въ то же время начали появляться и журналы въ нашей Имперіи, много способствовавшіе развитію ея и обществу образованію. Первымъ періодическимъ изданіемъ обязаны мы Издателямъ *Миллеру*, который съ 1755 года началъ издавать первый въ Россіи литературный журналъ: *Ежемесячныя сочиненія, къ пользѣ и удовольствію служащія*, и продолжалъ полезнѣйшее занятіе до 1765 года. Въ журналъ этотъ помещаемы были всѣ

Успѣхи Литературы при Елисаветѣ.

Появленіе журналовъ.

произведенія извѣстныхъ тогда писателей. Припомъ же, повременное это изданіе, распространенія вкупѣ къ чтенію во многихъ сословіяхъ, подало поводъ къ началу другихъ журналовъ. За симъ появились: *Трудолюбія телѣ,*—*Сумарокова*; *Московскія вѣдомости*; *Свободные часы*,—*Хераскова*; *Невинное утѣшеніе*, — *Богдановича*.

Проповѣдники.

Между духовными орашорами временъ Елисаветы замѣчательны: 1) *Димитрій Стегеновъ*, митрополишъ Новгородскій, котораго поученія отличались ясностію слога, рѣзкостію мыслей, силою выраженій, чистотою Христіанскаго ученія, и смѣлымъ изображеніемъ мірскихъ пороковъ; 2) *Амвросій Юскевичъ*; и 3) придворный проповѣдникъ *Гедеонъ Кривовскій*, который, вопреки обыкновенію своихъ современниковъ, уже употреблялъ языкъ гражданскій съ его оборотами. Обладалъ рѣдкимъ даромъ Краснорѣчія. Гедеонъ справедливо назывался вторымъ Феофаномъ. Онъ умѣлъ также пользоваться обстоятельствомъ времени; напри-мѣръ, ужасное Лиссабонское землетрясеніе послужило ему матеріею одного изъ лучшихъ Словъ его.

Образованіе слога Орашорскаго.

Къ образцовымъ прозаическимъ произведеніямъ этого времени, остающимся донынѣ неподражаемыми, должно отнести два

Похвальные слова, Ломоносова. — Тогда не было еще слога легкаго, письменнаго, разговорнаго: Комедіи, письма, разговоры погдашняго времени писаны грубымъ, тяжелымъ языкомъ. — Ломоносовъ подражалъ Цицерону и младшему Плинію, слова заимствовалъ изъ языковъ Богослужебнаго и народнаго, и силою генія могъ различить и оцѣнить каждое изъ нихъ; но легкій разговорный слогъ пребуешь выраженій и оборотовъ, упошребляемыхъ въ благородныхъ общесѣвахъ, а въ общесѣвахъ погдашняго времени говорили не по-Русски. — При Императрицѣ Аннѣ, въ высшихъ общесѣвахъ говорили по-Нѣмецки, а въ царствованіе Елисаветы сначала господствовалъ Италіанскій языкъ, а потомъ Французскій; погда дѣлились обрабатывать свое самородное золото, и не умѣли цѣнить всего богатства и величія языка отечественнаго.

Въ Главѣ XII замѣчено было, что при Начало Рус-
Аннѣ Іоанновнѣ уже начали чувствовать не- ского народ-
необходимость театровъ; но оригинальных наго театра.
нѣтъ и собственно Русскаго театра еще не было. Честъ основанія народнаго нашего театра принадлежитъ царствованію Императрицы Елисаветы.

Ошцемъ драматическаго искусства въ Россіи справедливо почитаютъ А. П. Суми-

рокова. Въ самыхъ юныхъ лѣтахъ полюбилъ онъ театральныя зрѣлища, и, воспитывавшись въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, съ жаромъ предавался чтенію Французскихъ трагиковъ. Природныя дарованія усовершеншились въ немъ чтеніемъ великихъ образцовъ, и онъ почувствовалъ въ себѣ способность писать Трагедіи. Первые опыты его произведеній, игравныхъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, заслужили ему похвалы. — Наконецъ кадеты рѣшились представить свои слабыя труды на судъ Монархини, и имѣли счастье заслужить Ея вниманіе. — Сумароковъ, поощренный къ дальнѣйшимъ трудамъ, вскорѣ послѣ *Хорева* написалъ *Семиру*, *Синава*. — Всѣ этъ пьесы сначала были представляемы въ Корпусѣ; по учрежденіи же всенароднаго театра, онѣ тамъ прекратились.

Справедливость требуетъ сказать, что Сумароковъ далъ примѣтное движеніе театру Русскому. Если будемъ сравнивать шворенія его съ драматическими произведеніями его современниковъ; то найдемъ, что онъ превзошелъ не только Тредьяковскаго, но и Ломоносова. Дѣйствія, завязки, развязки, неожиданныя случаи и проч. все это было расположено въ порядкѣ и съ наблюденіемъ основныхъ условій драматическаго

искусства. Его *Хоревъ* и *Семира* имѣютъ завязку истинно трагическую, характеры, почти всѣ выдержаны, дѣйствіе натурально и занимательность не ослаблена. При всемъ томъ, Трагедіи Сумарокова, по неблагородству разговора и низости слога, не долго держались на нашемъ театръ, исключая *Дмитрія Самозванца*. Что же касается до его Комедій, то онѣ ниже посредственнаго, и показываютъ младенчество искусства. Можетъ быть, Сумароковъ и успѣлъ бы усовершенить себя въ драматическихъ произведеніяхъ; но онѣ писалъ почти во всѣхъ родахъ; а потому самое время и разнообразіе занятій не позволяли ему обрабатывать своихъ твореній.

Около этого времени образовался театръ Русскій въ Ярославль трудами Коспромскаго купца *Федора Волкова*. Онъ, бывши въ Петербургъ, имѣлъ случай видѣть представленія придворныхъ Италіянскихъ актеровъ; и по возвращеніи въ Ярославль, при покровительствѣ Мусина-Пушкина и Майкова, построилъ театръ, вмѣщавшій до тысячи зрителей. Объ учрежденіи этого провинціального театра узнали и при Дворѣ, куда, въ 1752 году, Волковъ и испребованъ былъ со всѣми своими товарищами; а въ 1756 году состоялся Имянный указъ объ учрежде-

ніи публичнаго Русскаго театра. Въ то же время на театрѣ были приняты и актрисы; дополъ женскія роли представляемы были мужчинами. Въ 1759 году, Волковъ, по Высочайшему повелѣнію, основалъ Русскій театръ въ Москвѣ. Единственнымъ тогда у насъ драматическимъ писателемъ былъ *Сумароковъ*,⁶ на Русскомъ театрѣ играли только его Трагедіи, перемеживая ихъ кое-когда съ фарсами, переведенными съ иностранныхъ языковъ. Въ 1757 году репертуаръ Русскаго театра состоялъ изъ 4 трагедій, 2 фарсовъ и 2 небольшихъ оперъ: все работы Сумарокова, и переводы: *Скупago*, *Лькаря по неволѣ* и *Скитиновыхъ обмановъ*.

Успѣхи *Сумарокова* породили соревнованіе во многихъ тогдашнихъ литераторахъ, у которыхъ, между прочимъ, явилось желаніе не шумить⁷ а важничать. Они почитали Комедію зайятіемъ маловажнымъ, думая, что смѣшныя прилично шуму, а не литератору, и бросились въ Трагедіи, гдѣ громкія фразы, лучше удовлетворяли младенчествующее ихъ воображеніе, точно такъ какъ изъ другихъ родовъ поэзіи Ода была предпочтена всѣмъ. Къ этому должно присоединить справную мысль тогдашнихъ нашихъ писателей, что можно передѣлывать иностранныя творе-

нія на Русскіе нравы, перемѣняя только имена и мѣсто дѣйствія. Зритель же въ комедіи правилось только нелѣпо-смѣшное.

ГЛАВА XVI.

Успѣхи языка и Словесности въ царствованіе Екатерины II.

Въ первые годы царствованія Екатерины II языкъ Русскій мало уклонился отъ направленія, даннаго ему Ломоносовымъ. Этимологическій словарь Русскаго языка, изданный Россійскою Академіею въ 6 частяхъ, особенно способствовалъ къ усовершенствованію языка и обогащенію Словесности. Въ семидесятихъ годахъ начали появляться переводы *Елагина*, писанные хорошимъ Русскимъ языкомъ, но слишкомъ перемѣшаннымъ съ Славянскими словами. Впрочемъ эти переводы, за недостаткомъ другихъ лучшихъ прозаическихъ сочиненій, охотно были читаемы. Въ особенності же замѣчательно въ это время образованіе *высшаго дипломатическаго слога*, заключающаго въ себѣ Манифесты, Указы, Рескрипты, Рѣчи Монарха.

Состояніе языка.
Переводы Елагина и Дипломатическій слогъ.

ЧАСТЬ IV.

нархамъ опъ Синода , Государственнаго Совѣща и Сената. Сочиненіемъ Манифестовъ въ то время занимались Сенаторъ *Тепловъ*, Канцлеръ *К. Безбородко*, *Графъ Завадовскій* и *Храповицкій*.

Языкъ поэ-
зіи.

Языкъ Лирической поэзіи получилъ новую жизнь подъ перомъ *Петрова*, но преимущественно *Державина*, геній котораго, въ минуты восторженныхъ видѣній, созерцалъ славу Творца, и обнималъ всю природу во всѣхъ ея ужасахъ, великолѣпін и прелестяхъ. *Державинъ* въ XVIII столѣтіи едва ли не одинъ можешь назваться прямо Русскимъ поэтомъ; въ немъ все его собственное: слогъ, картины, краски, предметы. Въкѣ Екатерины II со всею Русскою славою неизгладимо изображенъ симъ единственнымъ поэтомъ. *Державину*, для разнообразныхъ переливовъ его чувства и тончайшихъ движеній воображеніи, часто недоставало въ языкѣ словъ; для сего онъ изобрѣталъ новыя, вводилъ въ употребленіе устарѣлыя и сложныя, облагораживалъ низкія; онъ позволялъ смѣлые обороты и перестановки; и все это, давая особенную оригинальность его слову, оспалось достояніемъ Русскаго языка. (*) Между тѣмъ

(*) Характеристика твореній *Державина* приведена въ Писшикѣ при разсмотрѣніи извѣстныхъ сочинителей *Оды*.

образовался мало по малу слогъ и другихъ отраслей Поэзіи. Преемникомъ Сумарокова въ искусствѣ драматическомъ былъ *Княжичъ*. Слогъ его чище, благороднѣе, нежели слогъ Сумарокова. *Богдановичъ* долго не имѣлъ соперниковъ въ простотѣ и легкости; при видѣ его *Душеньки*, сами Граціи улыбнулись. *Фонъ-Визинъ* погдашнему времени принадлежалъ созданною имъ Русскою комедіею. Впрочемъ онъ болѣе представлялъ собою вообще Русскій умъ, отразившійся въ настоящемъ Русскомъ языкѣ со всѣми его особенностями. *Хемницеръ* въ басняхъ своихъ одушевлялъ неодушевленное и соединялъ нравовѣденіе съ пріятностями поэзіи и неподражаемымъ просподушіемъ.

Екатерина II, возведя Россію на высшую ^{Успѣхи Литературы.} степенъ политической славы, вознесла и Русскую Словесность, которая была предметомъ особеннаго Ея благоволенія и покровительства. Она знала сильное ея вліяніе на образованіе народа и счастіе жизни. Испытала дарованія всегда имѣли право на лестныя похвалы Монархини. Ея учрежденія, усиленные широкими благодѣяніями, вынуждали успѣхи талантовъ. Россійская Академія, Департаментъ для перевода иностранныхъ книгъ, народныя училища и многія другія введенія основаны по Ея велѣнію. При Ея

же попечительности, начертаны правила
общественнаго и частнаго воспитанія, луч-
шія произведенія древнихъ и новѣйшихъ пи-
сателей появились на Русскомъ языкѣ и имѣ-
ли вліяніе на образованіе народное. « Пётръ
« Великій, говоритъ Карамзинъ, хотѣлъ воз-
« высить насъ на степень просвѣщенныхъ
« людей, Екатерина хотѣла обходиться съ
« нами, какъ съ людьми просвѣщенными. »
Книгопечатанію дана была благоразумная сво-
бода, завсѣли вольныя типографіи. Въспѣ-
съ шѣмъ Московскій Университетъ имѣлъ
весьма ощутительное вліяніе на успѣхи отече-
ственной Словесности, образовавъ по ча-
сти ея опличныхъ людей. Екатерина съ удо-
вольствіемъ взирала на созрѣвающіе плоды
трудовъ своихъ, и, при всей скромности,
съ какою обыкновенно отзывалась объ успѣ-
хѣ своихъ постановленій, показала преимуще-
ство нашего языка предъ Французскимъ
въ письмѣ своемъ къ Вольтеру. « Нѣтъ ниче-
« го труднѣе, говоритъ она, какъ перенести
« на языкъ Французскій что либо написан-
« ное на Русскомъ. Эпохъ послѣдній стоить
« богаты и выразишель и шерпнть шакіе
« обороты и соспавленія словъ, что изъ не-
« го можно сдѣлать все, что угодно; а вашъ
« столь ученъ и столь бѣденъ, что надобно

«быть вами, чтобъ сдѣлать изъ него такое употребленіе, какое вы сдѣлали.»

Слѣдствіемъ благопврныхъ мѣръ Вели-Спихотвор-
кой Монархини было появленіе писателей во-цы.
многихъ отрасляхъ Литературы. Изъ замѣ-
чательныхъ спихотворцевъ того времени
были, кромѣ, прежде упомянутыхъ: *Херас-*
ковъ, который хоща и заимствовалъ изъ
Русской Исторіи содержаніе поэмъ своихъ;
но они не сдѣлались любимымъ чтеніемъ на-
ци, по недоспашку народности; *Капнистъ*,
Костровъ, *Нелѣдинскій-Мелецкій*, *Бобровъ*,
Николевъ, *Майковъ*, *Аблесимовъ*, *Хвостовъ*,
и Князь Долгорукій. Но всѣ сіи писатели
шли по пути, проложенному Ломоносовымъ
и Державинымъ, которые на небосклонѣ на-
шей Литературы были единственными поэ-
тическими созвѣздіями, блестящими для
вѣковъ.

Вѣкъ Екатерины II ознаменованъ былъ Проповѣди-
также появленіемъ знаменитыхъ пастырей-ки.
Церкви. 1) *Георгій Конисскій* архіепископъ
Бѣлорусскій, почитается однимъ изъ пер-
выхъ духовныхъ орапоровъ и ученѣйшихъ
пастырей своего времени. Онъ былъ рев-
ностный, смѣлый и краснорѣчивый защит-
никъ правоты и истины. Замѣчательныя
рѣчи его: *Латинская*, говоренная предъ Ко-
ролемъ Синаиславомъ (1765) въ Варшавѣ,

и *Русская*, произнесенная при коронаваніи Императрицы Екатерины II. Но плодомъ истиннаго вдохновенія считается *привычка* *Речь* его, по случаю проѣзда Императрицы чрезъ городъ Мстиславль. — Сила мыслей, оригинальность взгляда и высокая простота составляютъ въ Конисскомъ до-стоинство неподражаемое; а потому чтеніе твореній его весьма полезно для каждаго Христіанина и любителя назидательнаго чтенія. — При изданномъ недавно собраніи сочиненій сего пастыря помѣщено въ началѣ жизнеописаніе его, любовышное не только въразсужденіи знаменитаго челоуѣка, котораго дѣйствія изображаются, но также историческими подробностями о состояніи Православной Церкви въ Бѣлоруссіи до возвращенія этой провинціи подъ Всероссійскій скипетръ. — 2) *Анастасій Братановскій* умѣлъ въ Проповѣдяхъ своихъ самыя оп-веченныя истины излагать слогомъ пріят-нымъ и разнообразнымъ. Языкъ Проповѣдей его простой, общепонятный, и приближаемый въ формахъ къ языку новѣйшему. — 3) *Платонъ*, митрополитъ Московскій, съ необы-кновеннымъ талантомъ краснорѣчія, соеди-нялъ отличныя дары увлекать слушателей выразительностію органа, лица и тѣлодви-женій; былъ истиннымъ свѣтиломъ, наше-

Православныя Церкви. — Онъ возвышалъ слушателямъ истину небесную и пышность благъ земныхъ, чистую вѣру и добродѣтель гласомъ величественнымъ, выспреннимъ, какъ вдохновенный служитель Бога; освещенная пышною мудросію, почтенными сѣдинами, любезною кротосію и Христіанскимъ смиреніемъ сановитость возвышала силу его проповѣданія. Вообщѣ всѣ ораторскія шворенія Платона, проникнутыя восторженностью истиннаго генія, усваиваютъ имени его право на безсмертіе. — 4) *Леванда*, Кіевскій протоіерей, хотя и не обладалъ пріятностью слога, но зрѣлосію и глубина мыслей, сѣняемыхъ глубокими чувствованіями, основательность и сила доводовъ, занимательность изъ ума, опыта, писаній Св. Отцевъ и Св. книгъ: вопіють о совершенствѣ, которыми отличаются шворенія сего проповѣдника.

Со вступленія на престолъ Екатерины II ^{Успѣхи Истории.} обращено было особенное вниманіе на историческую Исторію; до Ея времени не смѣли печатать лѣтописей и даже писать о нихъ. — *СинOPSIS Иннокентія Гизеля* былъ единственною учебною книгою до половины XVIII столѣтія. — Съ этого времени Исторія наша приходила въ ясность, и началъ смѣло произносить имена славныя и священ-

ныя для нашей памяти. *Татищевъ, Болтинъ, Еминъ, Елагинъ и Плещеевъ* оставлены замѣчательными какъ собиратели материаловъ, относящихся къ Россійской Исторіи. — *Новиковъ* издалъ древнюю Россійскую описовку; также напечатаны были повседневныя записки *Царей Михаила Федоровича и Алексія Михайловича* и проч. *Голиковъ* напечаталъ XVIII томовъ *Дѣяній Петра Великаго*. — Въ 1780 году, послѣдовалъ отъ Императрицы Екатерины II на имя Св. Синода Указъ, попомъ повторенный въ 1794 году, слѣдующаго содержанія: для общей пользы и для споспѣшествованія Россійской Исторіи, изъ представленныхъ Ея Величеству двухъ реэспровъ отъ Синодальной и типографской библіотекъ въ Москвѣ о древнихъ Россійскихъ лѣтописяхъ, подъ присмотромъ благонадежныхъ людей, списывать копія съ тѣхъ, кои по вѣтхости къ разобранію трудны, и важнѣйшія изъ нихъ печатать, а потомъ приниматься по порядку и за другія. — Сверхъ того освѣдомляться о рукописяхъ въ монастыряхъ Троицкомъ и другихъ. — Въ слѣдствіе этого, при Московской Синодальной типографіи отпечатаны: *Лѣтописецъ Новгородскій, Лѣтописецъ Архангельскій*, также Россійская лѣтопись по списку Соейскому Великаго Новгорода. —

Около того же времени печатались Степенныя книги, Исторія Тапшцева, лѣтопись о многихъ мѣщежахъ, по смерти Царя Іоанна Васильевича до 1655 года, и сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря Поляками и Липвою въ продолженіе тѣхъ же безпокойствъ. Но *Миллеръ* и *Шлецеръ* оказали незабвенныя услуги нашей Исторіи изданіемъ и объясненіемъ многихъ ея источниковъ. *Миллеръ*, по прибытіи въ Россію, занялся собираніемъ матеріаловъ для Русской Исторіи и особенно обратилъ вниманіе на Нестора; послѣ путешествіевъ десять лѣтъ по Сибири и собралъ многіе драгоцѣнные историческіе матеріалы. По возвращеніи своемъ, въ званіи Русскаго исторіографа, онъ опредѣленъ къ разбору и описанію Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Труды его относительно Русской Исторіи заслуживаютъ всякое уваженіе. Болѣе же всѣхъ Россійская Исторія обязана *Шлецеру*. Остроумною кришикою онъ возстановилъ не только нашего Нестора, но и вообще достоинство самой Исторіи. Начертанныя имъ правила несомнѣнны; опустивъ отъ нихъ, вся Исторія могла бы обратиться въ собраніе нелѣпыхъ вымысловъ, и истина, главное основаніе этой науки, должна бы изъ-

чезнуть. Впрочемъ какое-то тщеславіе, увлекавшее Шлецера къ преніямъ, иногда совершен. но ничтожнымъ и бесполезнымъ, можетъ быть вѣнчено ему въ погрѣшность, зашмѣвающую его славу.

Журналы.

Въ то время издавались журналы: *Собесѣдникъ любителей Русскаго слова*, гдѣ печатались стихотворенія Державина и прозаическія статьи Фонъ-Визина; *С. Петербургскій вѣстникъ*, изданіемъ, котораго занимались Богдановичъ, потѣмъ Пнинъ и другіе писатели; *Трудолюбивый муравей*; *С. Петербургскій Меркурій*; *Приятное и полезное препровожденіе времени*—Подшивалова; *Живописецъ*, *Трутенъ* и другіе, появлявшіеся подъ разными зашѣдливыми названіями журналы, которые были охотно читаны людьми всѣхъ сословій. Но къ числу особъ, оплотившихся патріотическою ревностію къ распространенію успѣховъ Словесности и просвѣщенія

Труды Новикова и литературнаго общества.

въ Россіи, принадлежалъ *Новиковъ*, который, составивъ въ Москвѣ типографскую компанію, издалъ, при помощи ея, Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ, собраніе Русскихъ лѣсенъ и великое число оригинальныхъ Русскихъ книгъ и переводовъ, и даже дѣйствовалъ на просвѣщеніе соотечественниковъ посредствомъ Московскихъ вѣдомостей, придавъ имъ занимательность.

Онъ первый также основалъ библіотеку для чтенія (cabinet de lecture), и этимъ средствомъ много способствовалъ къ распространенію вкуса въ опечечественной Словесности. Между тѣмъ, составились также литературныя общества, изданы необходимыя учебныя книги; лучшіе Романы были переложены на Русскій языкъ. Дворъ и сподвижники занимались чтеніемъ иностранныхъ и своихъ писателей; и Литература, бывшая доселѣ удѣломъ и наслажденіемъ нѣкоторыхъ частныхъ людей, сдѣлалась занятіемъ общественнымъ.

Близкательный вѣкъ Екатерины II, представлявшій длинный рядъ торжествъ, пробуждалъ народную веселость. Театръ, бывший прежде увеселеніемъ Двора, въ это время сдѣлался общепользнымъ и доставлялъ благородныя, поучительныя забавы. Публика была привлекаема произведеніями *Княжнина*, который превзошелъ Сумарокова чистотою и благородствомъ слога. Екатерина Великая, почтивъ своимъ присутствіемъ представленіе первой трагедіи Княжнина: *Дидона*, удостоила автора самыхъ лестныхъ отзывовъ. Съ этихъ поръ онъ исключительно посвящилъ себя Литературѣ. Трагедія: *Рославъ* еще болѣе прославила этого писателя; къ чему особенно способствовалъ знамени-

Состояніе
театра.

Трагедія
Княжнина.

тый тогдашній актеръ Дмишревскій. Потомъ Княжнинъ написалъ нѣсколько и другихъ трагедій; но, не умѣвъ самъ создать характеровъ, бралъ ихъ изъ трагедій Французскихъ, принароывая къ нравамъ описываемаго имъ времени. А Сумароковъ искусно пользовался сокровищами Французскихъ драматурговъ; тогда какъ Княжнинъ бралъ планы трагедій Корнея, Расина и Вольтера и даже выписывалъ изъ нихъ цѣлые монологи; на прим. характеръ Ярополка у него списанъ съ Орешка; во Владиміръ мы узнаемъ Пирра, въ Рогнедѣ Герміону, въ Клеоменѣ Андромаху и во многихъ другихъ его лицахъ нельзя не узнать снимковъ съ лицъ Французскихъ. Въ слогъ Княжнина важнѣйшій недостатокъ—напыщенность и желаніе автора вездѣ казаться высокимъ; часто въ сценахъ самыхъ прогашельныхъ онъ ищетъ избраннѣйшихъ выраженій и спановится холоднымъ.

Послѣд-
ствіи Княж-
нина.

Соревнуя Княжнину, *Херасковъ, Майковъ, Николаевъ, Ефимьевъ* и многіе другіе принялись за драмы и комедіи. Иные безъ разбора переводили иностранныя комедіи, претъи сочиняли фарсы, несносныя, пущыя, сколько съ чужаго, нелѣпо примѣненнаго къ Русскому. Екаперина Великая видѣла недоспапки всего этого, не довольна была одними

переводами и хотѣла видѣть *народный* произведеніе. Ея желаніе исполнилось: явился *Фонъ-Визинъ*. На 19 году возрастѣ онъ вздумалъ написать оригинальную Русскую Комедію, и для этого, удалившись отъ избытокной шпаны, онъ взялъ предметъ изъ Русскихъ нравовъ, и выборъ его палъ на то, что было всего ближе къ нему: онъ рѣшился обратиться въ смѣхъ жалкую смѣсь Русскаго барства съ невѣжествомъ и модною полуобразованностію, и написалъ *Бри- Бригадира*, первую Русскую комедію. Выборъ *Фонъ-Визина* былъ весьма удаченъ. Онъ создалъ *Иванушку*, который своими рѣчами обнаруживаетъ собственное ничтожество. Супруга Бригадира также прекрасно обрисована: мы видимъ женщину, которая хочетъ блеснуть своимъ остроуміемъ и говоритъ самыя грубыя шутки. Разсматривая и прочія лица этой комедіи мы находимъ, что они удачно созданы; только завязка комедіи слаба и не имѣетъ общаго дѣйствія. Но все это выкупается многими сценами истинно комическими, въ которыхъ блещутъ искры неподдѣльнаго остроумія.

Современники *Фонъ-Визина* гнали его, и Недоросль *Фонъ-Визина* принялись однакожъ подражать ему. Но, не понимая истинныхъ красотъ своего образца, они находили доспѣйнымъ подражаніе

въ комедіи его единственно смѣсь Французскихъ словъ съ Русскими въ рѣчахъ Иванушки и грубыя щушки Бригадирши. Талантовъ не было и комедія не двигалась впередъ. Напрасно сама Екатерина Великая задавала темы для Русскихъ комедій; не было написано ни одной достойной вниманія до самаго появленія *Недоросля*, гдѣ Фонъ-Визинъ послѣ восемнадцатилѣтняго молчанія, показалъ менѣе прежняго знанія комедіи, но болѣе умѣнья списывать съ природы, и искусства относително выбора времени и мѣста, лицъ и обстоятельствъ. Борьба невѣжества и грубыхъ предразсудковъ съ просвѣщеніемъ доспавляли карикатурныя противоположности, и Фонъ-Визинъ выставилъ ихъ въ *Недорослѣ*. Лице Недоросля взято не въ столицѣ и не въ большомъ городѣ, но въ деревнѣ, удаленной отъ просвѣщенія. Такимъ образомъ окруженный людьми, почищающими воспитаніе мечшою, Недоросль остаепся тѣмъ, чѣмъ произвела его природа. Авторъ могъ бы представить его слабоумнымъ; но, нѣтъ, мы находимъ въ Митрофанушкѣ человека не глупаго, и даже, какъ говоритъ Еремѣевна, *гораздаго на выдумки*. Въ этомъ-то и видѣтъ талантъ Фонъ-Визина. Еслибъ Митрофанушка былъ слабоумный; то онъ скорѣе производилъ бы въ насъ сомнѣніе, между

пѣмъ какъ невоспитанный онъ смѣшилъ насъ. Отецъ Мисрофанушки представляется добрымъ, но слабоумнымъ помѣщикомъ, который во всемъ покоренъ злой и властолюбивой женѣ своей; дядя его не многимъ разнился отъ живописныхъ, которыхъ до безумія любилъ; дядька, Нѣмецъ изъ кучеровъ, и по одной нуждѣ принявшій званіе учителя—воплъ пѣ лица, которыми съ малолѣтства былъ окруженъ Мисрофанушка. Послѣ этого можно судить о его воспитаніи. Другія лица: Кушейкинъ, Цифринъ и проч. чрезвычайно оригинальны, и носятъ ясный отпечатокъ учителей того времени. Вообще комедія: *Недоросль*, какъ вѣрный списокъ нравовъ, неподражаемъ, какъ комедія онъ слабъ, и въ этомъ отношеніи *Бригадиръ* гораздо выше его. Между пѣмъ объ комедіи Фонъ-Визина, какъ Русскія, народныя, представлявшія современные имъ нравы и характеры, имѣли долгое время блистательный успѣхъ, и произвели перемѣну въ жизни и образъ воспитанія нашихъ сельскихъ дворянъ. Но должно сказать, что творенія Фонъ-Визина хороши, какъ начало только. Отъ чего же смотрять нынѣ не съ такимъ удовольствіемъ, какъ прежде, на *Бригадира* и *Недоросля*, на эти конечно почтенные памятники отличныхъ дарованій

Фонъ-Визина? Всякая пьеса комическая пѣтъ посполнѣе, продолжительноѣ дѣйсвуентъ, чѣмъ слабосшъ, пороку, или предразсудокъ, въ ней осмѣиваемые, менѣе частны и временны, но болѣе всеобщы. Временныя недоспашки и пороки скоро исчезающъ и замѣняюща другими въ обществѣ; какъ скоро оригиналы пропали, тогда перлюющъ замѣнительность ихъ копии и подражанія. Въ наше время почти ужѣ не встрѣчающа Проспашковы и Скопшвины, и мы, плѣтаясь оспроуміемъ Фонъ-Визина, находимъ наспажку и слишкомъ яркіе цвѣты въ его изображеніяхъ. Припомъ, эти изображенія нѣсколько оскорбляющъ самолюбіе опѣсешвенное, напоминая о жалкомъ образѣ мыслей нашихъ предковъ. Удовольствіе слабѣентъ; мы хладѣемъ къ пѣсѣ, при всѣхъ ея достоинстввахъ. И пакъ содержаніемъ комедіи должно бытъ смѣшное, пріятное, или забавное, копѣрое бы не унижало нашей природы, или нашего о себѣ мнѣнія, и льстило бы самолюбию нашему пріятнымъ времяпровожденіемъ насчетъ другаго. Немногія пѣсы правы съ этой спороны.

Комедіи
Княжнина.

Послѣ Недороеля, комедія наша оспавалась почти на одинакой спешени. Были явленія, выходившія нѣсколько изъ круга обыкновеннаго, какъ на пр. комедіи Княжнина: *Чудаки* и *Хвастунъ*, долго державшіяся

на нашей сценѣ. Княжнинъ въ комедіяхъ и комическихъ операхъ своихъ имѣлъ въ виду изобразить современное ему общество, коего члены, смѣшавъ слабости и предрассудки съ чужими, заемными, спыдились всего Русскаго, или коснѣли въ невѣденіи о томъ, что происходило въ просвѣщенномъ свѣтѣ.

Успѣхи драматическихъ произведеній Фонъ-Визина и Княжнина возбудили соревнованіе въ другихъ писателяхъ. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманіе, какъ писатель народный, *Аблесимовъ*, авторъ комедіи: *Подъягская пирушка* и Русскаго водевиля: *Мѣльникъ*. Эта послѣдняя пѣса, болѣе пятидесяти лѣтъ, пользовалась у насъ общеоу благосклонностію и была любима всѣми сословіями, не смотря на то, что она, кажется, сочинена въ правахъ только простаго народа. Она представлялась вездѣ: въ Ермитажѣ, въ публичныхъ и частныхъ театрахъ, объ ней говорили императоры и не императоры, всѣ знатоки изящнаго находили въ ней красоты истинныя; весьма многіе знали ее наизустъ и пѣли. Чтожъ было причиною такихъ успѣховъ оперы: *Мѣльникъ*? народность этой пѣсы; она сочинена въ Русскихъ нравахъ; при томъ основа ея очень проста, обыкновенна и часто повторяемая въ дѣйствитель-

часть IV.

ной природѣ: это свадьба, сдѣланная хитростію. Но эта хитрость, не какой либо гнусный порокъ, не дѣйствіе злой или низкой души, а только общій предрассудокъ—вѣрить колдунамъ и демонамъ—предрассудокъ, которому подвержены и поселяне и даже дворянство. Мѣльникъ же—колдунъ не съ злымъ, но съ добрымъ намѣреніемъ пѣворишь свои зашѣи, онъ хочетъ обвинячиъ любящихся, а болѣе всего помирить старика со старухою. Припомъ же, добродушный колдунъ не припворяется, не хвастается, что онъ производишь чудеса какою нибудь сверхъестественною силою: нѣтъ, онъ въ первыхъ словахъ рассказываетъ свою тайну: — *« Кто умѣетъ жить обманомъ »* *Всѣ зовутъ того цыганомъ* и проч. Вообще въ дѣйствіи цѣлой піесы нѣтъ ничего низкаго, ничего отвращительнаго; всѣ лица просты, но не глупы, какъ Простаковы и Филашки, и не надуты сверхъ своего званія. Мѣльникъ смѣшленъ, догадливъ, готовъ на услугу; Анкудинъ доволенъ своимъ крестьянскимъ бытомъ, не завидуешь роскоши баръ, и не шакъ легковѣренъ, чпобы шотчасъ вѣришься колдуну. Фепинья, жена его, имѣетъ свой особенный интересъ: она дворянскаго опродья, но, по сиротству и бѣдности, выдана за крестьянина. Какъ простодушно и даже нѣ-

сколько прогашельно выражаепѣ она чув-
ства свои: *изсушишь меня, какъ лутиночку*
и проч. Аняюпа предспавлена со всѣмъ до-
бродушіемъ, простопою и искренностію
сельской дѣвушки, копорая любитъ и не
можетъ скрыть своихъ чувствованій; чи-
стосердечность и скромность ея очень ми-
лы. Еще милѣе неудовольствіе ея прошивъ
матери, посылающей ея за работу, или
спасть. А попому къ главнымъ причинамъ, по
которымъ небольшая опера: *Мѣльникъ*, удер-
живала свое достоинство, должно опнеспи
то, что въ ней всѣ лица удачно изображе-
ны, дѣйствіе просто, предспавлено въ нра-
вахъ и обычаяхъ не частныхъ, а общихъ.
Колдунъ имѣетъ въ виду свою законную на-
граду — четверть ржи, полтину и пирушку;
Анкудинъ и Фетинья—счастье дочери и до-
браго жениха; женихъ и невѣста—любезны.
Сверхъ сихъ достоинствъ, эпа піеса опли-
чается свободою и чистопою слога народ-
наго, но всегда пристойнаго, чуждаго предо-
судительныхъ двусмысленностей, застав-
ляющихъ красѣть каждую благородно вос-
питанную особу. Пісни въ оперѣ забавны,
пріятны и занимательны своею простопою
и нѣжноспію чувствованій. Можетъ бытъ,
скажущъ, что успѣхамъ *Мѣльника* много
способствовалъ выборъ голосовъ изъ Рус-

•

скихъ пѣсенъ, всегда близкихъ къ нашему сердцу; но одно это средство, безъ заимательства лицъ и дѣйствій было бы еще весьма недоспащочно. Сколько нынѣ представляется переводныхъ и оригинальныхъ пѣсень, въ которыхъ арии поются на голоса Русскихъ пѣсенъ! но отъ чего онѣ мало трогаютъ насъ? отъ того, что самыя пѣсы бѣдны красотою существенными.

Малиновскій,
Ильинъ, Кап-
нистъ, Пла-
вицкиковъ.

Изъ другихъ драматическихъ писателей, пользовавшихся въ свое время вниманіемъ публики, были: 1) *Малиновскій*, сочинитель *Старинныхъ святокъ*; 2) *Ильинъ*, авторъ *Лизы* и *Рекрутскаго набора*; 3) *Капнистъ*, сочинившій оспроумную комедію: *Ябеда*; и 4) *Плавильчиковъ*, написавшій нѣкоторыя удачныя комедіи и трагедіи и считавшійся тогда хорошимъ актеромъ.

ГЛАВА XVII.

Взглядъ на успѣхи языка и Литературы
въ XIX вѣкѣ.

Въ предъидущихъ главахъ показано было, сколь многоразличныя направленія имѣла наша Литература, долгое время бывшая подъ

чуждымъ вліяніемъ. Начало XVIII столѣтія было въкомъ схоластицизма Русской Литературы, потому что направленіе, данное ей *Ломоносовымъ*, было не столько художественное, сколько ученое, осправившееся и на его поэзіи. Послѣдователи Ломоносова, не обладая геніемъ его, поддерживали и продолжали это направленіе, и дали возникающей Литературѣ нашей характеръ близкій къ педагогическому. Даже самъ *Державинъ*, при всей самообычности и независимости генія своего, не могъ не увлечься этимъ направленіемъ. Множество бездарныхъ подражателей Сумарокова и Хераскова почитали Оду и героическую Поэму торжественнымъ проявленіемъ поэтическаго генія и вънцомъ творческой дѣятельности. Въ слѣдствіе такого ложнаго понятія объ искусствѣ, написано было множество большихъ и малыхъ Поэмъ и громогласныхъ Одъ, впрочемъ забытыхъ при самомъ своемъ появленіи. Такое схоластическое направленіе Словесности нашей продолжалось до *Карамзина*, который по многоспоранней литературной своей дѣятельности, ограничивъ схоластицизмъ, далъ Литературѣ новое направленіе и имѣлъ великое вліяніе на ходъ идей и общественнаго образованія. Характеръ этого полезнаго и важнаго направленія состоялъ въ саншмен-

тальности, которая впрочемъ была одностороннимъ отраженіемъ характера Европейской Литературы XVIII вѣка.— Во вѣдомъ десятилѣтіи XIX вѣка, имѣлъ особенное на Литературу нашу вліяніе *Жуковский*, введеніемъ литературнаго мистицизма, отличавшагося глубокою мечтательностію, мрачною воображенію, стремленіемъ къ чему-то не земному, безпредѣльному. Въ Баладахъ и Лирическихъ стихоповореніяхъ Жуковского видно вліяніе воспитавшей его школы, которую основалъ онъ въ нашей Литературѣ; но въ его *Свѣтланѣ* и *Пльвиѣ въ станѣ Русскихъ воиновъ* раскрыты въ полномъ блескѣ его самобытность и стремленіе къ народности.—Въ началѣ претѣяго десятилѣтія XIX вѣка, *Пушкинъ* содѣлался представителемъ нашей поэзіи и далъ сильное направленіе нашей Словесности, не смотря на продолжавшееся вліяніе старыхъ авторитетовъ и на знакомство съ Европейскими Литературами, которое показало новые роды и новый характеръ искусства. Первые творенія Пушкина созданы подъ вліяніемъ школы классической; но поэма *Полтава* и драма *Борисъ Годуновъ* суть творенія, исключительно его гевію принадлежащія; въ нихъ положено основаніе піиической народности, составляющей высочай-

шую идею романтизма. За Жуковскимъ и Пушкинымъ тянулись ряды неудачныхъ подражателей. Потомъ Литература наша разбелась по разнымъ нушамъ: появились Романы, Повѣсти, Драмы, Элегіи, Басни и даже Эклоги, Идилліи и самыя Оды. — Въ послѣднее время вся литературная дѣятельность у насъ устремилась на Романы и Повѣсти; а Оды, Басни, Баллады, Элегіи и даже Романшическая поэма, созданная Пушкинымъ; все это осталось однимъ только воспоминаніемъ пріятнаго былаго. Теперь призванные и непризванные наши литераторы пишутъ Повѣсти, въ которыхъ излагаются и жизнь человѣческая и правила нравственности и даже философскія системы. Но первые опыты создать истинную Повѣсть обнаружались еще въ началѣ прѣшняго десятилѣтія XIX вѣка. Это было время общей литературной реформы, бывшей слѣдствіемъ знакомства съ Англійскою, Нѣмецкою и Французскою Литературами. Тогда Повѣсти обратили на себя особенное вниманіе по своей новостн; вкусъ къ нимъ усиливался посшепенно; а нынѣ составляютъ онѣ любимое чтеніе просвѣщенной публики. Даже успѣхи Драмы, раздѣляющей у насъ владычество съ Романомъ и Повѣстью, заслонены ихъ успѣхами. Чему же должно при-

писать такое явление? Оно не было влияніемъ какого либо могущественнаго гениа, или сильнаго авторитета одного какого либо лица, или влияния ипостравныхъ литературъ; но было слѣдствіемъ духа времени и общей потребности.

Въ XIX вѣкѣ, къ замѣчательнымъ въ Литературѣ Русской событіямъ должно отнести стремление многихъ нашихъ писателей къ народности. Впрочемъ нѣкоторые изъ сихъ писателей, преимущественно принадлежащіе этому вѣку, сдѣлались извѣстными еще въ концѣ прошедшаго. Между ни-

Заслуги Карамзина, оказанныя отечественной Словесности.

ми первое мѣсто занимаетъ *Карамзинъ*, всю жизнь посвятившій благороднымъ занятиямъ науками и Литературою и довершившій образованіе правильной, легкой, чистой прозы Русской. Сей писатель явился въ то время, когда у насъ всѣ чувствовали несовершенство разговорнаго языка, когда многіе старались образовать его и удались какъ отъ высокопарности, такъ и отъ нарывчата черны. Въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія, Карамзинъ болѣе испытывалъ Русскій языкъ, нежели утверждался въ выборѣ шруда. По этому онъ, мѣняя краски, заимствовалъ ихъ то отъ Французовъ, то отъ Германцовъ, то отъ Англичанъ. Его покушенія придали языку необыкновенную гиб-

кость, такъ что повѣствовательная и разговорная Русская проза со временъ Ломоносова въ первый разъ тогда получила какое-то новое движеніе. Всѣ читали ее съ удовольствіемъ. Въ *Московскомъ журналѣ*, который былъ издаваемъ Карамзинымъ, нашли легкій, пріятный языкъ, словосочиненіе чисто Русское, естественное. Слогъ Карамзина, не есть прихотливое подражаніе иностраннымъ примѣрамъ, какъ нѣкогда утверждали привыкшіе къ прозѣ Ломоносова и его современниковъ, но основанъ на глубокомъ познаніи свойствъ отечественнаго языка. Правда, что въ первыхъ его сочиненіяхъ, особливо въ письмахъ, часто встрѣчаются Галлицизмы и Германизмы; но слогъ послѣдующихъ его сочиненій и переводовъ, особенно Россійской Исторіи, можетъ назваться образцовымъ. Нельзя конечно утверждать, что Карамзинъ достигъ уже возможнаго совершенства: языкъ нашъ послѣ его приобрѣлъ большую чистоту и правильность, обогатился и будетъ еще обогащаться новыми оборотами и выраженіями; при всемъ томъ, имя этого писателя будетъ сіять въ потомствѣ съ именами Ломоносова и Державина. Сочиненія Карамзина, бывшаго у насъ основателемъ новой школы, имѣли великое вліяніе на современниковъ и дали Литературъ

нашей новое направлѣніе. Величайшая услуга этого направлѣнія была та, что оно содѣйствовало образованію вкуса въ возрастающемъ поколѣніи. Въ полномъ собраніи сочиненій Карамзина, кромѣ его Исторіи Государства Россійскаго, находяпся: Спихопроверженія, Письма Русскаго путешественника, Повѣсти, Историческіе очерки, Похвальное Слово Екатерины II, Разговоръ о счастіи, Опыты о Богдановичѣ и его сочиненіяхъ, Рѣчь, произнесенная въ собраніи Россійской Академіи. А изъ переводовъ напечатаны Повѣсти Мармонтеля, Повѣсти Жанлисъ и другихъ разныхъ сочинителей.

Слѣдствія изданнаго Шиховымъ сочиненія: О старомъ и новомъ слоgѣ.

Съ появленіемъ сочиненій Карамзина, явились и многіе ему подражатели; но всѣ они ни сколько къ нему не приблизились; но слѣдуя только слабымъ споронамъ его, употребляли чуждыя Русскому языку выраженія и обороты. Дабы предостеречь дальнѣйшую испорченность языка, *А. С. Шишковъ*, пламенный любитель языка отечественнаго, издалъ разсужденіе: *О старомъ и новомъ слоgѣ Россійскаго языка*. Сочиненіе это, при всемъ излишнемъ приспращеніи автора къ Славенизму, весьма много содѣйствовало къ избавленію языка нашего отъ вредныхъ иноязычныхъ нововведеній. Не смотря на то, литераторы наши не согласо-

вались въ своихъ мнѣніяхъ: одни продолжали рабски слѣдовать Карамзину, а другіе держались слога стариннаго. Но съ изданіемъ

Исторіи Государства Россійскаго, написанной истинно Русскимъ, яснымъ, чистымъ и благороднымъ слогомъ, произошелъ благодѣтельный переворотъ въ нашей Словесности.

Переворотъ, происшедшій въ языкѣ съ изданіемъ *Исторіи Государства Россійскаго*.

Литераторы наши примирились; имъ открылись всѣ сокровища языка, которыми они должны были пользоваться. Къ примиренію таковому способствовалъ и самъ Карамзинъ: начитавшись старинныхъ лѣтописей, и вникнувъ въ характеръ Русскаго языка и въ сродство его съ Славянскимъ, онъ умѣлъ выбрать средину между Славянскими оборотами и формами другихъ языковъ, и чрезъ то какъ бы самъ обнаружилъ ошибки прежнихъ сочиненій своихъ — и сочиненій своихъ подражателей. *Исторія* Карамзина заставила читать Русскія книги и познакомиться съ Русскимъ языкомъ; она имѣла столь блестящій успѣхъ, каковымъ доподлѣ не пользовалась ни одна книга.

Хотя Карамзинъ, обладавшій искусствомъ писать легко и сообразно съ требованіями чистоты, и почитается преобразователемъ нашей прозы; но было бы не справедливо приписать исключительно ему изгнаніе изъ Русскаго языка длинныхъ періодовъ

Можно ли почитать одного Карамзина образователемъ легкой нашей прозы?

и Лашинскаго словопеченіе. Еще до Карамзина появлялись сочиненія, написанныя легкимъ, ошпывисшымъ слогомъ. Краткія формы выраженія находились въ твореніяхъ *Богдановича*, въ спашьяхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ *Новикова* и въ періодическихъ сочиненіяхъ питомцевъ Московскаго Университета. Карамзинъ собственно довершалъ начатое *Фонъ Визиньмъ* и *Подшиваловымъ*, усердно и успѣшно содѣйствовавшими распространенію вкуса и чистоты слога въ нашей Литературѣ. *Подшиваловъ* считался въ свое время первымъ переводчикомъ. Собственные же сочиненія его, оплывавшіяся оспрошюю мыслей, вѣжностію чувствованій, живостію и правильностію слога, имѣли замѣтное вліяніе на читающее общество. Преимущество же предъ ними Карамзина состояло въ томъ, что онъ, имѣя образованный вкусъ, выкинулъ изъ книжнаго языка все обвешшалоо и изъ простонароднаго все грубое, составилъ языкъ народной вѣжливости, привлекалъ къ себѣ читателей пріятностію и сладостію слога, изяществомъ и заманчивостію формъ. При томъ же, обладая живымъ и быспрымъ воображеніемъ, онъ имѣлъ рѣдкое искусство самые обыкновенные предметы представлять въ привлекательномъ видѣ.

Здѣсь у мѣста сказаць о ложномъ мнѣ- Кто изъ пи-
ніи ихъ, кои полагають, что будто Рус- сашелей на-
скій языкъ, близкій по духу своему болѣе шихъ умѣлъ
къ языкамъ Греческому и Латинскому, не соединить
обыкновенную получилъ выгоду съ перемѣ- плавности
ною плавнаго періодическаго словопеченія періодовъ съ
на крашкіе опривисные обороты языка легкой прозы?
Французскаго. Періоды, въ которыхъ частіи
спройны и одна другой соразмѣрны, пере-
становки словъ основаны на еспешивенномъ
порядкѣ и гармоніи, также могутъ быть
легки для слуха и пріятны для чтенія, какъ
и рѣчь не періодическая. Слѣдственно не пе-
ріоды дѣлають рѣчь тяжелою, но неумѣнье
дѣлать ихъ спройными и плавными. У насъ
послѣ Ломоносова, постигъ тайну сію нашъ
философъ-писатель *М. Н. Муравьевъ*, кото-
рый вмѣстѣ съ *Подшиваловымъ* знакомилъ
современниковъ своихъ съ Германскою Сло-
весностию, и продолжалъ за *Фонъ Визинимъ*
усовершенствованіе нашей прозы. Слогъ сего
писателя, образованный въ училищѣ Древ-
нихъ, сохранилъ на себѣ печать ихъ приро-
ды и искусства. Сочиненія *Шушкова* въ
высшемъ дипломатическомъ родѣ также у-
крашены періодами. Вообще въ Манифестахъ,
Рескриптахъ и высшихъ Дѣловыхъ Бумагахъ,
пребующихъ изяснаго изложенія, нельзя о-
бойтись безъ періодовъ. У самого Карамзина

лучшія мѣста его *Марѣи Посадницы* суть періодическія, тогда какъ слоги его *Похвальнаго Слова Екатерины II*, не соотносясь съ ея достоинству и важности предмета именно опъ того, что формы изложенія имъ избраны не періодическія.

Образованіе
легкаго стихо-
творнаго
языка Дми-
тріевымъ.

Въ то время, какъ Карамзинъ довершалъ образованіе Русской прозы, *Дмитріевъ* началъ писать стихотворенія дидактическія и повѣствовательныя, и приобрѣлъ ими честь называться образователемъ легкой нашей поэзіи. Его Сказки, Басни, Пѣсни, Сатиры, Эпиграммы и другія мелкія стихотворенія доказали возможность присвоить Русскому піитическому языку легкость и замысловатость Французскаго. Всѣ эти перемѣны въ нашемъ языкѣ начаты при Екатеринѣ II, но распространились и сдѣлались извѣстными при Александрѣ I.

Введеніе
древнихъ раз-
мѣровъ въ
Русскомъ
языкѣ.

У насъ *Тредьяковскій* первый возсталъ противъ размѣра Силлабическаго. Въ способѣ къ изложенію. *Россійскихъ стиховъ* онъ замѣчаетъ, что опредѣленное число слоговъ въ Польскихъ, къ намъ введенныхъ безъ всякаго основанія стихахъ, не опмѣняетъ ихъ опъ прозы. Онъ первый предпринялъ ввести въ наши стихи: *Ямбъ*, *Хорей*, *Дактилъ* и *Анапестъ*; но только Ямбическій и Хорейческій размѣры стиховъ, со времени

Ломоносова были у насъ въ употребленіи до XIX вѣка. Въ 1801 году *Востоковъ* началъ употреблять размѣры Сафы и Горація, и другихъ древнихъ поэтовъ; но многіе не одобряли такое нововведеніе. Между шѣмъ знашоки древней и новой Имперашуры доказали, что удачно перевести Древнихъ можно только размѣромъ подлинника; и въ 1813 году *Гнѣдичъ*, сдѣлавъ въ этомъ первый опытъ переводомъ Омировой Иліады *Экзаметрами*. Опытъ сей, оправданный здравою крипкою, былъ подкрѣпленъ трудами *Мерзлякова*, *Жуковского*, *Воейкова* и другихъ писателей.

Съ самаго начала царствованія Императора Александра I, *высшій дипломатическій* Слогъ Дипломатическій. *слогъ* получилъ видимое усовершенствованіе подѣ перомъ государственныхъ секретарей *Сперанскаго* и *Шишкова*. Въ продолженіе достопамятной опечесшвенной войны 1812 года, сопровождая Государя Императора въ походахъ, *Шишковъ* писалъ Манифесшты, Возванія и Рескрипшты, опличавшіеся пламенною любовію къ опечесшву и возвышеннымъ краснорѣчіемъ. Съ учрежденіемъ *Министерства* Слогъ Дипломатическій. *Слогъ Дипломатическій. произошла важная перемѣна въ *слогъ* прочихъ *Дѣловыхъ Бумагъ*: ясность и опредѣленность заступили мѣсто сбивчивости и нескладности въ канцелярскомъ*

языкъ. Изданный въ 1833 году, подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ Императора Николая I, Сводъ законовъ свидѣтельствуешь о той степени совершенства, на которой находился нынѣ слогъ законодательства. Уставы и учрежденія, издаваемые по разнымъ частямъ Министерствъ, отличающіяся чистотою, ясностію и точностію, и вмѣстѣ служащія несомнѣннымъ доказательствомъ того основательнаго знанія отечественнаго языка, которымъ обладаютъ достойные исполнители Высочайшей воли (*).

Издание разныхъ журналовъ.

Достойно замѣчаніе, что у насъ съ исхода прошедшаго вѣка *Журналы*, распространяя вкусъ къ чтенію, имѣли благотворительное вліяніе на образованіе общества, устанавливали единство мнѣній и вызывали писателей къ дѣятельности. Въ 1791 и 1792 годахъ выходилъ *Московский Журналъ* Карамзина; — Державинъ, Херасковъ, Дмѣтріевъ и другіе извѣстные въ то время писатели помѣщали въ немъ свои сочиненія. Читающая публика особенно восхищалась привлекательною прозою издавшаго, приготавливавшего новый переворотъ въ Литературѣ. Между тѣмъ явилось множество под-

(*) Общіе замѣчанія о *Дѣловыхъ Бумагахъ* и періоды постепеннаго усовершенствованія нашего *Дѣловаго слога* показаны въ отдѣленіи шестомъ Теоріи Красноречія.

ражашелей, изъ которыхъ одни напыщен-
носпію своихъ стихошвореній думали при-
близиться къ Державину, а другіе мечтали
сравниться съ Карамзинымъ, замѣняя лег-
кость, живость и естественность его раз-
сказа прищорною чувствительностію и пла-
ксивыми разсказами своими. Въ началѣ ны-
нѣшняго столѣтія, съ устраненіемъ пре-
пятствій въ книгопечатаніи, начали появ-
ляться въ разныхъ родахъ сочиненій и по-
временныя изданія. Въ 1802 году Карамзинъ
началъ издавать *Вѣстникъ Европы*, при-
мѣтно способствовавшій образованію слога
и доставившій славу употребленному вкусу
издателя. Лучшіе наши литераторы, въ
печеніе нѣсколькихъ лѣтъ, принимали уча-
стіе въ изданіи *Вѣстника Европы* и дали
особенное движеніе нашей Литературѣ. *Съ-
верный Вѣстникъ*, изданіемъ котораго зани-
мался Маршановъ, распространилъ много
полезныхъ знаній, соединяя важное съ лег-
кимъ и пріятнымъ.

Въ это же время литераторы наши по-
чувствовали необходимость изученія древ-
нихъ писателей, и стали ближе знакомить-
ся съ Литературами Германскою и Англій-
скою, которыя были въ полномъ народномъ
ихъ развитіи. Слѣдствіемъ такой пошреб-
ности было появленіе разнообразныхъ сочи-

Изученіа
иностранныхъ Лите-
ратуръ и по-
явленіе сочи-
неній перво-
классныхъ
нашихъ по-
этовъ.

пеній и упонченность вкуса. Съ 1804 года начали появляться Трагедіи *Озерова* (*), преобразователя драматическаго нашего искусства. Соревнуя успѣхамъ сего прагика, нашлись многіе ему подражатели; но весьма не многіе изъ нихъ, подобно *Озерову*, постигши искусство увлекать чувства своихъ зрителей и шрегать сердце. Съ 1805 года начали показываться стихотворенія *Жуковскаго*, познакомившаго Русскихъ съ духомъ Англійской и Нѣмецкой Литературъ, и произведенія *Битюшкова*, коего поэзія вся дышитъ нѣгою, Импаліи и яркимъ ея колоритомъ. Творенія сихъ поэтовъ произвели сильное дѣйствіе въ современникахъ, и доказали, что образцы изящества находящіяся не въ одной Французской Словесности. До нихъ подражательная наша поэзія была одного шона — Французскаго; но писатели сіи сообщили ей новыя звуки, новыя краски и новыя формы. Въ то же время Русская Литература обязана *Жуковскому* такими патристическими стихотвореніями, которыя увлекаютъ истинною чувствованіемъ, національнымъ одушевленіемъ и живыми Русскими красками. Таковы его стихотворенія: *Плещъ во станъ Русскихъ воиновъ*, *Плещъ въ*

(*) О Трагедіяхъ *Озерова* подробности сказано въ § 219 Писатели.

Кремль, Русская слава. Въ ряду упомянутыхъ писателей явился и *Крыловъ*. Въ своихъ Басняхъ онъ вмѣстилъ Русской бытъ, Русское сердце, Русскія причуды и коренное Русское нарѣчіе. Его Басни вѣрнѣе всякой лѣтописи передадутъ иностранцамъ подробности нашей жизни.

При благотворныхъ дѣйствіяхъ мудраго Вліяніе ли-
Правительства, основались въ это время ми-тератур-
тературнаго общесства. Въ 1809 году, со-нскихъ Об-
спавились въ С. Петербургѣ: *Бесѣда любви ществъ на*
телей Русскаго слога, а въ 1810 году, *Обще- устъи Сло-*
ство любителей Словесности въ Москвѣ. Со-весности.
бранія членовъ Бесѣды происходили въ домѣ
знаменишаго Державина. Произведенія образ-
цовыхъ нашихъ писателей и извѣстныхъ
государственныхъ мужей помѣщались въ чте-
ніяхъ Бесѣды, напечатанныхъ въ 20 книж-
кахъ. Московское Общесство заслуживаетъ
полную признательность соотечественни-
ковъ за дѣятельное участіе въ общеплез-
номъ дѣлѣ усовершенствованія отечествен-
наго языка. Въ трудахъ этого Общесства
участвовали и участвуютъ писатели, из-
вѣстные глубокими своими свѣдѣніями въ
Словесности, особенно же члены Московска-
го Университета. Это высшее учебное за-
веденіе всегда оправдывало со стороны уча-
щихъ и учащихся по уваженіе, которымъ

пользуется оно въ общесѣвенномъ мнѣніи. Университетъ Московскій есть обширный и цвѣтущій разсадникъ юныхъ талантовъ, съ пользою и честно трудящихся на всѣхъ ступеняхъ общественной дѣятельности; онъ есть истинное горнило Русскаго просвѣщенія въ духѣ православія, самодержавія и народности. Событія 1812 и 1813 годовъ основали быстрый ходъ нашей Литературы. Но, по возстановленіи мира, занятія науками и Литературою возобновились. Не только въ обихъ столицахъ, но и въ нѣкопрыхъ губернскихъ городахъ составились литературныя Общества, по временамъ издававшія труды свои, въ которыхъ, сверхъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, помѣщались полезныя разысканія о свойствахъ Русскаго языка. Съ этого времени Словесность наша начала обогащаться произведеніями въ разныхъ родахъ.

Теперь укажемъ на извѣстныхъ нашихъ писателей XIX вѣка, предоставляя подробное разсмотрѣніе характеристики каждаго писателя изустному объясненію. Въ этомъ краткомъ обзорѣніи мы будемъ слѣдовать порядку, принятому при раздѣленіи разныхъ родовъ сочиненій въ теоріи Краснорѣчія и Стишика.

ГЛАВА ХІІІ.

О РУССКИХЪ ПРОЗАНКАХЪ ХІХ ВѢКА, СЪ ОБОЗРѢ-
НІЕМЪ НАСТОЯЩАГО СОСТОЯНІЯ РУССКОЙ ПРОЗЫ.

Русская Историческая Литература въ ХІХ Занимавшіеся Русскою Ис-
сторіею и
ислѣдовані-
емъ матери-
аловъ ея.
сполѣтій сдѣлала необыкновенные успѣхи: дѣятельно принялись наши ученые разыска-
тели за древнія хартїи, до сего остававшія-
ся безъ должнаго вниманія, спряхнули пылъ
съ полуиспѣвшихъ рукописей, и, бысть мо-
жетъ, близко по время, когда мы сполѣ же
хорошо будемъ знать древнюю Русскую Ис-
торію, какъ знаемъ новѣйшую. преимуще-
ственно же трудами *Шлецера* Россійская
Исторія получила новое образованіе. Оспро-
умною крѣпкою возстановилъ онъ не толь-
ко наши лѣтописи, но и вообще достоин-
ство самой Исторіи. Важнѣйшій, дѣлаемый
Шлецеру, упрекъ есть тотъ, что онъ не
обращалъ вниманія на Азіатскихъ писателей,
безъ пособія коихъ, нельзя пояснить мно-
гихъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ. *Лербергъ*
умѣлъ избѣжать этихъ недоспашковъ. Осно-
вательность, глубокомысліе и способность
досматривать занимаемость самымъ обык-

новеннымъ предметамъ, принадлежащъ къ главнымъ его достоинствамъ. *Исследования* его, служащія къ объясненію *Русской Истории*, изданы на Нѣмецкомъ языкѣ Академикомъ Кругомъ, а на Русскій переведены Г. Языковымъ. Сверхъ того *Лербергъ* оставилъ множество любопытныхъ записокъ, касающихся до древней Русской Географіи, Этнографіи и Генеалогіи. Сколь многого могла ожидать Исторія отъ сего ученаго, если бѣ внезапная смерть не похищала его. Между писателями, занимавшимися собственно Россійскою Исторіею, первенство принадлежитъ Н. М. *Карамзину*, который посвятилъ трудъ своему лучшему дѣлу жизни. *Исторія Государства Россійскаго* пребудетъ навсегда образцовою, свидѣтельствующею объ опличныхъ его дарованіяхъ (*). Это твореніе сдѣлало Россію извѣстнѣе для Русскихъ; съ тѣхъ поръ началось и продолжается тщательнѣйшее и общее изученіе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ: въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и физическомъ. По части Истории замѣчательны также труды *Митрополита Евгенія*, М. Н. *Муравьева*, *Каченовскаго*, *Круга*, С. *Глинки*, *Полеваго*, К. *Ка-*

(*) Объ *Исторіи Государства Россійскаго* подробно сказано въ § 55 *Теоріи Крайностей*.

лайдовича, Графа Мусина Пушкина, Строева, Кайданова, Погодина, Эверса, Шульгина, Арцыбашева, Берха, Руссова. Изъ многихъ книгъ историческихъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ послѣдніе годы, большая часть относится къ Россіи. На обычай опдаленной древности ея проливаютъ свѣтъ Археологическія разысканія А. Н. Оленина. Московское Общество Исторіи и древностей Россійскихъ издало 6-ю часть своихъ Трудовъ. О. И. Сенковский напечаталъ въ Библіопексѣ для чтенія (помѣ I, 1833) *Исландскую Сагу* въ подлинникѣ съ Русскимъ переводомъ и съ предварительнымъ разсужденіемъ о *Скандинавскихъ Сагахъ*. Эта спашья, по многимъ отношеніямъ замѣчательная, возбудила особенное вниманіе журналистовъ и авторовъ; она показала глубокую и разноспороннюю ученость Г. Сенковского, и въ особенноти важна приближеніемъ къ истинному взгляду на начало нашей Исторіи и даже на языкъ. Вопреки Карамзину и Шлецеру, признававшихъ недовѣрность извѣстій *Скандинавскихъ Сагъ* о Россіи, Г. Сенковский думаетъ, что онѣ могутъ принести важную пользу, служа вѣрною каршиною быта такого народа (Руссовъ или Скандинавовъ), который со всѣми своими учрежденіями, правами и преданіями поселился на землѣ *человѣковъ*. (По мнѣнію.

Г. Сенковского, Славяне давали себѣ названіе *человѣковъ*, которое въ другихъ діалектахъ произносится *человѣкъ*, *словѣкъ*, и очевидно происходящъ отъ корня *слово*, въ противоположность *Нѣмцу*, незнающему слова.) Богатое важными слѣдствіями собраніе Археографа П. М. *Строева* уже печатается: оно разольетъ великій свѣтъ на эту часть нашего бытоописанія. Но не одни Русскіе источники, также сказанія иноземцевъ, видѣвшихъ древнюю Русь, заняли прудобіе профессора *Устрялова*, издавшаго переводы сочиненій, относящихся къ періоду Самозванцевъ. Вообще изученіе опечесшвенной Исторіи содѣлалось однимъ изъ любимыхъ занятій просвѣщеннаго класса нашей публики. Возбужденные примѣромъ незабвеннаго Карамзина, Ученые и Литераторы Русскіе съ ревностію усердны къ изслѣдованію темныхъ эпохъ нашей Исторіи; и такимъ образомъ составилъ обильный рядъ драгоценныхъ матеріаловъ для будущаго историка Россіи. Къ числу этихъ матеріаловъ должно отнести важныя рукописи, изданныя издвигеніемъ Графа Н. П. *Румянцева*, между которыми особенно замѣчательны лѣтописи двухъ Византійскихъ историковъ, служившихъ руководителями Несшору, и собраніе акшовъ на Лавинскомъ,

Польскомъ и Италіянскомъ языкахъ. Частная Исторія Малороссіи удачно написана *Бантишъ-Каменскимъ*. А. С. *Пушкинъ* хотѣлъ испытать свои силы и на предметъ историческомъ. Онъ издалъ *Исторію Пугачеваго бунта*, представивъ намъ полное изображеніе сего плачевнаго эпизода царствованія счастливаго. Ясность, отчепливость и особенная сжатость слога — все это служило доказательствомъ дарованія историческаго. Лучшею похвалою для первокласснаго нашего поэта служило то, что онъ, зная непреложные законы каждаго изящнаго искусства, сумѣлъ быть не-поэтомъ въ Исторіи. Записки *Михайловскаго - Данилевскаго* 1814 и его же Воспоминанія 1815 года любопытны, какъ памятники одной изъ блистательнѣйшихъ эпохъ новой Русской Исторіи, и отличающіяся благороднымъ безприсрасшіемъ. Оспаривая похвалу храбрости Французовъ, авторъ принесъ должную дань удивленія своимъ соотечественникамъ, и, излагая записки свои хорошимъ слогомъ, онъ умѣлъ сдѣлать ихъ чуждыми ушмешельной сухости. Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, отъ Тарутинскаго сраженія до Кульмскаго боя, содержатъ Исторію походовъ, изложенную въ связи. Эта Исторія есть произведеніе чело-вѣка умнаго и знающаго свое дѣло. Онъ

былъ участникомъ въ описываемыхъ походахъ и смотритъ на многое съ новой точки зрѣнія.

Писатели
Церковной
Исторіи, ха-
рактеровъ и
Біографій.

Начертаніемъ *Священной Исторіи* занимались знаменитые пастыри нашей Церкви: *Платонъ, Филаретъ, Амвросій и Иннокентій.*

Характеры, разсматриваемые какъ составныя части повѣствовательныхъ сочиненій, находящаяся во многихъ мѣстахъ Исторіи Г. Р. *Карамзина* и Исторіи древней Греціи *Арсеньева*; но какъ особенные роды сочиненій встрѣчаются мало, и по разбѣянные въ періодическихъ изданіяхъ. *Біографій* замѣчательныхъ у насъ еще нѣтъ; но нѣкоторые только занимались собираніемъ матеріаловъ, касающихся жизни знаменитыхъ лицъ нашей Исторіи. *Подшиваловъ* и *Фонъ-Визинъ* начали было описывать собственную жизнь, гдѣ, между шулками, переданы многія глубокомысленныя, наставительныя замѣчанія, знакомящія насъ съ бытомъ ихъ времени. (§ 63 Теоріи Краснорѣчія.)

Сочинители
оригиналь-
ныхъ Рома-
новъ.

Романы составляютъ почти исключительный родъ сочиненій, которымъ занимаются наши писатели. Причину такого расположенія должно искать въ самомъ духѣ нашего времени. Такъ называемые, историческіе, или народные Романы начали появляться въ Европейскихъ Литературахъ по-

слѣ необыкновенныхъ переворотовъ, потрясавшихъ въ послѣднее время Европейскія Государства. На Русскомъ языкѣ оригинальные Романы появились недавно, и нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны по изображенію важнѣйшихъ событій нашей Исторіи. Изъ множества издававшихся и издаваемыхъ въ наше время Романовъ должно отличить Романы: *Загоскина, Булгарина, Погорельскаго, Плеваго, Греча, Масальскаго, Калашникова, Лажечникова, Ушакова*, Автора: *Семейство Холмскихъ*, Автора: *Князь Михаилъ Васильевичъ Скотинъ Шуйскій, Велтъмана* и нѣкотор. другіе (*).

Повѣсти, составляя одинъ только эпизодъ Романа, одинъ занимательный случай изъ жизни нравственной, должны быть отличаемы отъ Сказокъ, основанныхъ на народныхъ разсказахъ и чудесносныхъ. Какъ Романами предшествовала Эпическая Поэма, такъ и Повѣсти у насъ сперва явились подъ формою героическою въ сочиненіяхъ *Хераскова: Кадмъ и Гармонія, Полидоръ и Нуна Помпильи*. Но *Карамзинъ* первый началъ писать народныя Повѣсти и вводить въ нихъ

Сочинители
Повѣстей и
разсказовъ.

(*) О содержаніи и достоинствахъ замѣчательныхъ Русскихъ оригинальныхъ Романовъ сказано въ § 13 Теоріи Красноречія.

Русскія лица. Его *Бѣдная Лиза*, *Наташя Болрская дочь*, *Марса Посадница*, *Царевна и счастливый Карла*, составляя богатство нашихъ повѣствовательныхъ произведеній, отличающихся своею оригинальною и плѣнительнымъ слоюмъ. Изъ прежнихъ сочинителей Повѣстей, извѣстны также: *Жуковский*, *Пушкинъ* подъ именемъ *Бѣлкина*, *Нарыжскій*, *Бѣлинскій*, *Панаевъ*, *Погодинъ*, *Баронъ Розенъ*, и въ особенности Авшоръ Повѣстей, извѣстный подъ именемъ *Марлинскаго*. Въ *Фантастическихъ путешествіяхъ*, *Баронъ Брауберъ* являлся искуснымъ живописцемъ и вмѣстѣ неумолимымъ карапелемъ слабостей, пороковъ, предразсудковъ, эгоизма. Вообще это твореніе, носящее на себѣ печать высокаго таланта, замѣчательно по оригинальности въ вымыслахъ, по живому и легкому разсказу. (Смотрише въ Теоріи Краснорѣчія § 69). Довольно хорошія *Дѣтскія Повѣсти* изданы А. С. *Шишковымъ* и Г. *Сомовымъ*. Повѣсти Г. *Коншина*, издавша Царскосельскаго Альманаха, пріятно разсказанныя и согрѣтыя щепоткою чувствъ, займутъ читателя и доставятъ ему нѣсколько часовъ удовольствія.

Важнѣйшую часть нынѣшнихъ прозаическихъ сочиненій составляютъ оригинальныя Повѣсти и разсказы, написанные подъ до-

хновеніемъ отечественной природы и отечественныхъ нравовъ. Нѣкоторыя изъ эпичхъ Повѣстей, въ сильныхъ и вѣрныхъ очеркахъ представляють намъ внутреннюю жизнь челоука, или изображають наше общество съ его мнѣніями и причудами, и это изображение обставлено характерами рѣзкими, поэтическими, но вѣрными нашему быту и нашимъ нравамъ. Въ *Пиковой Дамѣ* (Библ. для Чтен. ш. II.) герой повѣсти созданіе истинно оригинальное, плодъ глубокаго познанія сердца челоуческаго. Кромѣ главнаго героя повѣсти, съ легкостію и изящствомъ въ ней изображены также нѣкоторыя лица, подсмотрѣнныя въ самомъ обществѣ. *Княжна Мими* (Библ. для Чтен. ш. VII) сочиненіе писателя, скрывающагося подъ именемъ *Безгласнаго*, имѣетъ предметомъ изобразить картину общества, слѣдствія ложнаго образованія и дурнаго воспитанія. Здѣсь всѣ характеры оригинальны, дѣйствіе занимательно, вездѣ видно знаніе свѣша, выраженное въ разсказѣ споль рѣзкомъ, споль живомъ, что каждая черта картины напечатлѣвается въ памяти. *Послѣдній Консулъ въ Кафѣ*, Г. *Шидловскаго* (Библ. для Чт. ш. V) представляетъ живую картину послѣднихъ дней существованія Кафы, нѣкогда цвѣтущей Генуэзской колоніи. При чистотѣ слога, ав-

поръ умѣлъ искусно соединить силу характеровъ и богатство вымысловъ съ ходомъ историческихъ событій. *Очерки Кавказа*, соч. Г. Марлинскаго (Библ. для Чп. цп. VI) замѣчательны, какъ панорама разнообразныхъ, сильныхъ, шрогашельныхъ и нѣжныхъ чувствованій. Авторъ проводитъ читателя по необозримой цѣпи горъ, входитъ съ нимъ въ бездонныя пропасти, спойшетъ съ нимъ на грозной скалѣ, и заспавляетъ его прислушиваясь къ шуму волнъ морскихъ. А. С. Пушкинъ превосходно изобразилъ характеръ *Кирджали* (Библ. для Чп. ш. VII), котораго, бывъ родомъ изъ Булгаръ, во время возмущенія Грековъ, показалъ непримиримую ненависть къ Туркамъ и былъ грознымъ для нихъ бичемъ. Къ народнымъ Русскимъ сказкамъ должно отнести Сказку о *ворѣ и бурой коровѣ* (Библ. для чп. ш. V) соч. *Луганскаго*. Здѣсь въ простонародномъ разсказѣ собраны многія пословицы, поговорки, при сказки и оспрошы, оплечающія Русскій народъ. Извѣстно, что наши простонародныя поговорки—сокровищница Русскаго ума, Русскаго сердца и даже Русской Исторіи, имѣющъ ходъ только въ самыхъ нижнихъ рядахъ общества; только тамъ Русь живетъ своею, почти первообразною жизнію, копорую, къ спыду нашему, мы очень мало зна-

емъ. Народные афоризмы суть зеркало этого быта, и сверхъ тогоносятъ на себя драгоценный шипъ Русскаго ума. Остроумный *Дуганскій* обладаетъ рѣдкимъ даромъ сводить въ забавную Сказку множество народныхъ афоризмовъ, и чрезъ то сдѣлать ихъ доступными всякому читающему легкую прозу, а съ шипъ вмѣстѣ содѣйствовать распространенію знакомства съ Русскимъ народнымъ умомъ и духомъ. Въ Повѣсти: *Жертва порока и Смолянка*, соч. Г. Шлихтера, занимательно изображенъ простой и семейный бытъ. — *Сельцо Дятлово*, Повѣсть Г. Ушакова, принадлежитъ къ роду нравоописательныхъ и замѣчательна по вѣрному изображенію провинціальнаго быта и нѣкоторыхъ оригинальныхъ поршрешовъ. *Остатокъ, будущая Повѣсть*, Г. Грета (Библи. для ш. Чш. VI) изобилуетъ остроумными замѣчаніями о современныхъ намъ нравахъ и рассказана правильнымъ и чистымъ языкомъ. Изъ многихъ оригинальныхъ повѣстей, помѣщенныхъ въ *Сынъ Ошечества*, должно отличить: *Гибель фрегата*, ошривокъ изъ Романа, соч. Н. Давыдова. Въ книжкахъ Телескопа появлялось нѣсколько занимательныхъ Повѣстей; но, по большей части, переведенныхъ съ языковъ Французскаго и часшію съ Англійскаго. Между оригинальными раз-

сказами должно замѣнить: *Отголосокъ изъ Италіи*, Г. Шевырева, (Телескопъ No. 1), согрѣшый истинною поэзіею. Вообще Повѣсти и другія литературныя спашы, помѣщаемыя въ Библіотекѣ для Чтенія, Сына Отечества, Сѣверной Пчелы и Телескопъ, соспавляющъ совершенство Русскаго оригинальнаго разсказа и въ разныхъ шонахъ, и позволяющъ надѣяться, что Словесность наша будетъ болѣе и болѣе обогащаться прекрасными самоспоятельными произведеніями.

Дидактическіе писатели.

Литература наша не богата еще сочиненіями, относящимися къ учебному, или дидактическому краснорѣчію. Оригинальныя философскія спашы Г. Сидонскаго, и все что донынѣ онъ издалъ, соспощъ въ ясномъ изложеніи опвлеченныхъ метафизическихъ шонкопей—доспощства, копорымъ Г. Сидонскій едва ли не первый началъ оплчаться въ Литературѣ нашей. Замѣчательны многія новыя слова и обороты, созданныя самимъ авторомъ и весьма близко выражающіе мысль его. Изъ ученыхъ Разсужденій, по важности предметовъ, замѣчательны: о любви къ опечеству и народной гордости, *Карамзина*; многія разсужденія о разныхъ опрасляхъ познаній, *Ломоносова* и *Муравьева*; о старомъ и новомъ слоге, *Шин-*

кова; о нравственных причинахъ немощныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 года, *митрополита Филарета*; кто истинно добрый и счастливый человекъ, *Жуковского*; о морали, основанной на Философiи и Религiи, *Батюшкова*; о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей Словесности, *Гильдига*; о Славянскомъ языкѣ, *Востокова*; о Россiйской Словесности, *Давыдова* и проч. Изъ числа ученыхъ книгъ, истинно полезныя: Коммерческая Справочника, *Набольсина* и Справочника Енисейской губернии, *Степанова*, отличающіяся прiятнымъ и занимательнымъ изложенiемъ. Между учено-описательными сочиненiями должно замѣтить: Путешествiе вокругъ свѣта, *Литке*, и описанiе Закавказскаго края, *Платона Зубова*. По части теорiи и исторiи Изыщныхъ искусствъ извѣстны труды А. Н. *Оленина*, профессора *Каченовскаго*, *Галича*, *Григоревича*, *Надеждина*, и нѣкоторыхъ современныхъ молодыхъ писателей.

Сочиненiемъ *Учебно-словесныхъ* книгъ занимались *Ломоносовъ*, *Борнъ*, *Соколовъ*, *Рязо-Сочинители учебныхъ книгъ, относящихся къ Словесности.*
ский, *Никольскiй*, *Остолоповъ*, *Мерзляковъ*, *Гречъ*, *Галичъ*, *Давыдовъ*, *Глаголевъ*, *Плаксинъ*, *Толмачевъ*, *Талызинъ*, *Кошанскiй*. Но справедливость требуетъ сказать, что у насъ весьма чувствительнъ недостатокъ

часть IV. 18

Учебно-словесныхъ книгъ. Изъ многихъ изданныхъ Грамматикъ у насъ извѣстны: *Домосова* первая изданная на Русскомъ языкѣ, отличающаяся философическимъ взглядомъ; *Академическая*, полезная по множеству важныхъ замечаній для языка; Грамматика, изданная ономъ *Главнаго Правленія училищъ*, слишкомъ сложна и мало опредѣлительна; Грамматика *Греча*, богатое собраніе примѣровъ и правилъ, преимущественно основанныхъ на употребленіи Карамзина и наключающее только частное примѣненіе, и *Грамматика Востокова*, полезная болѣе для учащихся и для желающихъ знать языкъ филологически. Присовокупивъ къ нимъ въкопшоры спашьи *Шишкова*, *Болдырева*, *Восткова*, *Каченовскаго*, *Давыдова*, *Калайдовскаго* и *практическіе уроки Русской Грамматики*, издан. *Гречемъ*, будемъ имѣть довольно матеріаловъ для размышленія, соображеній и сравненія. Но учитель Русскаго языка долженъ самъ извлечь изъ нихъ систему, составитъ методъ, дабы упомянутыя Грамматики сдѣлать удобными для преподаванія.

Писатели
Рецензій и
Критики.

Между критиками нашими первенство принадлежитъ *Мерзлякову*. Благонравность, благородство тона, очищенный вкусъ и блестящее изложеніе отличаютъ его критическіе разборы. Ощутливымъ изображе-

ніемъ характеристикъ нашихъ прозаиковъ и поэтовъ занимались *Карамзинъ, Макаровъ, Батюшковъ, Жуковский, Платневъ* и *Князь Вяземскій* (*). Къ ученымъ критическимъ изслѣдованіямъ должно отнести: Разсужденіе о похвальныхъ словахъ *Ломоносова* и Взглядъ на успѣхи Россійскаго Вислѣиства въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, соч. профессора *Каленовскаго*. Замѣчательное Разсужденіе о великомъ представителѣ начала законности (*légalité*) въ Поэзіи, — о *Гете*, было произнесено въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ самимъ Г. Президентомъ. Профессоръ *Кронебергъ* продолжаетъ издавать свои брошюры. Въ планѣ Исторіи Русской Литературы, Г. *Глаголева*, и въ Руководствѣ къ познанію Исторіи Русской Литературы, изд. Г. *Плаксинъ*, находятся критическіе разборы замѣчательныхъ произведеній нашей Словесности. Какъ ни разнородны и любопытны рецензіи, помѣщаемыя въ *Библиотеку для Чтенія*, но направленіе ихъ слишкомъ одностороннее: осмѣяніемъ унижаютъ принятыя и уважаемыя другими мнѣнія. Въ этихъ разборахъ мы находимъ полезныя мысли и оспроумныя замѣчанія о сочиненіяхъ, но рѣдко

(*) Въ Теоріи Красноречія § 92.

встрѣчаемъ что либо определенное отно-
сительно разбираемаго предмета. Съ нѣко-
торого времени въ *Московскомъ Наблюда-
тель* помѣщающія замѣчательныя кристи-
ческія спашья.

Духовные
ораторы.

Въ царствованіе Благословеннаго Алек-
сандра явились отличные *Духовные орато-
ры*, которые своими талантами и труда-
ми принесли пользу Церкви и славу Отече-
ству. *Амвросій Протасовъ* считался первымъ
того времени ораторомъ. При глубокой уче-
ности и званіи людей, онъ умѣлъ соеди-
няятъ ораторскую торжественность съ Хри-
стіанскою простотою. Всѣ проповѣди его,
написанныя чистымъ, увлекательнымъ сло-
гомъ, выливались изъ сердца, ревнующаго
о вѣрѣ и добродѣтели. *Михаилъ, митропо-
литъ С. Петербургскій*, довелъ Проповѣдь до
простой бесѣды, отличающейся Христіан-
скою кротостию и благочестіемъ. Замѣча-
тельны также Рѣчи, говоренныя *Архіепи-
скопомъ Августиномъ* по случаю побѣдъ, одер-
жанныхъ Русскими войсками надъ Француза-
ми. Въ наше время первымъ духовнымъ ора-
торомъ почитается *Филаретъ, митропо-
литъ Московскій*. Сверхъ того Проповѣди и
рѣчи протоіереевъ *Баженова* и *Малова*
дышашіе Христіанскою простотою, напи-

саны азыкомъ чистымъ и правильнымъ , не рѣдко умилищельнымъ и даже вдохновеннымъ.

Изъ Академическихъ рѣчей должно замѣ-
нить рѣчь; произнесенную *Карамзинымъ* въ
собраніи Россійской Академіи, также *рѣчи*
Уварова, Шишкова, Мерзлякова и Прокопо-
вича-Антонскаго. Между похвальными слова-
ми достойны вниманія: *Похвальное слово*
Екатерины II Карамзина, увлекающее бо-
дѣе своимъ слогомъ, нежели торжествен-
нымъ, приличнымъ предмету, краснорѣчи-
емъ; два *Похвальныхъ Слова Императору*
Александру, написанныя *Мерзляковымъ* и *К.*
Ширинскимъ, одушевлены изображеніемъ без-
смертныхъ подвиговъ Царя, просвѣщителя
и спасителя Россіи, освободителя Европы
и миротворца. Къ высокимъ образцамъ во-
еннаго краснорѣчія должно отнести: *При-*
казы войскамъ Александра I въ войну съ
Французами 1812 и 1813 годовъ; также
приказы Фельдмаршала Паскевича Эриван-
скаго въ продолженіе войнъ въ Турціи 1828
и 1829 годовъ; а въ просопоародномъ Рус-
скомъ поны *приказы и инструкции Суворова*
воинамъ чудобогашырямъ.

Торжественныя рѣчи,
похвальныя
Слова и При-
казы.

Мы еще бѣдны сочиненіями въ слогъ раз-
говорномъ и письменномъ, отъ того, что у
насъ въ высшихъ обществахъ употребитель-
ный азыкъ Французскій; а усовершенствован-

Слогъ разгово-
рный и
письменный.

ваніе языка письменнаго и разговорнаго предполагаетъ словесное обращеніе въ различныхъ случаяхъ жизни. Нѣсколько писемъ въ повѣ легкомъ и привѣтливомъ можно найти въ разныхъ періодическихъ нашихъ изданіяхъ и особенно въ напечатанныхъ протоколахъ Московскаго Общества любителей Россійской Словесности. О замѣчательныхъ же литературныхъ письмахъ на общественномъ языкѣ показано въ § 157 Теоріи Красноречія.

Г Л А В А XIX.

О Русскихъ поэтахъ XIX вѣка, съ обзоромъ настоящаго состоянія Русской Поэзіи.

Наблюдая постепенный ходъ Поэзіи въ Россіи, мы замѣчаемъ, что не всѣ роды стихотвореній имѣли у насъ равный успѣхъ. Лирическія стихотворенія, Басни и отчасти Трагедіи достигли возможнаго совершенства, тогда какъ у насъ не доспѣетъ еще слога высшихъ благородныхъ Комедій. Это могло произойти отъ того, что лирики и драматическіе поэты нашли языкъ для своихъ произведеній

въ книгахъ Русскихъ и Славянскихъ, а баснописцы брали выраженія изъ языка народнаго. Слогъ же высокихъ Комедій устроенъ былъ иногда, когда въ высшихъ нашихъ обществахъ введется въ обыкновеніе употреблять языкъ опечеспвленный.

Выше замѣчено было, что *Лирическая* Лирическіе поэмы. *наша Поэзія* блистательными своими *усѣ-*хами обладала *Ломоносову* и *Державину*, (*) за которыми слѣдовалъ рядъ и другихъ извѣстныхъ стихотворцевъ. *Дмитріевъ*, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, началъ заниматься Поэзіею и печаталъ свои стихотворенія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ Московскомъ Журналѣ 1792 и 1793 годовъ. Онъ, сверхъ Посланій, Сатиръ, Сказокъ, Басенъ, Эпиграммъ, писалъ также Пѣсни, Оды духовныя, нравственныя и похвальные. Во всѣхъ его произведеніяхъ, при легкости стихосложенія, умъ и чувство говорятъ чистымъ, изящнымъ и благороднымъ слогомъ. *Ермакъ* и *Освобожденная Москва* были первыми его прекрасными образцами Лиро-эпической поэзіи. Оба эти стихотворенія написаны по стариннымъ и ны-

(*) Подробная характеристика *Лирическихъ твореній Ломоносова, Державина* и другихъ извѣстныхъ нашихъ лириковъ приведена въ §§ 45, 46, 47, 48 и 49 Пѣсники.

нѣ уже обвѣщанымъ правиламъ. Тогда думали, что важное событіе, дѣйствія котораго сокрылись во тмѣ давнопрошедшаго, и оставили по себѣ только памятникъ совершившагося, можетъ и должно быть досполніемъ Поэзіи. Тогда полагали, что на языкъ боговъ можно воспѣвать великіе подвиги, не разбирая какъ и кѣмъ они совершены. *Дмитріевъ* не рылся въ лѣтописяхъ для отысканія вѣрнѣйшихъ преданій о завоевателѣ Сибири; онъ слѣдовалъ одному вдохновенію. Ему какъ будто явилась тѣнь отважнаго казака, и, указавъ на свой подвигъ, въ немъ заспавила отыскивавшъ предметовъ Поэзіи и всѣ подробности дѣла — и сокрылась во мракъ могилы. И внялъ сему велѣнію, въ тѣ дни, конный, нынѣ масшпный поэтъ! Отверзлась предъ нимъ завѣса древности, и въ дали пѣвецъ усмотрѣлъ свидѣтелей великаго событія, двухъ шамановъ, нѣкогда прорицавшихъ благоденствіе или бѣду этому краю и въ ту минуту оплакивавшихъ гибель Сибири. — Поэтъ видѣлъ ихъ сидящихъ на крутомъ берегу Иртыша, взглянулся въ ихъ странное одѣяніе, въ ихъ мрачныя лица, прислушался къ ихъ разговору, и передалъ намъ ихъ сѣнованія о падшей опчизнѣ. А самъ воспорженный древнею славою своей опчизны вос-

пѣлъ хвалебную пѣснь завоевателю обширной страны, не зная, гдѣ родился Ермакъ, и гдѣ сокрытъ прахъ его! *Мерзляковъ* былъ Лирическій поэтъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ. Онъ на 14-мъ еще году написалъ оду на заключеніе мира съ *Швеціею*, которая Графомъ Заводовскимъ была представлена Екаперинѣ Ц. Нѣкошорыя его Оды и особливо Пѣсни и Романсы прекрасны и единственные по народности своей и по глубинѣ чувствъ. — Но образованіемъ и направленіемъ ученія и поэзіи своей *Мерзляковъ* принадлежишь къ періоду Карамзина, уже прошедшему для насъ, а по теоріи къ періоду Батё, Лагарпа и Эшенбурга. — Онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ участниковъ дружескихъ литературныхъ бесѣдъ, въ коихъ образовались *Жуковский* и *Батюшковъ*, и изъ коихъ потомъ составилось общество Любителей Россійской Словесности. — Въ переводахъ древнихъ и новыхъ классиковъ, а особенно въ преложеніяхъ гимновъ Св. Писанія не многіе могутъ сравниться съ *Мерзляковымъ*, который обладалъ также отличнымъ талантомъ преподавать законы вкуса.

Въ наше время лучшими Лирическими поэтами почищаются *Жуковский*, *Батюшковъ* и *Пушкинъ*.

Жуковский, познакомивъ насъ съ Поэзіей

сосѣднихъ Германцевъ и оподобленныхъ Бардовъ Британіи, открылъ намъ новые пути въ міръ воображенія; онъ основалъ въ Россіи *Романтическую* школу Поэзии, отличительный характеръ которой мрачность воображенія, глубокая мечтательность, стремленіе къ чему-то не земному, и наконецъ богачество самыхъ свѣжихъ картинъ природы. Въ его Балладахъ и Лирическихъ стихотвореніяхъ особенно замѣтно вліяніе школы *Романтической*. — Но самымъ важнымъ и народнымъ поэтомъ онъ является въ *Пльцѣ* во время *Русскихъ войнъ* и въ *Севастополѣ*. Г. профессоръ *Плетневъ* въ составленной имъ *Общей Характеристикѣ Русскихъ Поэтовъ* такъ описывается о характерѣ и достоинствѣ произведеній Жуковского: «Изображая чувствованія сердца человеческого, онъ доходитъ до самыхъ сокровеннѣйшихъ. Какъ анапомикъ, онъ знакомитъ насъ со всѣми изгибами нашего сердца. Но чаще онъ любитъ предаваться всей стремительности отважнаго своего воображенія, которое, въ прихотливомъ своемъ полетѣ, избираетъ путь не рѣдко странный, однако самое свое нравіе его насъ плѣняетъ, потому что у него никогда сила воображенія не измѣняетъ дѣятельности. Въ рисункѣ картинъ природы Жуковский не имѣетъ и едва ли будетъ

нѣтъ соперника. Почти всѣ явленія въ природѣ, даже едва примѣнныя черты въ нихъ, замѣчены имъ, и вошли уже въ составъ его красокъ. — Въ слогъ Жуковского удивительная гармонія. Но въ изображеніи глубокихъ чувствованій, слогъ его сжаль, и потому чаще всѣхъ писателей, у него встрѣчается фигура: *удержаніе*. Сіачно излившія даждь сжалость слога у него иногда бываетъ причиною темноты мыслей. — Въ общемъ составѣ большихъ сочиненій Жуковский не всегда такъ счастливъ, какъ въ частной ихъ оцѣнкѣ. Кажется, слишкомъ смѣлое воображеніе увлекаетъ его далѣе, нежели на что бы отважился другой. Не смотря на все сіе, никто между новѣйшими поэтами не возбуждаетъ къ себѣ столько энтузіазма, какъ Жуковский. Причина ясная: онъ живѣе всѣхъ говоритъ сердцу и воображенію. — Нельзя не замѣтить слѣдующихъ стиховъ, написанныхъ пѣвцомъ Руслана и Людмилы къ портрету Жуковского:

- «Его стиховъ плѣнительная сладость
- «Пройдетъ время зависливаю далъ,
- «И внемля нѣтъ, вздохнешъ о славѣ младость,
- «Утѣшився безмолвная печаль,
- «И рѣвая задумается радость.

Батюшковъ, какъ свободный, самостопельный пѣвецъ, началъ, вмѣстѣ съ Жу-

ковскимъ, новый, блистательный періодъ нашей Поэзіи. Стихотворенія его дышутъ нѣгою Италіи и яркимъ ея колоритомъ. — Г. *Плетневъ* въ той же *Общей Характеристикѣ Русскихъ поэтовъ* приводитъ слѣдующія объ этомъ поэтѣ сужденія: «Башковъ держится новѣйшей *Классической* школы. — Нѣжность чувствъ, умѣренная голосомъ истины, воображеніе живое, но всегда послушное строгому вкусу, описанія прекрасныя, но никогда не преувеличенныя — оплачуютъ сію школу опъ романтической. Башковъ задумывается, а не мечтаетъ. Его скорѣе увлечетъ чувство, нежели воображеніе. Онъ преимущественно любитъ, такъ называемую, пластическую красоту, а не воображаемую. — Ею исполнена для него природа. Чувство нѣги и наслажденія, въ разнообразнѣйшихъ видахъ, но постоянно прекрасныхъ, разливается на всю его Поэзію. — Самыя высокія Лирическія его произведенія неизъяснимо смягчаются опъ сего главнаго характера. — По любимымъ картинамъ природы юга, съ шрудомъ себѣ вѣришь, что поэтъ нашъ жителъ холоднаго сѣвера. Мелодическій слогъ его составляетъ самую нѣжную, самую сладостную музыку для уха и сердца. Онъ создалъ особенныя формы для словоупотребленія Русскаго языка, и застра-

виалъ, не говорю мужчинъ, даже женщинъ съ большимъ удовольствіемъ чипашъ Русскіе стихи, нежели съ какимъ онъ обыкновенно прежде чипывали Французскіе.»

Пушкинъ—Протей въ нашей Словесности, своенравный, прихотливый, какъ сама Поэзія, принадлежишь къ малому числу тѣхъ счастливицевъ гениевъ, коихъ первые подвиги знаменовались правомъ на пріумокъ. Тѣмъ же путемъ, копорый былъ избранъ Карамзинымъ на поприщѣ прозы, Пушкинъ шелъ въ своихъ поэтическихъ занятіяхъ. Его первыя стихотворенія болѣе или менѣе напоминали замѣчательныя произведенія Европейскихъ Литературъ. Романтическая поэма его: *Русланъ и Людмила* создана была имъ еще подъ вліяніемъ школы классической; онъ подражалъ въ ней Аріосту; только основа басни и нѣкоторые эпизоды заняты имъ изъ Русскихъ сказокъ. Посомъ введеніе Байронизма въ Русскую Поэзію, послѣ мстшательности Жуковского, отразилось и на Поэзіи Пушкина. *Кавказскій Плѣнникъ*, *Багисарайскій Фонтанъ*, *Цыганы* и *Онгинъ*, все это вдохновено Пушкину Байрономъ, копорого онъ самъ называлъ властипелемъ нашихъ думъ; *Онгинъ*, Русскій снимокъ съ лица Донъ Жуанова, такъ же какъ *Кавказскій Плѣнникъ* и *Алеко* были снимками съ Чайльдъ-

Гарольдова лица. Наконецъ онъ перешелъ къ тому, что составляетъ лучшее достояніе каждой Литературы, то есть народныя событія, рѣзкія черты народнаго характера. Первая идея народности проявляется Пушкинымъ въ *Полтаву*. Лица прежде упомянутыхъ его Поэмъ были штыи, которыя можете переносить куда угодно; но *Мазепа*, *Кочубей*, *Марія*, *Петръ*, созданія Русскія, мѣстныя; здѣсь видны уже какъ самобытность поэта, такъ и пѣвическая народность, составляющая высочайшую идею романтизма. Но онъ изъ сокровищницы Карамзина взялъ для новаго себѣ подвига эпоху, едвали не болѣе шрудную. — Въ драматическомъ сочиненіи своемъ: *Борисъ Годуновъ* (*) долженъ былъ онъ многое угадать, принаровить къ ходу цѣлаго, и создать для каждаго лица приличный языкъ и характеръ. Разительныя примѣны самобытности Пушкина и непрерывно возрасшавшей мѣстности его поэзіи представляютъ также его мелкія стихотворенія, изданныя въ 3 частяхъ. Здѣсь болѣе 200 пьесъ характеризуютъ поэтическое поприще его съ 1815 по 1832

(*) О *Борисѣ Годуновѣ* подробно сказано въ § 222 Пѣсни.

годъ; здѣсь живопись его поэтической жизни и впечатлѣній, оплыводу вѣтрянныхъ въ его душу, опытъ мирной юности Царско-сельскаго Лицея до новой Петербургской жизни; во все время спротивопоставленнаго его на Кавказѣ, по степямъ Новороссійскимъ, въ долинахъ Арзерума, среди суеты столичной и въ глуши деревни. Конечно, изъ которыхъ изъ этихъ пьесъ сказы и недостатки Пушкина; въ другихъ онъ не выше Баратынскаго, Языкова и Хомякова; къ оплывивымъ же пьесамъ должны быть оплывены: *Наполеонъ*, *Къ морю*, *Демонъ*, *Андрей Шенье*, *Отрывокъ изъ Фауста*, *Ассель*, *Поэтъ*, *Чернь*, *Моцартъ* и *Сальери*. Нужно ли говорить, какую важную услугу оказалъ Пушкинъ выраженію нашей Поэзии, нашему стиху. Рускій стихъ гнулся въ рукахъ его, какъ мягкій воскъ въ рукахъ вѣпселя; онъ пѣлъ у него въ всѣ лады; какъ сплыва на скрыпкѣ Паганини. Если стихи Пушкина не являются шавимъ мелодическимъ, какъ стихи Жуковскаго, и не достигаютъ высокости стиховъ Державина, за то въ немъ слышна гармонія, соплавленная изъ силы Державана, нѣжности Озерова, простоты Крылова и музыкальности Жуковскаго. Вся классическая чопорность съ него сбила совершенно.

Примѣчаніе. До времени Жуковскаго, Ба-

тыюшкова и Пушкина, стихотворному языку нашему весьма много вредили неправильныя усѣченія словъ, невѣрность удареній и неуспѣшная смѣсь Славянскихъ словъ съ числыми Русскими. Но, съ появленіемъ произведеній сихъ первоклассныхъ нашихъ поэтовъ, чистота, свобода и гармонія соспавляютъ главнѣйшія совершенства новаго стихотворнаго языка вашего.

Изъ другихъ лирическихъ нашихъ поэтовъ, послѣ Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина, занимаютъ второе мѣсто: *Языковъ, Баратынскій, О. Глинка* (*), *Хомяковъ, Тепляковъ* и *Веневитиновъ*. Стихотворенія *Языкова*, порывы пламенной души, поэтическаго созерцанія, выражены прекраснымъ языкомъ, но, кажется, слишкомъ единообразны вымысломъ. *Тепляковъ* своими произведеніями доказалъ, что и въ наше время есть средство быть хорошимъ писателемъ мелкихъ лирическихъ стихотвореній. Въ сочиненіяхъ *Баратынскаго* видны чувство и вкусъ. Элегии его лучшія на Русскомъ языкѣ; онѣ непохожи на тѣ Элегии, которыми нѣкогда наводнялась наша Словесность, въ которыхъ унылыя мечты, желаніе невозвѣстнаго, упоминеніе жизни, шеска по чѣмъ-то лучшемъ,

(*) Объ оригинальности произведений сего писателя сказано въ § 58 Пятыки.

были выражаемы непонятно и наполнялись безъ разбору словами, схваченными у того, или другаго изъ любимыхъ поэшовъ. Изъ другихъ стихотворцевъ пріобрѣли извѣстность: Б. *Дельвиго* своими пѣснями, опличающимися характеромъ народности, Д. *Давыдовъ* пѣснями и олегіями.

Въ родѣ *Дидактическихъ поэми*, предпо- Дидактическіе писатели.
лагающихъ наблюденія надъ природою, успѣ-
хами просвѣщенія и общежитія, мы не имѣемъ еще опличвыхъ стихотвореній. Есть только у насъ довольно удачныя въ эпосѣ родѣ переводы. За то Литература наша богата *сатирическими* произведеніями. Даже большая часть нашихъ Комедій имѣютъ болѣе характеръ Сатиръ, нежели Дра- Сатирики.
мы. Послѣ *Кантемира*, Сатиръ нашей дано вѣрное направленіе *Фонъ-Визиньки*, котораго Комедія, Посланія, Опытъ придворной Грамматики и даже самыя Письма проникнуты духомъ сатирическимъ, и исполнены остроумныхъ правоописательныхъ замѣчаній. Сатиры *Нахимова* извѣстны рѣзкимъ тономъ и негодованіемъ въ изображеніи пороковъ; но, не имѣя благородства въ выраженіи, часто оскорбляютъ чистый вкусъ. *Князь Долгорукій*, какъ бы противъ воли своей является сатирикомъ даже и въ Лирическихъ своихъ твореніяхъ. Осмѣивая по-

роки и слабости другихъ, онъ начинаетъ смѣяться надъ собою. Онъ умѣлъ соединить остроуміе съ простотою и благородствомъ выраженія. Но прямое назначеніе, и разнообразіе дано Сапирѣ *Дмитріевымъ*. Его Сапиры, Эпиграммы, Сказки и другія мелкія спихотворенія, нѣкогда изданныя подъ скромнымъ названіемъ *Бездѣлокъ*, приобрѣли ему право на почетное мѣсто образовавшаго легкой нашей поэзіи. Изъ другихъ сапириковъ извѣстны: *Капнистъ*, *Милоновъ*, *Князь Вяземскій*, *Воейковъ* и нѣкоторые другіе.

Баснописцы.

Басни: *Хемницера*, *Дмитріева* и *Крылова* ничѣмъ не уступаютъ гениальнымъ въ эпическомъ родѣ произведеніямъ Европы. Поэтическій талантъ *Крылова* нимало не увялъ съ лѣтами, что доказывается вновь написанными имъ Баснями. Впрочемъ самый родъ его спихотвореній менѣе другихъ подверженъ вліянію лѣтъ. Воображеніе, чувство и пламя лирическое могутъ угаснуть съ лѣтами; но свѣпская наблюдательность, умъ, прелестъ разсказа не старѣются въ писателѣ съ дарованіемъ. Недавно изданныя Басни *Зилова* показываютъ въ эпическомъ писателѣ несомнѣнное дарованіе. Если въ нихъ вѣпъ той смѣлости разсказа и того національнаго колорита, которымъ отличаются Басни *Крылова*; но за то у него много простодушія прямо

басеннаго; оборотъ Басни всегда замысловатъ, а стихъ почти вездѣ послушенъ и гладокъ. Въ этомъ онъ нѣсколько сходенъ съ Дмипріевымъ. Многіе думаютъ, что по-ле Басни испощено опилчными нашими баснописцами; но *Зиловъ* доказалъ, что подъ перомъ писателя съ талантомъ все оживаетъ.

Русская Литература не представляетъ еще образцовыхъ Эпическихъ поэмъ. Поэзіею Эпическою занимался болѣе всѣхъ *Херасковъ*. Содержаніе Поэмъ его заимствовано изъ Русской Исторіи; но они не сдѣлались любимымъ чтеніемъ націи, пошому что въ нихъ нѣтъ характера Русской поэзіи (см. § 174 Пятики). Въ послѣдующее время повѣствовательными стихотвореніями приобрѣли извѣстность: *Пушкинъ*, *Козловъ*, *Подолинскій*, *Масальскій*, *Вельтманъ* и *Баронъ Розенъ*. Особеннаго вниманія достойна Сказка Пушкина: о *Царѣ Салтанѣ*, о сынѣ его *славномъ*, *могучемъ Богатырѣ Гвидонѣ Салтановичѣ* и о прекрасной *Царевнѣ Лебеди*. Но кому не извѣстны прекрасныя стихотворныя повѣсти *Жуковского* и несравненныя Сказки *Дмитріева*, гдѣ простота, остроуміе, милая говорливость соединены съ особеннымъ благородствомъ.

Сочиненія
повѣствовательныхъ
стихотвореній.

Драматическія
сочиненія.

Было время, когда весьма многіе наши

писатели принимались за Драмы, какъ самое привлекательное поприще и самое блистательное для всякаго молодого поэта. Если мы прочтемъ всѣ 60 томовъ *Россійскаго Театра*; по увѣримся съ одной стороны въ то, сколь обольстительны способъ изображать дѣйствіе дѣйствіемъ, а съ другой увидимъ, сколь жалки были усилія избравшихъ этотъ путь и недостигшихъ своей цѣли. И дѣйствительно, сдѣлавъ вѣрный счетъ, мы найдемъ, что у насъ драматическихъ піесъ, Комедій и Трагедій оригинальныхъ появлялось почти столько же, сколько Одъ и Пьесъ; а между тѣмъ, увы! никто не знаетъ и о сошой ихъ части. Все это, показывая съ одной стороны младенчество искусства, съ другой убѣждаетъ насъ въ красотахъ его и въ томъ благородномъ, хотя не всегда управляемомъ законами вкуса, рвеніи отличать себя на поприщѣ, прославленномъ Корнеями, Шекспирами, Расинами и Мольерами. Въ XIX только вѣкъ Драматическая наша поэзія начала обогащаться болѣе и болѣе замѣчательными оригинальными произведеніями. Въ первое и второе десятилітія, Русскій театръ преимущественно обязанъ былъ усовершенствованіемъ своимъ трудамъ *Князя Шаховскаго*, который, обогативъ Русскую сцену своими сочи-

невѣли, переводами и подражаніями, образовалъ многихъ отличныхъ артистовъ. Впрочемъ нынѣшнія его произведенія не могутъ сравниться съ прежними. Хотя въ нихъ болѣе основанія историческаго и философическаго, но за то, часто не доспаетъ въ нихъ замѣчательности предмета, описательности въ изображеніи характеровъ и быстроты дѣйствій. (О успѣхахъ Русской Трагедіи съ изложеніемъ характеристикъ извѣстныхъ въ эпосѣ родѣ писателей и переводчиковъ, показано въ Писикѣ, начиная отъ § 217 до 225; а о состояніи Комедіи въ §§ 234 и 235).

Наблюдая поспешенный ходъ изящной Русской Словесности въ наше время, мы замѣчаемъ, что піисическія произведенія уступаютъ первенство прозаическимъ. Впрочемъ нельзя не радоваться появленію нѣкоторыхъ отличныхъ стихотвореній. Опдѣлъ нашихъ журналовъ въ послѣдніе годы снова ожилъ, снова огласился звучными пѣнями, которыми, конечно, пайдутъ умилительные отзывы въ сердцѣ каждаго Русскаго. Предпріимчивый издашеть Библіотека для Чтенія, который привлекъ въ журналъ свой не только лучшихъ пишущихъ нынѣ поэтовъ, но даже украсилъ его неизданными еще мелкими стихотвореніями Державина (*Оковы, Синика, Незабудка*, Т. I.) и Батюшкова (*Из-*

реченіе Мельхиседека, Т. II). Знаменитые наши поэты напоминаютъ намъ давно знакомые стройные напѣвы ихъ Музы. Несравненный нашъ Баснописецъ И. А. Крыловъ не перешагиваетъ давать намъ мудрые уроки; онъ помѣстилъ въ Библіотекѣ для Чтенія двѣ новыя Басни: *Разбойникъ и Извозчикъ*, *Левъ и Мышь*. Въ нѣкошорыхъ книжкахъ того же журнала напечатаны новыя стихотворенія В. А. Жуковского, писанныя имъ въ Вернѣ, на берегу Женевского озера, во время путешествія его въ 1832 и 1833 годахъ: *Норманскій обывай*, *Старый рыцарь*, *Рыцарь Роллонъ*, *Судъ въ подземельѣ*, *Улминъ и его дохъ* и *Божій судъ*. Содержаніе сихъ прекрасныхъ стихотвореній заимствовано изъ рыцарскихъ преданій западной Европы. А. С. Пушкинъ украсилъ также Биб. для Чп. своими произведеніями: *Гусаръ*, *Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ*, *Будрысъ и его сыновья*, *Воевода*, *Красавица*; и сверхъ того тамъ же напечатаны его *Элегія*, отрывокъ изъ поэмы: *Петербургъ* и два стихотворенія въ классическомъ родѣ: *Подражанія древнимъ*. Въ томъ же журналѣ напечатаны вновь написанныя стихотворенія Козлова: *Моя молитва*, *Свѣжана и Русланъ*, *Ночь*, *Обманутое сердце*, къ *Эмилъ*, переводъ изъ Шиллера, *Байронъ въ Колизей*, отпры-

вокъ изъ IV пѣсни *Чайльдъ-Гарольда* и *Станцы изъ Байрона*. Молодой поэтъ Ершовъ обнаружилъ силу творческаго таланта своего первымъ произведеніемъ своимъ: *Конёкъ-Горбунокъ*, напечатаннымъ въ Т. III Биб. для Чш. Оригинальность вымысла, изображеніе стараго быта съ его причудливыми повѣрьями и мечтаніями, легкость и звучность стиховъ оплечають этотъ первый опытъ юнаго нашего поэта. Въ томъ же журналѣ напечатаны двѣ пѣссы сего же автора: *Молодой орелъ* и *Ночь на Рождество Христово*. Последняя изъ эпическихъ пѣсень оживлена религиознымъ чувствомъ и изяществомъ слога. Въ недавнее время мы были обрадованы появленіемъ другаго нашего поэта Тимофеева, столь блистательнымъ образомъ начавшаго литературное свое поприще. Въ его *Миспери: Жизнь и смерть* и въ его *Художники* проявляея высокая сила творчества, и заставляетъ надѣяться, что значеніе сего юнаго нашего поэта будетъ важно въ нашей Литературѣ. Въ *Сынъ Отечества* напечатано было небольшое стихотвореніе Г. Тимофеева: *Монологъ Морица*, изъ фантазіи *человѣкъ*: гдѣ поэтъ въ лицѣ Морица вопрошаетъ судьбу о своемъ назначеніи въ міръ и иронически насмѣхается надъ приписываемымъ чловѣку владычествомъ надъ природою.

юю. Впрочемъ, по разнохарактерности произведеній этого поэта, трудно еще найти между ними что либо общее и опредѣлить настоящее ихъ направленіе.

Кромѣ того въ Библіотекѣ для Чтенія, Сынѣ Отечества и другихъ литературныхъ нашихъ журналахъ появлялись стихотворенія *О. Глинки, Панаева, Туманскаго, Хомякова, Шевырева, Теплякова, Щастнаго, Деларю, Норова* и въкопюрыхъ другихъ, болѣе или менѣе дающихъ движеніе стихотворной нашей Литературѣ. Здѣсь нельзя не упомянуть о двухъ примѣчательныхъ литераторахъ-крестьянахъ: *Сухановѣ* и *Алипановѣ*, по призванію самой природы сдѣлавшихся писателями; первый изъ нихъ сочинялъ Басни и Русскія пѣсни, а другой, сверхъ Басенъ, писалъ разныя стихотворенія, въ копорыхъ проявляющся необыкновенныя способности и остроты. Академія Россійская, лестно наградивъ этихъ крестьянъ, тѣмъ самымъ возбудила любовь къ чтенію и правильному изученію отечественнаго языка въ простомъ народѣ. Если *Сухановъ* и *Алипановъ* не удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ ученыхъ поэтовъ, но примѣчательны уже и тѣмъ, что другіе ученые поэты, спыдаясь стоятъ на ряду съ ними,

чувствительно подвинулись, но только первые въверхъ, ные въ низъ, какъ кому случилось.

Достойно замѣчаніа драматическое направление, нынѣ обнаруживающееся въ нашемъ стихотворствѣ: оно должно довершивъ образованіе Русской поэзіи въ художественномъ отношеніи. Изъ Драмъ, въ послѣднее время появившихся, достойны извѣстности, хотя не въ равной степени: *Росія и Баторій*, *Петръ Басмановъ*, *Б. Розена*, *Дмитрій Самозванецъ*, *Хомякова*, *Торквато Тассо*, *Рука Всевышняго отечество спасла*, *Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій*, *Роксолана*, *Джакомо Санназаръ*, *Кукольника*. Отличительная черта произведеній Кукольника — борьба величія въ человѣчествѣ съ случаемъ, предрасудками и справами. Эта идея особенно развита въ *Тассѣ* съ особеннымъ искусствомъ. (*) Должно надѣяться, что при совокупныхъ усиліяхъ дарованій нашихъ поэтовъ, Литература наша будетъ болѣе и болѣе обогащаться драматическими произведеніями, вполне удовлетворяющими требованіямъ высокаго искусства, предполагающаго образованность многостороннюю. Вообще для выполненія важ-

(*) О достоинствахъ произведеній Гг. *Кукольника*, *Б. Розена* и *Хомякова* подробно сказано въ §§ 223 и 224 Пѣнишки.

ныхъ и шрудныхъ условій художественныхъ, требуемыхъ отъ драматическаго поэта, въ наше время недостапочно одного, природнаго дарованія; только основательное знаніе теоріи искусства, глубокое изученіе Исторіи и знакомство съ образцовыми драматическими писателями древнихъ и новыхъ временъ, могутъ облегчить это великое дѣло. Изъ комическихъ произведеній можно указать только на одну Комедію Г. Перцова: *Сильшны мнѣ люди*. Давно уже вѣтъ извѣстная Комедія Г. Грибоѣдова: *Горе отъ ума*, только по времени напечатанія относящаяся къ 1833 году. Вообще Литература наша весьма бѣдна оригинальными Комедіями. Разнохарактерность нашего общества и малое усовершенствованіе разговорнаго языка нашего суть главныя причины, замедляющія успѣхи нашей Комедіи. (О нынѣшнемъ состояніи нашей Комедіи, съ указаніемъ на извѣстныхъ въ этомъ родѣ писателей, подробно упоминаю въ §§ 234 и 235 Писемки.)

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ представленнаго здѣсь обзорѣнія успѣховъ Русской Словесности видно, что мы имѣли и имѣемъ отличныхъ писателей; но она далека еще отъ надлежащей степени обра-

зованія. Въ послѣднее время, отдѣлъ Изящной прозы былъ довольно обширенъ и разнообразенъ. Но каждая ли наука имѣетъ у насъ книги, и еще болѣе книги, современныя той степени, на которой находимся она въ Европѣ? Часто ли дарятъ насъ литературы своими отдѣльными, полными, изящными твореніями? Небольшіе трактаты по какой-либо отрасли познанія, повѣсти и мелкіе литературные отрывки, напечатанные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, также весьма малое число оригинальныхъ книгъ составляютъ почти всю нашу умственную производимость.

Главное направленіе нашей Литературы есть подражательность; она силился опередить на себѣ каждое новое движеніе Европейской Литературы. Мы имѣемъ оригинальныя Русскія сочиненія только въ нѣкоторыхъ родахъ Словесности, гдѣ господствуютъ воображеніе и чувство, не рѣдко остроуміе и свѣтская наблюдательность. Но гдѣ необходимы чисто умственная дѣятельность и глубокая созерцательность разума, проникающая въ тайны нравственной и физической природы, мы или ничего не имѣемъ, или богаты только переводами. Отъ собственной философіи мы еще весьма далеки. Духовное краснорѣчіе и изящная повѣствов-

вашельная проза могутъ у насъ похвалити-
ся нѣкоторыми опличными произведеніями.
Сшатишника, поощряемая Правительствомъ,
идеть довольно успѣшно. Въ историческихъ
сочиненіяхъ замѣшенъ недоспашокъ филосо-
фін и крипики. Въ естественныхъ и мате-
матическихъ наукахъ очень мало замѣчатель-
наго.

Лирическая Поэзія, возникшая у насъ въ
эпоху обновленія Россіи, возрожденія ея мо-
гущества, величія и славы, достигла споль
высокой степени совершенства, что можетъ
почесться пердомъ нашей Поэзіи и всей Сло-
весности. Въ наше время, хощя стихотвор-
ная часть и представляеть многія произве-
денія, кошорыя можно поставитъ на ряду
съ лучшими періодами Русской Словесности;
при всемъ томъ, стихъ уступилъ изящной
прозѣ. Нынѣ является новое поколѣніе по-
эшовъ, кошорые пробують силы свои въ
журналахъ. Впрочемъ большую часть мо-
лодыхъ нашихъ писателей можно сравнить
съ тѣми пѣвцами, кошорые коуютъ не
сполько по правиламъ искусства, сколько
по слуху, съ голоса.

У насъ не было даже и опышовъ ориги-
нальныхъ поучительныхъ стихотвореній.
Другія же, относяціяся къ этому роду про-
изведенія, не имѣють чисто дидактическа-

го достоинства; въ нихъ поученіе прикрыто посторонними описаніями. Таковы Сапир и Баснѣ, главными оплечіями которыхъ должны быть остроуміе, игривость воображенія и свѣтская наблюдательность; но развитіе сихъ дарованій не требуетъ и не предполагаетъ высокой образованности въ писателѣ. Поэтому и не удивительно, что у насъ Сапира развилась быстро и удачно, а Баснѣ споймъ несравненно выше прочихъ родовъ сочиненій. Исключивъ Лафонтена, едва ли какая изъ новѣйшихъ Литературъ представитъ достойнаго совмѣстника превосходному нашему Баснописцу Крылову.

Въ Эпическомъ родѣ у насъ были только опыты, замѣчательные впрочемъ потому, что дали уразумѣть наслоящій смыслъ и значеніе Эпопеи. Мы поняли, по крайней мѣрѣ, что этогъ родъ Поэзіи, достигшій возможнаго совершенства въ древности, не свойственъ духу новѣйшихъ временъ. Тотъ міръ чарованій и волшебства, который составлялъ сущность и основу древняго стихотворства, въ особенности Эпическаго, міръ мифологическій разоблаченъ предъ нами Христіанскою Религіею, и потерялъ свою классическую прелесть. Но въ эпоху, намъ современную, представитель Эпическаго рода естъ Романъ. Сколько Эпопея свойствен-

на классической древности, столько Романъ сообразенъ духу новѣйшихъ временъ. Впрочемъ у насъ появленіе Романовъ не было произведеніемъ духа времени, или наспоющей потребности просвѣщенія, но только слѣдствіемъ подражательнаго направленія опечеспвленной Словесности. Въ эпоху, предшествовавшую изданію первыхъ Русскихъ Романовъ, лишературная наша дѣятельность находилась въ нѣкоторомъ усыпленіи: писатели напрягали всѣ свои силы, чшобъ оживить ее, но тщетно. Публика наша помилась жаждою чтенія и не находила удовольстворенія въ опечеспвленной Словесности, заключавшейся въ однихъ Альмавахахъ и журналахъ. Булгаринъ и Загоскинъ рѣшились испытать себя въ такомъ родѣ сочиненій, который, будучи новымъ въ Россіи, содѣлался любимымъ въ западной Европѣ. Блнстательные успѣхи увѣнчали ихъ предпріятіе; и, съ появленіемъ ихъ Романовъ, рѣдкій изъ нашихъ писателей не дѣлалъ опытовъ въ Романъ, хотя не всегда удачныхъ.

Драма, предполагающая для своего развитія высокую образованность въ народѣ, а въ писателей соединеніе многоразличныхъ качествъ, есть изображеніе внутренней жизни человека, поколику она является во внѣшней его дѣятельности. И такъ предметомъ

Драматической Поэзии есть неизчерпаемая глубина человеческого сердца; основаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ условіе ея составляютъ Философія и Исторія. Но мы не имѣемъ первой, и начинаемъ только имѣть вторую. Отсюда видно, какъ безвременны и смѣлы были опыты Сумарокова, Державина и другихъ въ Драматическомъ родѣ. Въ наше только время открываются возможности имѣть собственную и историческую Драму; философскую же должно еще предоставить будущимъ поколѣніямъ. Не надобно также забывать о важнѣйшемъ условіи успѣховъ Драматической Поэзии о жизни общественной. Недостатокъ развитія ея у насъ еще болѣе говоритъ не въ пользу общественной драматургіи, и доказываетъ, что мы выспшихъ, или, такъ называемыхъ, характерныхъ Комедій, имѣть не можемъ.

Вообще ходъ нашего общественнаго образованія ни гдѣ такъ ярко не выражается, какъ въ журналахъ, эпозъ ежемѣсячномъ опголоскѣ Литературы. А потому у насъ журналы играютъ роль важнѣйшую, чѣмъ въ западныхъ Европейскихъ Литературахъ. Тамъ они бывають только опголосками шепчущей умственной жизни; но главные плоды этой жизни обнаруживаються въ книгахъ; у насъ же журналы часно замѣняютъ со-

бою книги. Причину этого должно искать въ самомъ свойствѣ полуобразовавшейся нашей Литературы, которая до сихъ поръ не составляетъ ничего цѣлаго, а является пока еще въ отрывочномъ видѣ. Важную пользу у насъ приносятъ журналы, издаваемые Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Въ этихъ журналахъ находятся драгоценные матеріалы для Статистики и Исторіи. Помощью будетъ благодарно виновникамъ распространенія полезныхъ свѣдѣній ошечествѣ. Въ Библіотекѣ для чтенія, въ Сынѣ Ошечества и нѣкоторыхъ другихъ временныхъ изданіяхъ появляются оригинальныя произведенія; даже оцѣнка иностранныхъ сочиненій дѣлается болѣе, или менѣе, по собственнымъ понятіямъ. Нынѣ почти вся дѣятельность ученыхъ и большей части литераторовъ сосредоточена въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ. Многія статьи этого Лексикона вездѣ обратили бы на себя вниманіе; онѣ служатъ также несомнѣннымъ признакомъ общественнаго нашего образованія. — Успѣхъ Энциклопедическаго Лексикона есть важное доказательство, что читающая публика наша вступила на истинный путь, на которомъ полезное идетъ рядомъ съ пріятнымъ.

Въ шаланшахъ Россіи изобильна. Нужно ученіе. Ученіе имѣетъ двѣ отрасли: *правила* и *образцы*. Въ правилахъ, или вообще въ курсахъ Словесности, имѣемъ большой недоспашокъ. Писпикн заключаютъ правила о формахъ родовъ стихопвореній, а не о существѣ и родахъ Поэзіи. Вразсужденіи образцовъ, должно признаваться, что многіе изъ нашихъ литераторовъ берутъ ихъ въ Французской литературѣ, не заботясь о изученіи древнихъ классическихъ писателей, которыми подражали сами Французы, и такимъ образомъ спановаятся подражателями часто слабыхъ подражателей.

Въ литературной критикѣ, которую можно назвать матерью и спражемъ вкуса, у насъ еще не замѣтно никакой опредѣленной эстетической теоріи; она, составляя спорный предметъ въ нашей Литературѣ, была у насъ въ великой немилости; ее представляли въ видѣ открытой брани. Въ этомъ случаѣ отчасти не правы и тѣ, которые пишутъ разборы, отчасти и тѣ, на которыхъ пишутъ. Первые не соблюдаютъ правилъ безпристрастія, не отдѣляютъ особы автора отъ его творенія; а другіе почитаютъ себя чуждыми всякой слабости. Такое ошибочное мнѣніе о существѣ и достоинствѣ критики есть важнымъ предметомъ IV.

пятствіемъ ея успѣховъ. У насъ рѣдкій писатель съ умомъ и дарованіемъ рѣшился повѣрить свою литературную славу однимъ критическимъ разборамъ: ему кажется эшотъ путь не надежнымъ и невѣрнымъ; онъ твердо увѣренъ: «la critique est aisée, mais l'art est difficile.» Неужели легко поучать таланты, распространять здравыя понятія о Литературѣ, руководить самихъ гениевъ? А занимающіеся крипикою держатся той, или другой иностранной теоріи: одинъ, восхищаясь старою, классическою Французскою Словесностію, повторяетъ правила Боало и Лагарпа; другой судитъ васъ по законамъ, принятымъ въ Литературахъ Нѣмецкой, или Англійской. Здѣсь-то источникъ нѣхъ общихъ предисловій, безъ коихъ ни одинъ порядочный разборъ у насъ обойтись не можетъ, и коихъ обыкновенно мало вяжутся съ послѣдующими замѣчаніями критика. Можно ли послѣ сего удивляться, что въ Литературѣ нашей не появляется такихъ разборовъ, которые бы можно было назвать отголоскомъ общественнаго мнѣнія, долженствующаго быть органомъ критики. Почитая себя въ правѣ и въ состояніи судить о всѣхъ явленіяхъ опечесивенной Литературы по одному собственному понятію, критики наши не хотятъ подчинить себя

общественному мнѣнію даже и тогда, когда о какомъ либо произведеніи, обратившемъ на себя общее вниманіе, составляюща большаинство голосовъ Публики въ пользу, или противъ него. Такимъ образомъ упорствомъ своимъ они доказываютъ читателямъ пренебреженіе ихъ судомъ, и чрезъ потерю довѣрія къ собственнымъ силамъ и препятствуютъ развитію общественнаго мнѣнія. Я не говорю уже о томъ, что журнальная наша кришика, кромѣ односторонности, отличается какимъ-то шутовскимъ тономъ, такъ что и хвалятъ и порицаютъ, смѣясь.

Укажемъ еще на другіе важныя недоспапки, которые пребуотъ вниманія просвѣщенныхъ любителей Русскаго слова. У насъ немногіе умѣютъ пользоваться Славянскимъ языкомъ, составляющимъ ключъ языка Русскаго. Мы весьма мало имѣемъ систематическихъ Учебно-словесныхъ сочиненій. Нельзя не пожелать также составленія *полнаго филологскаго Словаря*, гдѣ бы ошличены и объяснены были синонимы. Иначе безъ сего значеніе словъ будетъ неопредѣленно, и слова будутъ употребляемы безъ надлежащаго разбора. (Смолр. I книгу Руководства § 28).

Въ крапкомъ этомъ обзорѣ указавъ на все, что есть оригинальнаго, незаемнаго въ

юной нашей Словесности, и чего еще не достае́тъ въ ней, издѣшны было бы говорить о неумѣстности возгласовъ нѣкоторыхъ писателей, которые толкуютъ о вѣстоѣ, о неподвижности Литературы и твердятъ, что Литература наша безцвѣтна, безхарактерна и не вышла изъ границъ подражанія. Развѣ можно требовать отъ богатаго дарованія юности, чтобы онъ творилъ, какъ мудрецъ, и поучалъ народы? Россія есть юноша, крѣпкій физическими силами, въ коемъ уже замѣщенъ оригинальный геній, видно это богатое чувствами сердце, которыя указываютъ ему на свѣтлую стезю въ будущемъ. При томъ же, какая Литература, имѣвшая предъ собою чужіе образцы и правила, не руководствовалась ими? Исторія доказываетъ, что только тѣ народы, которыхъ судьба опдѣлила отъ прочихъ членовъ человѣческаго рода, до времени развили самобытнаго ихъ духа, имѣли Литературу оригинальную. Въступленіе Россіи на поприще Романтизма, возродившійся въ публикѣ вкусъ ко всему Русскому, народному, усиливающаяся любовь къ историческимъ наукамъ и спросъ нашего юнаго поколѣнія къ просвѣщенію суть предзнаменованія близкаго рожденія Русской оригинальной Словесности. Не лѣзя не радоваться появивше-

муся въ послѣднее время большому числу оригинальныхъ Русскихъ спашей, которыхъ сцена Россія и дѣйствующія лица Русскія. Литераторы наши, кажется, убѣдились, что и въ нашемъ обществѣ есть жизнь, характеръ, есть особыя ошпечашки; что дѣло оригинальнаго Русскаго писателя изучить эти особыя ошпечашки, исключительно принадлежащія его націи, и облечь мысли свои народными красками. Должно надѣяться, что эпошъ благородный вкусъ, эпо похвальное стремленіе къ ошечественному будущъ укореняться болѣе и болѣе въ нашихъ писателяхъ. Сама публика начинаетъ охотнѣе читать Русскія книги и журналы, и ужé не показываетъ излишняго приспращія къ произведеніямъ иностранныхъ Литературъ.

Каждый изъ насъ, любящій ошечество и радующійся быстрымъ его успѣхамъ на поприщѣ просвѣщенія, долженъ благословлять мудрое и попечительное Правительство, которое одобряетъ и награждаетъ всякій благородный порывъ, и не щадитъ ничего для распространенія свѣта наукъ по всѣмъ классамъ народа, для приобрѣтенія способныхъ, вѣрныхъ и честныхъ служителей на пользу ошечества.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Курсъ догматической философии

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ IV.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Введение. — Начало и ходъ языка, — Постепенное усовершенствованіе слова, — Понятія, извлеченныя изъ словесныхъ произведеній. — Определеіе Литературы и отношеніе ея къ языку. — Предметъ исторіи Литературы. — Причины успѣховъ и замедленія Литературы. — Степени успѣховъ Литературы. — Раздѣленіе исторіи Литературы...
оптъ стран. 1—12

Стран.

А. Древняя исторія Литературы. . . .	12
I. Еврейская Литература	—
II. Индійская Литература	18
III. Замѣчанія о произведеніяхъ Персовъ и Египтянъ	20
IV. Греческая Литература	22
Взглядъ на Греческую Литературу. . .	37
V. Латинская Литература	40
Взглядъ на Римскую Литературу. . .	49
В. Средняя исторія Литературы. . . .	54
I. Византійская Литература	57

	<i>Стран.</i>
II. Литература Северо-Западныхъ народовъ	59
III. Литература Аравяннинъ.	64
IV. Провансальная Повесть	68
C. Новая исторія Литературы	71
I. Испанская Литература	73
II. Испанская Литература	79
III. Португальская Литература.	83
IV. Английская Литература	84
V. Замѣчаніе о Литературѣ Северо-Запад- ныхъ народовъ.	91
VI. Языкъ и Литература Славянскихъ на- родовъ	93
Мѣсто и названіе Славянъ	99

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Введеніе. — Периоды Русской Литературы	
Характеръ каждого періода. Можно ли при- нять строгое раздѣленіе исторіи Русской Ли- тературы на періоды? Главныя измѣненія Ру- скаго языка.	105—117

ПЕРІОДЪ I.

	<i>Стран.</i>
ГЛАВА I. Памятники языческихъ временъ.	117
II. Изобрѣтеніе письменъ Славян- скихъ и древнѣйшіе памятники Русскаго языка	135
III. О переводахъ книгъ Священна- го Писанія	143
IV. О Несторѣ и прочихъ лето- писцахъ	145

ГЛАВА V. О пѣсни Игоровой и старинныхъ повѣсняхъ	150
--	-----

—— VI. О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, писанныхъ до нашествія Тагарь и во времена владычества ихъ въ Россіи.	161
--	-----

ПЕРІОДЪ II.

ГЛАВА VII. О началѣ книгопечатанія въ Россіи.	166
---	-----

—— VIII. О вліяніи Польскаго языка на Русскій, и о первыхъ изданныхъ Славянскихъ Грамматикахъ	169
---	-----

—— IX. О успѣхахъ Словесности въ XVI вѣкѣ и о началѣ театра въ Россіи.	173
--	-----

—— X. Писатели XVI вѣка.	183
----------------------------------	-----

—— XI. Писатели XVII вѣка	187
-------------------------------------	-----

ПЕРІОДЪ III.

ГЛАВА XII. О состояніи языка и Словесности оупь единодержавія Петра I до царствованія Елисаветы.	191
--	-----

—— XIII. Духовные писатели времени Петра I	205
--	-----

—— XIV. Современные Петру I и Аннѣ Иоанновнѣ писатели свѣтскіе	211
--	-----

—— XV. Успѣхи языка и Словесности въ царствованіе Елисаветы.	215
--	-----

—— XVI. Успѣхи языка и Словесности въ царствованіе Екатерины II	225
---	-----

—— XVII. Взглядъ на успѣхи языка и Ли-	
--	--

	<i>Стран.</i>
перашуры въ XIX вѣкѣ.	442
ГЛАВА XVIII. О Русскихъ прозаикахъ XIX	
вѣка, съ обзорѣніемъ нынѣшняго состоя-	
нія Русской прозы.	261
— XIX. О Русскихъ поэтахъ XIX вѣ-	
ка, съ обзорѣніемъ нынѣшняго состоянія	
Русской поэзіи	289
Общее заключеніе	298

О П Е Ч А Т К И.

=

Въ 1-й части.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
67	12	испанскихъ	Испанскихъ
90	14	латинское	Латинское

Во 2-й части.

9	19	египетскихъ	Египетскихъ
17	6	римскаго	Римскаго
19	16	церкви	Церкви
40	12	греціи	Греціи
46	5	исторіи	Исторіи
95	13	стойтъ	стойтъ
113	6	ollicitudo	sollicitudo
125	20	дѣловыя	Дѣловыя

Въ 3-й части.

39	20	Тирокихъ	широкихъ
112	21	Энгузіазма	энгузіазма

Въ 4-й части.

6	16	Литерапуръ и Сло- весности	Литерапуръ или Сло- весности
17	1	нерѣдко	не рѣдко

=